

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

№ 99

Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № 77-12789 от 31 мая 2002 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

Томск
2026

16+

Учредитель – Томский государственный университет

«Сибирский психологический журнал» является научно-практическим изданием, публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии. «Сибирский психологический журнал» публикует результаты завершённых оригинальных исследований в различных областях современной психологии, ранее нигде не публиковавшиеся и не представленные к публикации в другом издании. Решение о публикации принимается научной редакцией после рецензирования, учитывая соответствие тематике журнала, актуальность проблемы, научную и практическую новизну и значимость, профессионализм выполнения работы, качество подготовки и оформления материала. Официальные языки журнала: русский и английский. Средний срок рассмотрения рукописи 3–6 месяцев.

«Сибирский психологический журнал» выходит ежеквартально. Публикации осуществляются на некоммерческой основе. Все опубликованные материалы находятся в свободном доступе.

Журнал индексируется: eLIBRARY.RU; Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index; Scopus

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/psychology>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Лукьянов О.В. (Томский государственный университет, Томск). E-mail: lukyakov7@gmail.com

Алексеевская Е.О. – ответственный секретарь редакции журнала (Томский государственный университет, Томск). E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Богомаз С.А. (Томский государственный университет, Томск); **Бохан Т.Г.** (Томский государственный университет, Томск); **Кабрин В.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Карнышев А.Д.** (Иркутский государственный университет, Иркутск); **Красноярцева О.М.** (Томский государственный университет, Томск); **Нелюбин Н.И.** (Омский государственный педагогический университет, Омск); **Серый А.В.** (Кемеровский государственный университет, Кемерово)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г. (МГУ имени М.В. Ломоносова, федеральное государственное автономное учреждение «Федеральный институт развития образования», Москва, Россия); **Бохан Н.А.** (Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук, Томск, Россия); **Вассерман Л.И.** (Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия); **Галажинский Э.В.** (Томский государственный университет, Томск, Россия); **Гарбер И.Е.** (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия); **Зинченко Ю.П.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Знаков В.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия); **Ковас Ю.** (Голдсмита, Университет Лондона, Лондон, Великобритания); **Лаги Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Ломбардо К.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Лучиди Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Малых С.Б.** (Психологический институт РАО, Москва, Россия); **Такушян Г.** (Фордхемский университет, Нью-Йорк, США); **Ушаков Д.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия)

Издательство: Издательство Томского государственного университета

Редактор Шумская Е.Г.; редакторы-переводчики: Лукьянова Е.О., Стайпек А.А., Горенинцева В.Н.; оригинал-макет Шумской Е.Г.; дизайн обложки: Кривцова Л.Д.

Подписано в печать 25.03.2026 г. Формат 70x100^{1/16}. Усл.-печ. л. 15,8. Тираж 50 экз. Заказ № 6728. Цена свободная.

Дата выхода в свет 14.04.2026 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательства Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия

Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

ABOUT SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

Founder – Tomsk State University

The scientific journal “Siberian journal of psychology” publishes the results of the completed original researches (theoretical and experimental manuscripts) in different areas of contemporary psychology which have not been published before in this or any other edition. Besides, it includes descriptions of conceptually new methods of research, round-up articles on particular topics and overviews. The Editorial Board of the “Siberian journal of psychology” commits to the internationally accepted principles of publication ethics expressed.

International standard serial edition number: ISSN 1726-7080 (Print), ISSN 2411-0809 (Online)

Language: Russian, English

Publications are on non-commercial basis (FREE).

Open access

Term of publication: 3–6 months

Abstracting and Indexing: eLIBRARY.RU; Emerging Sources Citation Index (Web of Science Core Collection's); Scopus.

Contact the Journal

Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation

<http://journals.tsu.ru/psychology/en/>

Editor-in-Chief – Oleg V. Lukyanov, Dr. Sci. (Psychol.), Tomsk State University, Russia.

E-mail: lukyanov7@gmail.com

Executive secretary – Ekaterina O. Alekseevskaya, Tomsk State University, Russia.

E-mail: sibjornpsy@gmail.com

EDITORIAL COUNCIL

S.A. Bogomaz (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **T.G. Bokhan** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **V.I. Kabrin** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **A.D. Karnyshev** (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia); **O.M. Krasnorjadtseva** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **Nelyubin N.I.** (Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia); **A.V. Seryy** (Kemerovo State University, Kemerovo, Russia)

EDITORIAL BOARD [In Russian Alphabetical order]

A.G. Asmolov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **N.A. Bokhan** (Mental Health Research Institute, Tomsk, Russia); **L.I. Vasserman** (St. Petersburg Research Institute of neuropsychiatric named Bekhterev, St. Petersburg, Russia); **E.V. Galazhinsky** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **I.E. Garber** (Saratov NG Chernyshevskii State University, Saratov, Russia); **Iu.P. Zinchenko** (Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **V.V. Znakov** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); **Yu. Kovas** (Goldsmiths, University of London, London, UK); **F. Laghi** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **C. Lombardo** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **F. Lucidi** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **S.B. Malykh** (Psychological Institute Russian Academy of Education, Moscow, Russia); **H. Takooshian** (Fordham University, New York, USA); **D.V. Ushakov** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

PUBLISHER:

Tomsk State University Press (Tomsk State University, Tomsk, Russia)

Editor E.G. Shumskaya; editor-translators: E.O. Lukyanova, A.A. Stipek; V.N. Gorenintseva; camera-ready copy E.G. Shumskaya; cover design L.D. Krivtsova.

Passed for printing 25.03.2026. Format 70x100^{1/16}. Conventional printed sheets 15.8. Circulation – 50 copies. Order N 6728.

36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation. Tel. +7(382-2)–52-98-49. <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Социальная психология

Карнышев А.Д. Сибирские истоки анархизма П. Кропоткина и варианты их возможного проявления в реалиях многополярного мира	6
Ничко Н.В., Гуриева С.Д. «Не читайте про эту теорию!»: обзор теории реактивного сопротивления	21
Семенова Г.В., Векилова С.А. Разработка и апробация опросника «Шкала социального исключения»: эксклюзия с позиции актора	43

Общая психология и психология личности

Павлова Н.С. Контроль поведения во взаимосвязи с субъективным благополучием и качеством жизни людей позднего онтогенеза, постоянно проживающих в учреждениях социального обслуживания	62
Коптева Н.В., Береснева Е.Н. Виды гибридной онлайн-офлайн идентичности	83
Шейнов В.П., Карпиевич В.А. Кластер личностных свойств, взаимосвязанных с цифровыми зависимостями	107
Артищева Л.В., Валеева К.Р. Влияние коммуникативных состояний на личностные характеристики, обеспечивающие успешность общения	120
Емельянчук Н.Н., Леонтьев Д.А. Валидизация русскоязычной версии «многомерной методики экзистенциального смысла»	140

Педагогическая психология

Веракса А.Н., Плотникова В.А., Веракса Н.Е., Вересов Н.Н. Игровая и проектная деятельность в дошкольном возрасте: условия, обеспечивающие развитие	161
---	-----

Краткие сообщения

Шашкова М.И., Зеер Э.Ф., Волконский М.А. Возможности искусственного интеллекта в развитии самоорганизации студентов	180
--	-----

Монологи. Диалоги. Дискуссии

К пятилетию со дня смерти профессора Г.В. Залевского. Актуальна ли сейчас проблема психической ригидности?	193
--	-----

CONTENTS

Social Psychology

Karnyshev A.D. The Siberian Origins of P. Kropotkin's Anarchism and their Possible Manifestations in the Realities of a Multipolar World	6
Nichko N.V., Gurieva S.D. “Don't Read about this Theory!”: Overview of the Psychological Reactance Theory	21
Semenova G.V., Vekilova S.A. Development and Testing the “Scale of Social Exclusion” from the Actor’s Perspective	43

General Psychology and Psychology of the Person

Pavlova N.S. Behavioral Control in Relation to the Subjective Well-Being and Quality of Life of Elderly People Permanently Residing in Geriatric Centers	62
Kopteva N.V., Beresneva E.N. Types of Hybrid Online-Offline Identity	83
Sheinov V.P., Karpievich V.A. A Cluster of Personality Traits Associated with Digital Addictions	107
Artishcheva L.V., Valeeva K.R. The Impact of Communicative States on Personal Characteristics Ensuring Communication Success	120
Emelianchuk N.N., Leontiev D.A. Validation of Russian Version of the Multidimensional Existential Meaning Scale	140

Psychology of Education

Veraksa A.N., Plotnikova V.A., Veraksa N.E., Veresov N.N. Play and Project Activities in Preschool Children: Conditions that Ensure Development	161
--	-----

Work in Progress

Shashkova M.I., Zeer E.F., Volkonskij M.A. The Potential of Artificial Intelligence in Developing Student Self-Organization	180
--	-----

Monologues. Dialogues. Discussions

On the fifth anniversary of the death of Professor G.V. Zalevsky. Is the problem of mental rigidity still relevant today?	193
---	-----

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

СИБИРСКИЕ ИСТОКИ АНАРХИЗМА П. КРОПОТКИНА И ВАРИАНТЫ ИХ ВОЗМОЖНОГО ПРОЯВЛЕНИЯ В РЕАЛИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

А.Д. Карнышев¹

¹ *Иркутский государственный университет, Россия, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1*

Резюме

На фоне определений многополярного мира в качестве «глобального анархизма» и «проявления эпохи международной анархии» рассмотрена своеобразная концепция анархизма одного из основателей данной теории П. Кропоткина, в немалой степени навеянная в его молодости природными и социальными реалиями Сибири. Сибирские истоки анархизма имели для биолога, географа и политика П. Кропоткина три «руса»: реалии сибирской природы, жизнь аборигенных и русских «старожильческих» сообществ, критический взгляд на возможности и вклад местных властей в общественную жизнь. В статье показано, что при в целом противоречивой оценке анархизма существуют позитивные взгляды на теорию Кропоткина отечественных философов Н. Бердяева и С. Булгакова, а также что роль биологических и гуманитарных идей Кропоткина для современной науки признана среди известных западных исследователей-естественников и психологов (Э. Аронсон, Ф. де Вааль, М. Ридли, Д. Уилсон). Уточняются и детализируются факты, известные и неизвестные зарубежным ученым, которые восхищались приобретенными в Сибири научными впечатлениями ученого и анархиста Кропоткина, легшими в основу его взглядов о «природной этике» и роли триады «взаимопомощь–справедливость–нравственность» в эволюции всего живого. Через примеры сибирской жизни в анархистски ориентированных биологических позициях он подчеркивал важность того, что если животные способны к проявлению альтруизма без существования правительства, то цивилизованному обществу оно также не нужно, и люди могут без проблем жить в мире и вести себя альтруистично. Кропоткин следовал принципам, которые считал «курсом, начертанным современной философией эволюции», и многие из которых могут реализоваться в многополярном мире. Для сообществ Сибири важна его мысль о роли, которую, казалось бы, неизвестные массы играют в крупных исторических событиях: переселениях, войнах, выработке форм общественной жизни. Приведенный тезис в многополярном мире актуален тем, что настраивает на нераскрытые ресурсы «глубинок» и «провинций» в динамике сложных общественных проблем.

Ключевые слова: глобальный анархизм; альтруизм; свобода личности; аборигены и старожилы Сибири; взаимопомощь; природная этика; nepoтизм

В публицистических материалах СМИ и Интернете все чаще встречаются определения многополярного мира (МПМ) в качестве «глобального анархизма» для, во-первых, обозначения «безвластных» форм самоорганизации сообществ и институтов в многополярном мире, а во-вторых, фиксации «анархической сущности мира» и / или роста в нем сторонников анархизма. Ряд известных российских политиков, в том числе Ф. Лукьянов – главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», модератор заседания Валдайского клуба 2025 г., утверждают, что МПМ – это никакой не порядок, а фактические проявления эпохи международной анархии, где каждое государство и их союзы ведут себя по-своему. Но, говоря об анархизме, нельзя забывать, что во многих его традиционных концепциях, как и в демократизме и либерализме, существенную роль играют личности. МПМ ориентирует международные организации, а через них и личности, на свободу и равенство, даже, возможно, излишние. И поскольку в мире распространено мнение, что многополярный мир – прежде всего вотчина политиков, а для рядового «обывателя» и их групп это трудно постижимое явление, возможную нейтрализацию проблем политики берут на себя. Например, в таком ракурсе можно рассматривать инициативу Председателя КПК Си Цзиньпина на заседании ШОС в сентябре 2025 г. о внедрении глобального управления, поддержанную В. Путиным¹.

Однако наличие слова «анархизм» в рассматриваемом сочетании не может не заставить обратиться к социально-психологическому анализу проблемы. В ее сути – мало чем ограниченная в анархизме свобода личности, расположенная между двух крайностей связей с обществом, содержание которых можно обозначить «по Бакунину» и «по Кропоткину». При этом в изложении проблемы целесообразно использовать комментарий философа Н. Бердяева. В частности, он считал, что главная слабость мировоззрения анархиста Бакунина – в отсутствии сколько-нибудь продуманной идеи личности. По его мнению, анархизм верит в благость атомизма человека, т.е. распадение всех общественных целостей на индивидуумы, начинающие с себя всю историю, отрицающие высшие реальности (Бердяев, 1999, с. 658, 660). Получается, что в анархизме, по Бакунину, личность не способна к созидательной общественной активности и не мотивирована на неё. У Кропоткина в его «анархо-коммунизме, окрашенном в цвет идеологического оптимизма» (Н. Бердяев), свободная личность руководствуется внутренними нравственными принципами, и эти принципы стремятся к созвучию с общественными ценностями, поэтому «субъекты» анархизма во многих ситуациях «будут поступать так, как лучше будет для общества...» (Кропоткин, 1991, с. 305).

П. Кропоткин при подведении итогов своего пребывания в Сибири заметил, что он понял роль, которую, казалось бы, неизвестные массы играют

¹ См.: Си Цзиньпин выдвинул инициативу глобального управления // РИА Новости. 2025. 1 сент. URL: <https://ria.ru/20250901/kitay-2038853574.html>

в крупных исторических событиях: переселениях, войнах, выработке форм общественной жизни. Приведенный тезис и в настоящее время актуален тем, что настраивает на нераскрытые ресурсы «глубинок» и «провинций» в динамике сложных общественных проблем. Что касается сибирских «потенций» в МПМ, то в данном ключе интересны позиции автора известных работ по теории многополярного мира А. Дугина, который, в частности, считает, что в основу «полюсов» этого мира могут быть положены разные критерии... В такой системе может развиваться регионализм, автономное и самобытное развитие локальных, этнических и религиозных общин, поскольку унифицирующее давление, свойственное национальным государствам, существенно ослабнет (Дугин, 2013, с. 477). Такая точка зрения говорит не только о конкретных формах участия региональных сообществ в МПМ, но и о значимости тенденций рассматривать их перспективы в обществе «глобальной анархии».

В нашем исследовании респонденты из Байкальского региона (N = 422), чувствуя актуальность и необходимость феномена МПМ, все же больше указывали на его прогностический характер: понятие, в котором есть что-то рациональное, но отношение к нему покажет будущее – 49,3%; это незрелое понятие, у которого есть перспективы развития – 29,3%; это очередной идеологический фейк современных политиков, который скоро «сдуется» – 16,4%.

Автор статьи считает, что тенденции и перспективы проблемы могут быть лучше раскрыты на судьбе и трудах ученого и практика анархизма П. Кропоткина, о позициях и делах которого существует множество публикаций. Но в них не затронуты истоки его анархических взглядов в молодые годы, значительная часть которых прошла в Сибири. Даже в пятитомной «Истории Сибири» при упоминании ряда его «чиновничьих» и экспедиционных дел ни слова не сказано о нем как одном из основателей анархической теории. Между тем в его личных воспоминаниях как революционера и даже в работах зарубежных аналитиков его трудов есть оценки соответствующего сибирского вклада, и к их конкретике мы еще обратимся. В последние десятилетия ряд крупных ученых-естественников Запада обратили внимание на личность П. Кропоткина, сущность и перспективы его биосоциальных разработок по проблемам взаимопомощи и эволюции, не отрицая значения его анархистских взглядов. И в контексте озвученного мнения о «глобальном анархизме» и отечественные, и зарубежные публикации об этом авторе стимулируют попытки найти в анархизме категории, не только значимые для становления (функционирования) МПМ, но и привлекающие к нему личности и группы.

О многом говорит то, что первые уроки «изучения жизни и человеческого характера», а также «скрытых пружин общественной жизни», приведшие впоследствии к анархизму, Кропоткин получил молодым офицером, чиновником генерал-губернаторств в Сибири и руководителем экспедиций по изучению российской, и не только, территории Центральной Азии. В середине 1860-х гг. он по разным причинам изучал Восточные и Западные

Саяны, Витимские и Олекминские золотые прииски, зарубежные районы Большого Хингана и Маньчжурии. Он сам признавался: «Годы, которые я провел в Сибири, научили меня многому, чему я вряд ли научился в другом месте. Я быстро понял, что для народа решительно невозможно сделать ничего полезного при помощи административной машины. С этой иллюзией я распростился навсегда... В Сибири я утратил всякую веру в государственную дисциплину: я был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом» (Кропоткин, 1966, с. 206, 208).

Что касается упоминания «административной машины», то в отношении к ней Кропоткин как потомственный русский князь первоначально был ярким представителем своей эпохи и «страты». «Воспитанный в помещичьей семье, я, как все молодые люди моего времени, вступил в жизнь с искренним убеждением в том, что нужно командовать, приказывать, распекать, наказывать и тому подобное» (Кропоткин, 1966, с. 207). Но реальная жизнь в сибирской глубинке заставила сопоставлять имеющиеся подходы и делать рациональные выводы. Во-первых, он обнаружил, что Сибирь – это край, в котором исторически никогда не было помещиков и в чем-то реализовывались его зарождавшиеся представления о сущности анархизма и особенностях свободы жителей таких «окраин». «Сибирское население было свободным на триста лет ранее, чем остальная Россия, недавно окончившая с крепостным правом» (Ядринцев, 2013, с. 440). Этот факт был одной из основ ориентации сибиряков на непризнание властей.

Во-вторых, несмотря на относительную прогрессивность сибирской администрации того времени, Кропоткин хорошо видел, что это была «ветвь дерева, державшегося своими корнями в Петербурге. И этого было вполне достаточно, чтобы парализовать все благие намерения и мешать местным самородным проявлениям общественной жизни и прогресса. Все позитивные попытки немедленно парализовывались, потому что сибирские власти принадлежали к пирамидальной, централизованной администрации» (Кропоткин, 1966, с. 204). Кропоткин признавался, что видел крестьян в их ежедневной жизни и убеждался, как мало может дать им правительство, даже если оно одушевлено лучшими намерениями. Кстати, с противоположным примером участия правительственных структур в преобразовании края Кропоткин сталкивался в проходящих в то время мероприятиях «перевода в казаки» жителей Забайкалья и Амурской области во второй половине XIX в. Он был назначен чиновником особых поручений по казачьим делам, сделал тщательное исследование хозяйственного положения уссурийских казаков и, к сожалению, видел, как «розгами приучали казаков к земледелию»: «И так дело шло всюду».

В-третьих, о многом заставляла задумываться способность сибирского крестьянства, скотоводов и охотников к самоорганизации и самообеспечению не только без помещиков, но и вне всяких властей. Опираясь на названные реалии и зарождающиеся идеи анархизма, Кропоткин начал понимать необоснованность приписывания правительству и законам того, что в действительности является результатом собственных привычек и не-

гласных традиций различных свободных сообществ: больших и малых семей у аборигенов и русских старожилов, улусных и деревенских общин. В этом плане стоит лишь немного заглянуть в последующие европейские реалии: в 70–80-х гг. XIX в. непосредственное внедрение многих идей анархизма осуществлялось через малые группы, а управление общественной жизнью чаще всего проводилось у анархистов через «союзы свободных групп». Эта тенденция, скорее всего, в условиях бурного развития социальных сетей будет ярче проявляться и в структурах МПМ, но иметь несколько иные формы. Неслучайно М. Ридли говорит о демонтаже бюрократической системы в современном мире через компьютерных сети, клубы, команды, группы взаимопомощи, маленькие предприятия – все маленькое и локальное. Теоретическое размышление он завершает неожиданными призывом и рассуждениями: «Пусть мир свободных людей Кропоткина вернется... Я сомневаюсь в необходимости власти, которая диктует самые мельчайшие подробности жизни и огромной блохой сидит на спине нации» (Элисон, 2020, с. 297).

Чиновник губернского масштаба, каковым был П. Кропоткин, не мог не наблюдать противоречий, сложившихся у светских и религиозных властей со староверами. Он знал, во-первых, о динамике развития «раскольничьих» старообрядческих идей и общин в Сибири, начиная от протопопа Аввакума в XVII в. до прибытия сосланных семьями староверов из Западной Беларуси на Алтай, в Томскую губернию и Восточную Сибирь во второй половине XVIII в. Именно эти социально-конфессиональные образования были примером автономного и самобытного развития локальных этнических и религиозных общин. Во-вторых, как раз во время его службы в Сибири продолжалось переселение общин из числа староверов-«раскольников» из Забайкалья на присоединенные Муравьевым-Амурским дальневосточные земли. В то время расхожей была история об ответе со стороны старообрядческих общин, переселившихся на Амур и живущих «от начальства подальше», сибирскому губернатору Педатенко. Губернатор намекнул о целесообразности введения над ними властных уполномоченных. «Отец родной! – закричали крестьяне. – Мы люди смиренные, между нами ничего худого не случится, а если бы что и вышло, то мы сами выдадим дурня твоему благородию; подати мы платим исправно, повинности отбываем также; ну а от начальства избавь». Кропоткин видел реальные факты, как духоборы (старообрядцы) переселялись на Амур. В книге «Записки революционера» он писал, сколько выгод давала им их полуккоммунистическая жизнь и как удивительно они устроились там, где другие переселенцы терпели неудачу (в близком ключе можно рассмотреть адаптацию старообрядцев в разных странах при сохранении своих стремлений к свободе и самобытности). Скорее всего, трезвомыслящий Кропоткин не мог не прийти к выводу, к которому уже в XX в. пришел Н. Бердяев. Последний утверждал, что возрастание государственного могущества, высасывающего все соки из народа, имело обратной стороной русскую вольницу, уход из государства, физический или духовный. «Русский раскол – основное явление

русской истории. На почве раскола образовались анархические течения. То же в русском сектанстве» (Бердяев, 1990б, с. 169). Стоит добавить, что исследователи сибирских старообрядческих общин «поляков», «жеряков», «семейских» видели их анархические особенности (Карнышев, Помуран, 2004).

Сопоставляя альтернативные позиции теоретиков анархизма, отечественные ученые находили своеобразие, которое шло от идей Кропоткина в молодости. В работе «Русская идея» Н. Бердяев на фоне эпитетов в адрес анархизма М. Бакунина – «разрушительный», «бунтующее чувство обиды, жизненной неудачи» и др., пишет, что анархизм Кропоткина был несколько иного типа. Он менее крайний, более идиллический, он обосновывается натуралистически и предполагает очень оптимистический взгляд на природу и на человека. Кропоткин верит в естественную склонность к кооперации (Бердяев, 1990б, с. 175–176). Что касается подмеченного Бердяевым оптимистического взгляда на природу и человека, то здесь можно обратиться к монографии «Взаимопомощь как фактор эволюции», которая и в настоящее время значима и для стимулирования роли взаимопомощи в МПМ, и для понимания многих позиций её автора. В частности, в книге П. Кропоткин писал, что наблюдение им природы в Сибири зародило первые сомнения в существовании острой борьбы *внутри видов*; оно показало, напротив, громадное значение взаимной поддержки во время переселения животных и вообще для сохранения вида. Детализируя данный факт уже в настоящее время, всемирно известный американский биолог Ф. Вааль, подчеркнув, что автор книги – русский князь, естествоиспытатель и анархист, называет П.А. Кропоткина «первоклассным натуралистом» и отмечает его достоинства, связанные с местами пребывания. Он «объездил всю Сибирь и знал, как редко встречи животных проходят в гладиаторском стиле», на чем настаивал британский биолог Т. Гексли. Последний утверждал, что в постоянное и / или эпизодическое противоборство вступают особи не только разных видов, но даже представители одного вида, по его мнению, в природе идет «непрерывная борьба без правил». На самом деле обычными были и ситуации, когда действовал принцип коллективной защиты «других особей». Конкретно это происходило так: при появлении угрозы стадо мгновенно перестраивалось, используя инстинктивную тактику парнокопытных: телята в центре, коровы закрывали их своими телами, быки выстраивались по кругу со всех сторон равномерно, демонстрируя свою готовность защищать самок и молодняк. Отталкиваясь от таких реалий, Ф. Вааль в одной из своих книг отмечал, что П.А. Кропоткин «задавался в 1902 г. вопросом: «Кто же оказывается более приспособленным: те, кто постоянно ведет войну друг с другом, или же, напротив, те, кто поддерживает друг друга?» Видевший, как в Сибири лошади и овцебыки сбиваются в плотные группы, чтобы спастись от снежных буранов, или берут в защитное кольцо молодняк, оберегая его от волков, русский князь счел взаимопомощь самой перспективной стратегией выживания. В этом он намного опередил свое время (Вааль, 2020, с. 303–304; Вааль, 2015, с. 59). Подчеркнем мысль, что «он намного опередил свое время», но одновре-

менно отметим, что в изложении Вааля имеется комментарий, что Кропоткин в своей этической концепции немного «перегибал палку», тщательно собирая все примеры сотрудничества у животных и пытаясь обосновать ими свои политические взгляды по анархизму. Возможно, термин «перегиб» в чем-то обоснован, но в условиях МПМ сотрудничество и взаимопомощь не могут не быть центральными категориями и для политиков, и для всех людей, заинтересованных в не только в продуктивных политико-экономических отношениях, но и в содержательных связях с миром природы.

В то же время есть факты, которые подтверждают, что бескорыстную взаимопомощь П. Кропоткин наблюдал и на житейских, порой трагических примерах. Так, он побывал в окрестных местах после трагедии провала под воду около 200 кв. км бурятской степи на Байкале в конце 1861 – начале 1862 г. и знакомился с последствиями образования после землетрясения не существовавшего ранее залива Байкала. Он отмечал, что крестьяне «до настоящего времени» не могут без ужаса вспомнить о землетрясении, «поскольку земля ходуном заходила, колодцы засыпало, дома своротило, взломало на море лед, подняло его, и хлынула вода, затопля бурятские улусы и топя скот». Кропоткин эмоционально воспринял рассказ, как русские жители по своей инициативе бескорыстно помогали затопленным бурятским семьям (Кропоткин, 1983).

Житейские наблюдения П. Кропоткина не расходились с мнениями «коренных» сибиряков, в том числе и русских, которые хорошо знали, что повседневная жизнь подталкивает их к реакциям взаимопомощи и взаимопонимания в связи со следующими обстоятельствами:

– необходимостью взаимной поддержки друг друга при минимальной заселенности края и экстремальных условиях, прежде всего в виде резко континентального климата, недолгого лета, продолжительной зимы и неизменных холодов;

– в суровых и сложных условиях Сибири при немногочисленности населения и высоком уровне непосредственного знания друг друга житейская практика не могла не строиться на доверии, что для многих проявлялось в распространенности восточной поговорки «лучшее родство – доверие» и принятии соответствующего стиля межличностных и межэтнических отношений;

– любые прибывшие из европейской России поселенческие группы ориентировались на опыт хозяйствования и адаптации аборигенных сообществ, что отзывалось общими тенденциями скотоводства и земледелия, навыками межэтнического взаимодействия и разными формами привыкания к полиэтничности;

– смешанность населения во многих районах, проявляющаяся в толерантном отношении к разного рода метисам и этнокультурным категориям: «чалдонам», «карымам», «гуранам» и т.п., что заметно увеличивало круг «своих» при общей идентификации «сибиряки» (в одновременно с Сибирью обживаемых землях США до середины XX в. существовали «ярлыки» на индейцев и негров, действовал запрет на межнациональные браки);

– откровенная помощь местного населения сбежавшим из тюрем и ссыльных поселений «несчастливым» осужденным и каторжникам, в чем проявлялось скрытое противодействие властям.

Эти особенности проявлялись не в указаниях властей, а нередко вопреки им, поскольку зачастую выступали многовековыми традициями народов, надежно «замороженными» и сохраненными в условиях сурового климата Сибири. Ф. Вааль вряд ли знал о таких нюансах, но географическое упоминание о сибирских источниках феномена неслучайно, оно отражает даже у западного ученого понимание региональной специфики биологических закономерностей (напомним о существовании эндемизма и эндемиков). Правда, Вааль без знания «сибирского» аспекта проблемы взаимопомощи упоминает лишь ее «животную» составляющую. Поэтому стоит кратко сказать об основных положениях, которые в будущем легли в основу концепции анархизма П. Кропоткина, заметно расширяющей сугубо социально-политические концепции Бердяева и Булгакова об истоках организации человеческих сообществ и органов власти в них за счет обращения к «природной этике». Их Кропоткин зафиксировал в ряде тезисов очерка «Нравственные начала анархизма». Во-первых, он изложил нравственный принцип, который осознанно или инстинктивно встречается везде, где существуют общественные связи, – у высших животных или людей: «Поступай с другими так, как бы ты хотел, чтобы в тех же условиях другие поступали с тобой». Во-вторых, Кропоткин считал, что люди, объявившие себя анархистами, должны заявить, что они отказываются обращаться с другими так, как не хотели бы, чтоб другие обращались с ними, и не желают больше терпеть неравенства, которое позволило бы некоторым пользоваться своей силой, своей хитростью или смелостью в ущерб другим. «Равенство во всем – синоним справедливости. Это и есть анархия». В-третьих, для Кропоткина и его единомышленников принцип равенства содержит нечто большее: «...это нечто есть уважение к личности. Провозглашая наш анархический нравственный принцип равенства... мы признаем полнейшую свободу личности» (Кропоткин, 1991, с. 295, 301, 307; разрядка Кропоткина). Стоит добавить, что рассмотренные положения касаются не только анархизма, но и анализа влияния природной этики на психологическое здоровье людей (Карнышев, Карнышева, 2024).

Внимательно наблюдая в своих экспедициях проявления «дикой» сибирской среды в качестве неизменного атрибута природного равенства, П. Кропоткин восхищался способностью животных выстраивать свои связи без каких-то «вышестоящих» правителей и считал, что в истоках природной этики и механизмах ее переноса в жизнь человеческих сообществ, прежде всего в анархию, можно и нужно находить симбиоз естественных и нравственно-психологических закономерностей. Продуктивно его рассуждение о триаде «взаимопомощь–справедливость–нравственность», представляющей собой последовательные шаги восходящего ряда настроений в эволюции живых систем. Их «мы познаем при изучении животного мира и человека», и они представляют собой «органическую необходимость»,

подтверждаемую всем развитием животного мира с первых его ступеней до высших человеческих обществ. Что касается методологического аспекта этических взглядов, то Кропоткин писал, что природа может быть названа *«первым учителем этики, нравственного начала для человека»*. Общественный инстинкт, прирожденный человеку, как и всем общественным животным, – вот источник всех этических понятий и всего последующего развития нравственности» (Кропоткин, 1991, с. 54, 55; курсив Кропоткина). Причем инстинкт у людей – это не какое-то застывшее образование, а динамический феномен. Развитие нравственности в таком случае не может остановиться, особенно у человека, на достигнутых результатах. Как специалист по истокам морали у приматов, Ф. Вааль продолжил идеи П. Кропоткина уже на основе современных научных концепций, утверждая, что нельзя рассматривать природную этику «как пожизненное тюремное заключение. Природная этика помогает объяснить, как мы пришли к сегодняшнему состоянию, и только; мы, люди, давно научились строить новые здания на старых фундаментах» (Вааль, 2015, с. 334). Важнейшую роль в «бесправительственном» обществе будет играть «природная этика», регулирующая важнейшие поступки и поведение человека, прежде всего в отношении справедливости и равенства во взаимодействии, отсутствия превалирования эгоистических тенденций у людей.

Д.С. Уилсон – профессор биологических и антропологических наук Бингемптонского университета (Великобритания), один из авторов популярной в мире книги «Эволюция. От Дарвина до современных теорий» расширяет гуманистические оценки Вааля о характере взаимодействий у животных и открыто увязывает естественнонаучные и политические взгляды П. Кропоткина, который, по его мнению, «был не только натуралистом, но и самым известным анархистом в мире». В анархистски ориентированных биологических позициях последнего он подчеркивал важность того, что если животные способны к проявлению альтруизма без существования правительства, то цивилизованному обществу оно также не нужно, а мы можем жить в мире и вести себя альтруистично. Кропоткин следовал тому, что считал «курсом, начертанным современной философией эволюции», рассматривая «общество лишь как скопление организмов, пытаясь найти наилучшие способы согласовать в интересах благополучия рода потребности индивидуума с потребностями кооперации». Существенный вывод, который делает Уилсон о связи политических и естественных позиций Кропоткина: «Он видел в анархизме следующий этап эволюции». Признанием Уилсоном обоснованности концепций Кропоткина о единой взаимосвязанной сущности природы и «природной этики» служит следующая фраза: «Он пришел к выводу, что альтруизм у всех встреченных видов был отделен от кровного родства. «Не соревнуйтесь!» – писал он в своей авторитетной книге «Взаимопомощь как фактор эволюции» (1902). – «Этот призыв доносится до нас из кустов, лесов, рек и океана. Поэтому объединяйтесь – практикуйте взаимопомощь» (Элисон, 2020, с. 244).

К оценке рассматриваемой работы стоит присовокупить мнение американского политического психолога Э. Аронсона, который в своей известной книге «Общественное животное. Введение в социальную психологию» отметил значение биологических работ П. Кропоткина и указал, что его основная работа «Взаимопомощь как фактор эволюции» показала, что поведение, основанное на сотрудничестве и общей цели, имеет огромную ценность для выживания многих биологических видов. В то же время Аронсон отметил, что работа П. Кропоткина в целом была проигнорирована, скорее всего, потому, «она не соответствовала духу времени или нуждам тех, кто извлекал прибыли из промышленной революции» (Аронсон, 1999, с. 264, 265), а также потому, что будущее общество представлялось Кропоткину как анархисту свободной федерацией областей, промышленных и земледельческих ассоциаций, а это в целом было социальной утопией, элементы которой возрождаются сегодня, в частности в МПМ. Что касается духа времени, стоит вспомнить, что вскоре после 1902 г. (год издания книги) начался период революций и войн, и проблемы биологической эволюции животных и человека рассматривались как совершенно неактуальные.

На наш взгляд, уже отмеченное внимание П. Кропоткина к жизни и деятельности аборигенов Сибири, его практическое знакомство с их бытом и традициями позволяет переносить некоторые положения его анализа на межнациональную проблематику современности, тем более что он сам подчеркивал уникальное значение самоорганизации малых народов. «Я жил также среди бродячих инородцев и видел, какой сложный общественный строй выработали они, помимо всякого влияния цивилизации» (Кропоткин, 1966, с. 206). Путешествуя не только по российским восточным регионам, но и по Монголии и Маньчжурии, он вступал в контакты с их жителями и довольно успешно взаимодействовал с ними. В том, что он впоследствии стал авторитетным анархистом в европейских странах и активно участвовал в работе I Интернационала, скорее всего, сказался и данный опыт. Что касается роли малых народов в условиях «глобального анархизма» МПМ, то эта проблема как минимум явно открыта. Но она не может не быть актуальной, если рассматривать ее через призму сибирского признания П. Кропоткина: «Я понял роль, которую неизвестные массы играют в крупных исторических событиях: переселениях, войнах, выработке форм общественной жизни» (Кропоткин, 1966, с. 207).

Ориентируясь на приведенные в статье мысли о развитии в условиях МПМ регионализма, автономного и самобытного развития локальных этнических и религиозных общин, приведем результаты нашего исследования в республике Бурятия и Иркутской области о месте и роли «малых» (например, сибирских) народов и этноконфессиональных меньшинств в многополярном мире (таблица)

Из-за многочисленности возможных вариантов анализа для нашей статьи кратко прокомментируем только следующие аспекты. Во-первых, многие респонденты видят возможности создания «самостоятельной ниши» для малых народов в МПМ, более значительная часть из них представляет

перспективы сохранения культурной самобытности в контактах с русским и другими народами в большом плюралистическом обществе. Даже буряты, являющиеся частью «монгольского мира», не особо надеются на создание отдельных «полюсов» с этнокультурными родственниками, а более других национальностей настроены на консолидацию с русским народом. Это противоречит стремлениям западных политиков отделить в будущем Сибирь от России и создать на ее территории несколько национальных государств («прометеизм» Ю. Пилсудского).

Мнение респондентов (всех и по национальностям) о том, какими могут оказаться место и роль «малых» (например, сибирских) народов и этноконфессиональных меньшинств в многополярном мире

Возможные место и роль «малых» народов	Все респонденты (422 чел.)	Ответы респондентов разных национальностей (%)		
		Русские (299 чел.)	Буряты (72 чел.)	Другие (48 чел.)
Объединившись, малые народы Сибири выделятся в самостоятельную «нишу»	15,88	15,72	8,33*	25,00*
Возникнут более устойчивая консолидация с русским народом и соответствующий «субъект» многополярного мира	53,08	52,17	56,94	54,17
Малые народы сумеют присоединиться к своим этнокультурным «родственникам» (например, буряты к монголам) и вместе с ними создать отдельные «полюсы»	20,14	20,40	25,00*	12,50*
Другой ответ	9,48	10,37	6,94	8,33
Затруднились ответить	1,42	1,34	2,78	0,00

Примечание. * $p < 0,05$

Во-вторых, отношение сибирских респондентов к роли «русского фактора» в многополярном мире, как и оценка роли Кропоткина в русле «глобального анархизма», позволяет скептически отнестись к стремлению представить анархизм в целом только как «детисце» русских людей, причем не «простых». Такой подход в чем-то заложили русские философы из эмиграции. «Поразительнее всего, – пишет Н. Бердяев, – что идеология анархизма есть по преимуществу создание высшего слоя русского барства, и этот русский анархизм приобрел общеевропейское значение. Баре Бакунин, князь Кропоткин, граф Толстой – создатели русского и мирового анархизма» (Бердяев, 1990а, с. 54). Но барин Кропоткин сумел преодолеть узкие сословные рамки и с использованием некоторых природных и социальных сибирских фактов выстроить концепцию, значение которой трудно отрицать не только в прошлом, но и в многополярном мире. При этом нельзя забывать, что «русскость» анархизма, как и концепций МПМ, рассматривается многими современными европейскими политиками как возможность усилить их негативную суть в контексте русофобии. Хотя рассмотренные в статье позиции П. Кропоткина говорят об обратном.

Выводы

Опыт деятельности П. Кропоткина в Сибири, приведший его к признанию значимости анархизма, позволяет уверенно утверждать, что многополярный мир в свете данной теории может быть построен только на основе интересов не только больших, но и малых сообществ и свободной личности, с пользой для них и при их непосредственной активности. В данном опыте и его перспективах использования в МПМ следует выделить следующие моменты:

➤ Наблюдая природу Сибири, П. Кропоткин сделал значимые выводы, позволившие скорректировать биологическую теорию, а его научная работа «Взаимопомощь как фактор эволюции» в признании отечественных и зарубежных ученых продемонстрировала, что *взаимная помощь есть общее правило для всего живого мира*; это показывает, что в условиях МПМ сотрудничество и взаимопомощь не могут не быть центральными категориями и для политиков, и для всех людей, заинтересованных не только в продуктивных политико-экономических отношениях, но и в содержательных связях с миром природы.

➤ П. Кропоткин в Сибири сумел отказаться от сословных убеждений и представлений, оценил роль общинного хозяйствования, которая проявлялась и у русских старожилов, и у старообрядцев, и в казацком самоуправлении, и особенно в аборигенных сообществах; он также на основе природных закономерностей заявил о культивировании идеи безначалия, самостоятельности и свободной личной инициативы, независимости суждений и способов их выражения, что актуально и в рамках МПМ.

➤ Он убедился, что многие жизненные реалии сибиряков являются результатом собственных привычек и негласных традиций различных свободных сообществ: больших и малых семей у аборигенов и русских старожилов, улусных и деревенских общин; в обществе, движущемся к многополярному миру, где распространены социальные сети и «гаджетное» общение, особо стоит подчеркнуть проверенное практикой анархистов положение о том, что реальное продвижение идей возможно только через трудную работу малых групп, всеобщая связь между которыми выступает альтернативой многим властным структурам.

➤ П. Кропоткин понял не только религиозную, но и свободолюбивую суть старообрядческих идей и общин, осознал, что раскол в русской церкви – одно из основных явлений отечественной истории и стимул анархических течений, что старообрядчество выступает одним из антагонистов формальной власти; эти особенности требуют внимания и к роли церкви в МПМ.

➤ Взаимодействуя с аборигенами Сибири как представитель губернской власти, он находился в контактах с «бродячими инородцами» и видел, какой сложный общественный строй выработали малые народы и аборигенные этносы помимо всякого влияния цивилизации; как показывают современные исследования, данный аспект надо тщательно учитывать в и в «глобальном анархизме» МПМ. В конечном счете он с помощью непосредственных

наблюдений понял роль, которую провинциальные люди и движения («неизвестные массы») играют в крупных исторических событиях: переселениях, войнах, выработке форм общественной жизни.

В работах «Нравственные начала анархизма», «Записки революционера», в письмах из Восточной Сибири и некоторых других П. Кропоткин сформулировал свои основные взгляды на анархизм. Немало исследователей и практиков считают, что в современную эпоху, расширяющую права и свободы граждан, представляющую им для выбора неисчислимы варианты социального, экономического и политического поведения, миграционных возможностей, анархическое учение уже не может служить неприемлемой альтернативой, отталкивающим явлением или утопией, не имеющей перспектив реализации в многополярном мире.

Литература

- Аронсон, Э. (1999). *Общественное животное. Введение в социальную психологию*. М.: Аспект-пресс.
- Бердяев, Н. А. (1990а). *Истоки и смысл русского коммунизма*. М.: Наука.
- Бердяев, Н. А. (1990б). Русская идея. В сб.: М. А. Маслин (сост.). *О России и русской философской культуре* (с. 43–271). М.: Наука.
- Бердяев, Н. А. (1999). *Судьба России: сочинения*. М.: ЭКСМО-Пресс.
- Вааль, Ф. (2015). *Истоки морали: в поисках человеческого у приматов*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Вааль, Ф. (2020). *Последнее объятие Мамы. Чему нас учат эмоции животных*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Дугин, А. (2013). *Теория многополярного мира*. М.: Евразийское движение.
- Карнышев, А. Д., Карнышева, О. А. (2024). Атрибуты генеалогии и сибирской транскультурной психологии как источники представлений о моделях многополярного мира. *Сибирский психологический журнал*, 92, 43–49. doi: 10.17223/17267080/92/1
- Карнышев, А. Д., Помуран, Н. Н. (2004). *Этнопсихология старообрядчества*. Иркутск: БГУЭП.
- Кропоткин, П. А. (1966). *Записки революционера*. М.: Советская Россия.
- Кропоткин, П. А. (1983). *Письма из Восточной Сибири*. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во.
- Кропоткин, П. А. (1991). *Этика: избранные труды*. М.: Политиздат.
- Элисон, Дж. (ред.) (2020). *Эволюция. От Дарвина до современных теорий*. М.: АСТ.
- Ядринцев, Н. М. (2013). *История освоения Сибири*. М.: Эксмо.

Поступила в редакцию 12.10.2025 г.; повторно 18.10.2025 г.;
принята 21.10.2025 г.

Карнышев Александр Дмитриевич – заведующий междисциплинарной лабораторией психолого-экономических и кросс-культурных исследований, профессор кафедры социальной работы Иркутского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: ale3441@yandex.ru

For citation: Karnyshev, A. D. (2026). The Siberian Origins of P. Kropotkin's Anarchism and their Possible Manifestations in the Realities of a Multipolar World. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 99, 6–20. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/99/1

The Siberian Origins of P. Kropotkin's Anarchism and their Possible Manifestations in the Realities of a Multipolar World

A.D. Karnyshev¹

¹ *Irkutsk State University, 1, K. Marx str., Irkutsk, 664003, Russian Federation*

Abstract

Against the background of the definitions of a multipolar world as "global anarchism" and "manifestations of the era of international anarchy", the author examines the peculiar concept of anarchism of one of the founders of this theory, P. Kropotkin, to a large extent inspired in his youth by the natural and social realities of Siberia. The Siberian origins of anarchism had three "channels" for biologist, geographer and politician P. Kropotkin: the realities of Siberian nature, the life of aboriginal and Russian "old-timers" communities, a critical look at the possibilities and contribution of local authorities to public life. The article shows that, despite the generally contradictory assessment of anarchism, there are positive views on Kropotkin's theory by Russian philosophers N. Berdyaev and S. Bulgakov, as well as recognition of the role of Kropotkin's biological and humanitarian ideas for modern science among well-known Western researchers of natural sciences and psychologists (E. Aronson, F. de Waal, M. Ridley, D. Wilson). The facts that foreign scientists who admire the acquired scientific impressions of the scientist and anarchist Kropotkin in Siberia, and which formed the basis of his views on "natural ethics" and the role of the triad "mutual assistance-justice-morality" in the evolution of all living things, are clarified and detailed. Through examples of Siberian life in anarchist-oriented biological positions, he emphasized the importance of the fact that if animals are capable of displaying altruism without the existence of a government, then a civilized society also does not need it, and people can easily live in peace and behave altruistically. Kropotkin followed principles that he considered to be "the course charted by the modern philosophy of evolution" and many of which could be realized in a multipolar world. For the communities of Siberia, his thought about the role that seemingly unknown masses play in major historical events is important.: migrations, wars, and the development of forms of social life. The above thesis is relevant in a multipolar world because it sets up the undisclosed resources of the "hinterlands" and "provinces" in the dynamics of complex social problems.

Keywords: global anarchism; altruism; individual freedom; aborigines and old-timers of Siberia; mutual assistance; natural ethics; nepotism

References

- Aronson, E. (1999). *Obshchestvennoe zhivotnoe. Vvedenie v sotsial'nuyu psikhologiyu* [A Social Animal. Introduction to Social Psychology]. Moscow: Aspect-press.
- Berdyaev, N. A. (1990a). *Istoki i smysl russkogo kommunizma*. [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow: Nauka.
- Berdyaev, N. A. (1990b). *Russkaya ideya. O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture*. [The Russian idea. About Russia and Russian philosophical culture]. Moscow: Nauka, pp.43-271.
- Berdyaev, N. A. (1999). *Sud'ba Rossii: Sochineniya*. [The fate of Russia: Essays]. Moscow: EKSMO-Press.
- Dugin, A. (2013). *Teoriya mnogopolyarnogo mira* [The Theory of a Multipolar World]. Moscow: Evraziyskoe dvizhenie.
- Ellison, J. (Ed.). (2020). *Evol'yutsiya. Ot Darvina do sovremennykh teoriy* [Evolution. From Darwin to Modern Theories]. Moscow: AST.
- Karnyshev, A.D., & Karnysheva, O. A. (2024). Atributy genealogii i sibirskoy transkul'turnoy psikhologii kak istochniki predstavleniy o modelyakh mnogopolyarnogo mira [Attributes

- of genealogy and Siberian transcultural psychology as sources of ideas about models of a multipolar world]. *Siberian Psychological Journal*, 92, 43–49. doi: 10.17223/17267080/92/1
- Karnyshev, A.D., & Pomuran, N. N. (2004). *Etnopsikhologiya staroobryadchestva* [Ethnopsychology of the Old Believers]. Irkutsk: BGUEHP.
- Kropotkin, P. A. (1966). *Zapiski revolyutsionera* [Notes of a Revolutionary]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
- Kropotkin, P. A. (1983). *Pis'ma iz Vostochnoy Sibiri* [Letters from Eastern Siberia]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn.izd-vo.
- Kropotkin, P. A. (1991). *Etika: Izbrannye trudy*. [Ethics: Selected Works]. Moscow: Politizdat.
- Waal, F. (2015). *Istoki morali: v poiskakh chelovecheskogo u primatov*. [The Origins of Morality: In Search of Humanity in Primates]. Moscow: Alpina non-fiction.
- Waal, F. (2020). *Poslednee ob"yatie Mamy. Chemu nas uchat ehmtsii zivotnykh*. [Mom's last hug. What animal emotions teach us]. Moscow: Alpina non-fikshn.
- Yadrintsev, N. M. (2013). *Istoriya osvoeniya Sibiri*. [The History of the Development of Siberia]. Moscow: Eksmo.

*Received 12.10.2025; Revised 18.10.2025;
Accepted 21.10.2025*

Aleksandr D. Karnyshev – Head of the Interdisciplinary Laboratory of Psychological, Economic and Cross-cultural Studies, Professor of the Department of Social Work, Irkutsk State University, D. Sc. (Psychol.), Professor.
E-mail: ale3441@yandex.ru

УДК 159.9:316.6

«НЕ ЧИТАЙТЕ ПРО ЭТУ ТЕОРИЮ!»: ОБЗОР ТЕОРИИ РЕАКТИВНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ¹

Н.В. Ничко¹, С.Д. Гуриева¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Резюме

Актуальность. Теория реактивного сопротивления, разработанная в 1960-х гг. Дж. Бреммом, остается ключевой концепцией для понимания сопротивления индивидов внешнему давлению и ограничения автономии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки эффективных стратегий взаимодействия в различных сферах жизни общества, особенно при внедрении инноваций, где игнорирование реактивного сопротивления приводит к обратным эффектам, включая усиление деструктивного поведения и снижение доверия к источникам информации. **Постановка проблемы:** особую значимость работа приобретает в свете недостаточной изученности теории в отечественных исследованиях. **Цель:** системный анализ современных представлений о реактивном сопротивлении, выявление его слабых мест и формулировка направлений для дальнейшего развития теории. **Метод:** для достижения поставленной цели проведен обзор научной литературы за период с 1966 по 2025 г., включая эмпирические работы, метаанализы и теоретические исследования, отобранные из баз данных Google Scholar по ключевым запросам: reactive theory, reactance, psychological reactance, «реактивное сопротивление». Всего отобрано и проанализировано 75 работ. Применены методы критического анализа данных, сравнительного сопоставления с альтернативными теориями (когнитивный диссонанс, негативизм) и оценки практической применимости концепции. **Результаты.** Исследование показало, что, несмотря на объяснительную силу, теория реактивного сопротивления требует уточнения в контексте культурных различий (особенно в «коллективистских» культурах), динамики долгосрочных эффектов, гендерных и возрастных особенностей в уровне и особенностях проявления реактивного сопротивления. **Выводы.** Теория остается полезной для анализа краткосрочных реакций, но нуждается в интеграции с когнитивными и социально-культурными подходами. Перспективные направления исследований включают изучение реактивности в цифровой среде, на рабочем месте и разработку инструментария с высокими психометрическими показателями, сосредоточение на долгосрочных эффектах реактивного сопротивления после воздействия стимулов, кросс-культурных сравнениях.

Ключевые слова: реактивное сопротивление; угроза свободе; критика теории; методы убеждения; коммуникативные стратегии

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке СПбГУ, проект № 22-18-00452-П «Психосоциальный дизайн рабочей среды как фактор субъективного благополучия сотрудника и инновационного потенциала организации».

Введение

Теория реактивного сопротивления (ТРС), впервые предложенная Джоном Бреммом (J. Vrehm) в 1960-х гг., описывает мотивационное состояние, возникающее в ответ на реальную или воспринимаемую угрозу свободе действий. Этот феномен проявляется в стремлении индивида восстановить утраченные или ограниченные свободы, что может выражаться в демонстративном неподчинении, агрессии или поиске альтернативных способов поведения. Теория активно используется в таких областях, как психология, маркетинг, здравоохранение и менеджмент.

Теория реактивного сопротивления заняла важное место в зарубежной социальной психологии. Основная идея ТРС заключается в том, что люди воспринимают себя как обладающих определенными свободами поведения, и когда эти субъективно важные для человека варианты действий ограничиваются или устраняются, возникает психологическая реакция, сочетающая эмоциональное возбуждение и стремление к действию по восстановлению свободы. Данная теория активно исследуется, включая такие темы, как мотивация контроля и выученная беспомощность, теория запланированного действия и теория самоэффективности.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к механизмам сопротивления и противоречиям в попытках влияния и получения противоположенных результатов, особенно в условиях информационной перегрузки, усиления механизмов манипулятивного и прямого влияния. Понимание реактивного сопротивления может помочь в разработке более эффективных коммуникативных стратегий, снижающих отторжение аудитории. Однако в отечественных исследованиях на сегодняшний день данная тематика представлена недостаточно и в теоретических, и в прикладных работах.

Цель работы: проанализировать и систематизировать ключевые аспекты теории реактивного сопротивления на основе эмпирических исследований. Исследовательские вопросы, которые нас интересуют в связи с этой теорией, следующие:

1. Какие особенности и ограничения теории реактивного сопротивления?
2. Какие основные направления исследований в области реактивного сопротивления существуют?
3. Какие методы измерения реактивного сопротивления наиболее валидны и надежны?
4. С какими социально-демографическими показателями есть связи реактивного сопротивления?

Чтобы найти ответы на исследовательские вопросы, мы определили следующие задачи:

1. Провести поиск наиболее значимых и актуальных работ по теории реактивного сопротивления.
2. Систематизировать существующие методы измерения реактивного сопротивления.

3. Проанализировать результаты эмпирических исследований связей реактивного сопротивления с социально-демографическими показателями.

4. Рассмотреть практические области применения теории.

5. Выявить ограничения и отметить перспективы развития теории.

За историю своего существования теория получает новые направления и актуальность, которые связываются с информатизацией общества, ускорением связей и взаимодействия между людьми, быстрыми изменениями и процессами, которые касаются огромных масс. Искусственный интеллект, здравоохранение, озабоченность здоровым образом жизни и борьбой с вредными привычками, деструктивным поведением – все это способно дать новые пути для решения остро стоящих для науки, общества и государства вопросов. Мы считаем, что рассмотрение теории реактивного сопротивления может дать новый взгляд для отечественных авторов, восполнить пробел в теоретическом освещении теории, поэтому среди задач, которых мы ставим в этой работе, – систематизировать исследования по теме, оценить перспективы использования теории в отечественном контексте и наметить новые пути для практического применения положений рассматриваемой теории.

Организация исследования

Метод заключался в анализе и синтезе имеющихся источников с 1966 по 2025 г. Поиск осуществлялся по базам Google scholar по запросам *reactive theory, reactance, psychological reactance*, «реактивное сопротивление». Критерии включения: эмпирические и теоретические работы, посвященные реактивному сопротивлению, метаанализы, наиболее авторитетные и цитируемые работы. В результате были определены основные сферы исследования, модель реактивного сопротивления, связи с другими личностными характеристиками, ограничения. Было отобрано и вошло в обзор всего 75 работ, среди них на русском языке – 3, на немецком – 1, 71 англоязычная работа.

Результаты

Общие положения теории реактивного сопротивления

Дж. Брем, автор работ по реактивному сопротивлению, обозначил его как «мотивационное состояние, которое возникает у индивида в случае реальной или воспринимаемой угрозы свободе его действий» (Brehm, Brehm, 1981, p. 9). Реактивное сопротивление проявляется в действиях индивида, направленных на восстановление свободы действий, и иногда может восприниматься окружающими как демонстративное неподчинение, упрямство или провокация конфликта. Дж. Брем первоначально предположил, что реактивность может применяться при объяснении таких понятий, как фрустрация, социальная власть и уступчивость, а также как промежу-

точный конструкт для объяснения поведенческих актов, враждебности и агрессивных эмоций (Brehm, 1966, р. 37). В различных исследованиях реактивное сопротивление операционализировалось как негативное эмоциональное состояние (Eagly, Chaiken, 1993, р. 571), мотивационная сила (Sachau, Houlihan, Gilbertson, 1999, р. 612), проявление враждебности (Berkowitz, 1973).

Теория базируется на предположениях, что люди обладают определенным набором поведенческих моделей, которые они рассматривают как потенциально возможные для реализации. Находясь в статичном состоянии, эти модели не вызывают сопротивления, но, когда происходит их нарушение или возникает препятствие, создается мотивация к их восстановлению или возвращению к исходному состоянию. В результате получается состояние, включающее гнев и противоборство, направленные на источник угрозы (Dillard, Shen, 2005).

Основу теории реактивного сопротивления составляют четыре элемента. Свобода – представление человека о том, что он может делать, чувствовать, придерживаться определенных взглядов и оценок (установки). Ощущение свободы связано с осознанием способности действовать автономно и убежденностью в праве на такое поведение (Brehm, Brehm, 1981). Важным аспектом является субъективное ощущение влияния на ситуацию (perceived control) (Rotter, 1966).

Под угрозой свободе (threat to freedom) подразумевается все, что в значимой степени может быть затруднено. То, что находится под угрозой потери, субъект старается вернуть, а в терминах теории реактивного сопротивления – «восстановить свободу». Находясь в таком состоянии, которое является неприятным, субъект предпринимает действия или когнитивные усилия по восстановлению свободы, что сопровождается переживанием эмоций – агрессией, гневом (Steindl, Jonas, Sittenthaler, Traut-Mattausch, Greenberg, 2015).

Наиболее очевидный способ восстановления свободы – совершение запрещенного действия или сопротивление давлению. Это явление также известно как «*эффект бумеранга*» (Burger, Hart, 2009). К примеру, употребление алкоголя после антиалкогольной кампании, отказ от вакцинации в ответ на настойчивые рекомендации и пр.

Если прямое сопротивление невозможно, то могут использоваться альтернативы:

1. **Принижение источника угрозы** – дискредитация автора сообщения (Kohn, Barnes, 1977), негативное отношение к автору (Miller, Lane, Deatrick, Young, Potts, 2007), его значимости (Smith, 1977).

2. **Отрицание угрозы** – игнорирование проблемы («это несерьезно») (Worchel, Andreoli, Archer, 1976), умаление источника угрозы, отрицание существования угрозы (Smith, 1977).

3. **Замещающее поведение** – выбор альтернативных действий или объекта (курение вместо алкоголя) (Wicklund, 1974; Buller, Borland, Burgoon, 1998).

4. **Контраргументация** – защита своей позиции в споре, умаление общения, с помощью которого вербализуется стимул (Quick, Stephenson, 2007; Quick, Considine, 2008).

5. **Идентификация себя с другими** – подражание, наблюдение, критика существующих запретов (Worchel, Brehm, 1970).

Реактивное сопротивление как свойство личности

В работе S.S. Brehm, J.W. Brehm (1981) реактивность рассматривается как переменная индивидуальных различий, поскольку люди различаются в потребностях автономии и самоопределении (Wicklund, 1974). Индивиды с высокой реактивностью в большей степени сопротивляются правилам и предписаниям, отличаются высоким стремлением к автономии, низкой заботой о социальных нормах (Dowd, Milne, Wise, 1994). Люди, склонные к реактивности, с большей вероятностью совершают рискованные для здоровья действия, такие как злоупотребление алкоголем и курение (Miller, Burgoon, Grandpre, Alvaro, 2006), рискованное сексуальное поведение (Miller, Quick, 2010).

Эмоциональный профиль связывается с эмоциональной нестабильностью, высокой предрасположенностью к гневу, депрессивным состоянием. В связях с моделью Большой пятерки реактивное сопротивление показывает отрицательные связи с доброжелательностью (agreeableness) и добросовестностью (conscientiousness) (Ничко, Гуриева, 20256; Yost, Finney, 2018; Waris, Karlsson, Antfolk, Karlsson, Karlsson, Soveri, 2020). По некоторым данным, существует слабая отрицательная корреляция с экстраверсией, конформностью, положительная корреляция выявлена с открытостью (Yost, Finney, 2018), негативной эмоциональностью (neuroticism) (Ничко, Гуриева, 20256). Пренебрежение социальными нормами: небрежное отношение к обязательствам (Dowd, Milne, Wise, 1994, p. 609), низкая терпимость к чужому мнению (Dowd, Wallbrown, 1993), склонность к нарушению правил (например, использование телефона за рулем).

Реактивность отрицательно коррелирует с самооценкой и ощущением счастья и положительно – с одиночеством (Joubert, 1990), устойчивостью, сотрудничеством и самонаправленностью (Inman, Sousa, Cunha, Moreira, 2019). Для лиц с высокой реактивностью характерны повышенные показатели гнева и склонность к депрессивным состояниям (Hong, Faedda, 1996), агрессии (Dowd, Wallbrown, 1993) и несоблюдению медицинских предписаний (De las Cuevas, Penate, Betancort, de Rivera, 2014). «Доминирующий индивидуалист, одиночка, которому не хватает прочных отношений с окружающими» (Dowd, Wallbrown, 1993, p. 537). Склонные к индивидуализму люди, согласно обзору S. Steindl и соавт. (2015), воспринимают угрозу, давление от своей группы. «Коллективисты», наоборот, воспринимают угрозу извне, но не ограничения от группы.

Таким образом, психологическая реактивность представляет собой признак, проявляющийся в социальных отношениях и, возможно, являющийся

предиктором снижения качества жизни, уменьшения количества контактов, характеризующийся сниженной самооценкой, ощущением себя счастливым и склонностью к одиночеству, хотя эти особенности профиля могут быть важными в группе для решительного лидера, способного в определенных обстоятельствах вести группу, а устойчивость к конформизму, критическое мышление позволяют сосредотачиваться на важных целях. Люди с высокой реактивностью острее воспринимают угрозы своей свободе и поэтому труднее поддаются убеждению (LaVoie, Quick, Riles, Lambert, 2017).

Связи с возрастом и полом

Проанализированная нами литература позволяет выделить несколько возрастных групп, у которых были исследованы уровни реактивного сопротивления. А.В. Rummel и соавт. (2000) сообщили, что у детей низкая реактивность сочетается с подчинением родительским предпочтениям.

У подростков от 12 до 15 лет отмечаются смешанные реакции, в то время как у подростков от 15 лет и старше наблюдается повышенная реактивность, связанная с оппозиционными чертами характера и большей сопротивляемостью, когда взрослые выражают неодобрение или директивны. S. Frank и соавт. (1998) обнаружили, что реактивность предсказывает более длительное пребывание в больнице и изменения в агрессии, проблемы с настроением и злоупотребление психоактивными веществами среди подростков от 15 и старше возраста, но не в возрасте от 12 до 15 лет.

У молодых людей реактивные реакции зависят от индивидуальных факторов, связанных с рискованным поведением (употребление веществ, алкоголь, сексуальное поведение и пр.). Некоторый «всплеск» реактивности приходится на 16–17 лет и, по некоторым данным, может не снижаться до 24–25 лет (Miller, Quick, 2010).

Касательно взрослых данные противоречивы. Сообщается как о снижении реактивности с возрастом, так и о криволинейной зависимости с высокой реактивностью у самых молодых и пожилых участников выборов. Например, Т.О. Куликович и А.Ю. Кособуцкая (2013) выявили более высокий уровень реактивного сопротивления у лиц младше 25 лет и испытуемых старше 55 лет. S. Al-Ghathithi и соавт. (2019) сосредоточили внимание на людях от 55 лет и старше и обнаружили, что угрозы свободе, вовлеченность в проблему и личная значимость повышают восприятие угрозы свободе и реактивное сопротивление. К.М. Woller, W.C. Buboltz, J.M. Loveland (2007) сообщили о криволинейной зависимости: старшие группы и младшие респонденты демонстрировали более высокую реактивность, чем представители средней возрастной группы. В исследовании Н.В. Ничко и С.Д. Гуриевой (2025а) выявлена статистически значимая разница между группами 25–34 года и 55–64 года, в первой уровень реактивного сопротивления оказался выше.

Различия между мужчинами и женщинами тоже показывают различные результаты. Некоторые исследования не выявили различий в уровне реактив-

ного сопротивления (Dowd, Wallbrown, Sanders, Yesenosky, 1994). S.-M. Hong, E. Giannakopoulos, D. Laing, N.A Williams (1994) на австралийской выборке (возраст 18–40 лет) показали, что половых различий в уровне реактивного сопротивления не обнаружено, однако выяснили, что уровень реактивного сопротивления к 40 годам снижается у женщин быстрее, чем у мужчин. По другим данным реактивное сопротивление у мужчин выше (Ничко, Гуриева, 2025a; Dowd, Wallbrown, 1993; Woller, Buboltz, Loveland, 2007).

Итак, у детей низкая реактивность сочетается с подчинением родительским предпочтениям. У подростков младшего возраста наблюдаются смешанные реакции, в то время как у подростков среднего и старшего возраста отмечена повышенная реактивность. Среди молодежи реактивные реакции варьируют в зависимости от индивидуальных факторов. В некоторых исследованиях сообщается о снижении реактивности с возрастом, в то время как в других обнаруживается криволинейная картина с повышенной реактивностью у молодых и возрастных участников выборки. Гендерные различия менее очевидны. В некоторых исследованиях, проведенных среди студентов колледжей и взрослых, не отмечается существенных различий по полу, в то время как в других отмечается более высокая реактивность у мужчин, что наблюдается различных контекстах – от клинических и терапевтических до изучения потребительского поведения и реакции на коммуникативные сообщения. Исследования реактивности показывают, что ее проявления и уровень меняются в зависимости от возраста, пола и внешних условий. Противоречивость данных, связанных с социально-демографическими показателями, может характеризоваться разницей в культурных особенностях (Jourbet, 1990; Liu, Wang, 2019).

Модель реактивного сопротивления

J.P. Dillard и L. Shen (2005) обнаружили, что взаимосвязанная когнитивно-аффективная модель (рис. 1) наилучшим образом соответствует данным. Результаты факторного анализа показали, что как гнев, так и негативные когнитивные установки примерно в равной степени влияют на мотивацию индивидов восстановить свою свободу. Кроме этого, используя ЭКГ и пульс, удалось выяснить, что реактивное сопротивление на физиологическом уровне связано с учащенным сердцебиением и повышенной альфа-асимметрией левой лобной части (Sittenthaler, Jonas, Traut-Mattausch, 2015; Sittenthaler, Steindl, Jonas, 2015).

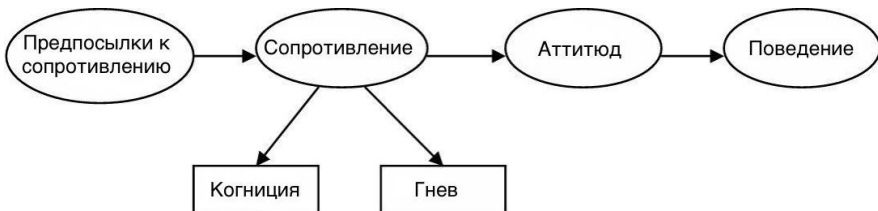

Рис. 1. Взаимосвязанная когнитивно-аффективная модель реактивного сопротивления

Взаимосвязанная модель реактивного сопротивления получила дальнейшее подтверждение (Quick, Stephenson, 2007; Quick, Considine, 2008; Rains, 2013). Однако в последние годы новые дизайны исследований и методы измерения ставят под сомнение именно «переплетенность» негативных мыслей и эмоций, что их сложно разделить (Matarazzo, Diamantopoulos, 2023).

По всей видимости, негативные мысли и негативные эмоции связаны с различными показателями сопротивления. S. Sittenthaler и соавт. (2015) показали в двух контекстах, которые зависят от угрозы (обоснованные и внезапные необоснованные угрозы; угрозы, исходящие от авторитетных лиц, и угрозы, исходящие от «подставных» лиц), что люди реагируют либо немедленно, либо с задержкой, проявляя повышенное физиологическое возбуждение, которое можно рассматривать как показатель мотивации.

Методы измерения

Автор ТРС предполагал, что реактивное сопротивление трудно измерить, так как оно является промежуточным конструктом. Несмотря на это положение, для измерения реактивности признаков было предложено множество шкал. Два наиболее часто упоминаемых инструмента измерения: Hong psychological reactance scale (HPRS) S.-M. Hong, Faedda (1996); The Therapeutic Reactance Scale: A Measure of Psychological Reactance (TRS) – Терапевтическая шкала E.T. Dowd, C.R. Milne, S.L. Wise (1991). Корреляции между шкалами TRS и HPRS варьировали от 0,50 до 0,58 (Dowd, Wallbrown, 1993; Dowd, Milne, Wise, 1994). Однако P. Moreira и соавт. (2019) сообщили о связи 0,89 между шкалами в моделировании структурных уравнений на выборке подростков, но модель не показала приемлемых результатов по показателям.

J.P. Dillard и L. Shen (2005) утверждают, что шкалой с наибольшим концептуальным соответствием реактивного сопротивления является шкала психологической реактивности Хонга. Это один из вариантов перевода опросника Дж. Мерца Ragebogen zur Messung der Psychologischen Reactanz (QMPR) «Опросник для измерения психологической реактивности» (Merz, 1983). При разработке инструмента были учтены переменные, связанные с неповиновением, сопротивлением и мотивацией вступления в спор. Проверка проходила на учащихся средних школ и вузов Германии, использовалась 6-бальная шкала Ликерта, α Кронбаха 0,90, тест-ретест через 2–3 недели $\alpha = 0,86$. Анализ главных компонентов с использованием Варимакс показал, что на 4-факторное решение приходится 53% от общей дисперсии.

На сегодняшний день существуют разрозненные данные по поводу факторов шкалы HPRS: исследования не выявили единую факторную структуру шкалы (De las Cuevas et al., 2014). Также есть различия в использовании шкалы: исследователи используют от 11 до 18 пунктов. И имеются данные, что шкала не является оптимальной в ее текущем виде (Yost, Finney, 2018).

L.L.M. Lindsey (2005) разработала альтернативный показатель реактивности на примере исследования сообщений о донорстве костного мозга, используя шкалу из четырех пунктов, основанную на шкале Хонга. Еще одну краткую шкалу на 6 вопросов по активному сопротивлению и игнорированию (disengagement) сопротивления представили M. Suka, T. Shimazaki, T. Yamauchi, H. Yanagisawa (2022). Преимуществом шкалы являются краткость и достаточные психометрические показатели: α Кронбаха 0,86; $CFI = 0,998$; $SRMR = 0,011$; $RMSEA = 0,041$.

Отметим Зальцбургскую шкалу реактивного состояния Salzburger State Reactance Scale (SSR Scale) (Sittenthaler, Traut-Mattausch, Steindl, Jonas, 2015), которая показала хорошие психометрические результаты, однако дальнейшие разработки опросника в открытых источниках не были найдены.

Собственную шкалу разработали J. Liu, M. Wang (2019) – Psychological Reactance Scale (PRS) ($N = 1\ 681$): α Кронбаха 0,84, тест-ретест – 0,86, $RMSEA = 0,05$; $GFI = 0,92$; $NFI = 0,91$; $NNFI = 0,94$; $CFI = 0,94$; $IFI = 0,95$. Составленный опросник состоит из шкал: эмоциональность ответа (opposite emotion), сопротивление влиянию, опровержение (refutation), акцент на свободе (emphasis on freedom), противостояние авторитету (authority confrontation), независимость (independence) (Liu, Wang, 2019, p. 622). Было обнаружено, что реактивность отрицательно коррелирует ($r \geq -0,36$; $p < 0,01$) с оценкой по подшкале ММПИ-К (defensiveness), положительно связана с гневом и не связана с интернальностью, тревожностью как состоянием и тревожностью как чертой. Три фактора 16-факторного опросника Кеттелла (подозрительность, доминирование и самостоятельность) и два фактора EPQ (психотизм и невротизм) положительно связаны с реактивностью. Ценные данные получены в разнице между темпераментами: реактивность выше у меланхоликов, чем у сангвиников. Среди ограничений апробации методики PRS: исследование проводилось на студентах 6 учебных заведений Уханя.

Актуальным представляется формирование P. Ehrenbrink (2019) Reactance Scale for Human–Computer Interaction (RSHCI) – «Шкалы реактивности при взаимодействии человека и компьютера», которая могла бы расширить поле исследований и практического применения реактивного сопротивления.

Помимо шкал исследователи используют составление списка мыслей и последующий контент-анализ с помощью профессиональных кодировщиков или самих испытуемых (Lienemann, Siegel, 2016; LaVoie et al., 2017). Первый подход по записи и обработке мыслей основан на взаимосвязанной модели реактивного сопротивления Дж. Дилларда и Л. Шен. Альтернативой этому выступают шкалы Ликерта, которые могут использоваться для измерения когнитивного и эмоционального компонента (Quick, Kam, Morgan, Montero Liberona, Smith, 2015; Kim, Levine, Allen, 2017; Reynolds-Tylus, 2019). Т. Reynolds-Tylus, E. Bigsby, B.L. Quick (2020) сравнили три этих подхода и пришли к выводу, что шкала Ликерта имеет незначительное преимущество по соответствию модели, объясненной дисперсии и факторным нагрузкам. При этом исследователи отметили, что все способы приемлемы и выбор зависит от целей и характера исследования.

Таким образом, на данный момент существуют измерительные инструменты, которые были адаптированы и проверены в разных странах, на различных выборках и связях с другими опросниками. Однако дальнейшие исследования позволили бы установить, как представители разных культур влияют на ограничения свободы. Исследования охватывают индивидуалистические культуры в большей степени.

Направления исследований

В. Rosenberg, J.T. Siegel (2016) считают, что за 50 лет существования теории можно выделить пять волн изучения ТРС: первая волна – разработка общих положений, вторая – исследования в клинической области, третья – исследования в области коммуникации, четвертая – измерение реактивности, и пятая волна связывается с возвращением к мотивационному аспекту теории. Однако исследования всех волн развиваются и сейчас. Мы предприняли попытку рассмотреть сферы исследований, которые предполагают практическое применение конструктора.

Сопrotивление воздействию также развивается в рамках формирования сообщений для преодоления и снижения реактивности. Исследования показывают, что манипулятивные попытки убеждения приводят к результатам, соответствующим теоретическим прогнозам теории реактивного сопротивления. Высокий уровень контроля часто характеризуется использованием императивов в противоположность предложениям или косвенным способам убеждения. Это может провоцировать чувство беспомощной зависимости, поскольку подавляет чувство уверенности и независимости (Worchel, Brehm, 1970; Buller, Borland, Burgoon, 1998). Директивные сообщения воспринимаются как ограничение свободы, что вызывает когнитивный диссонанс и, как следствие, сопротивление (Edwards, Beutler, Someah, 2019). В частности, сообщения, использующие императивные конструкции («должен», «обязан»), провоцируют более сильную реактивность по сравнению с косвенными формулировками (Miller et al., 2007, Ball, Weber, Goodboy, Kunkle, Lilly, Myers, 2022).

Абсолютизированные утверждения (например, «это невозможно отрицать...», «нет никаких сомнений...»), риторические обобщения усиливают сопротивление (Worchel, Brehm, 1970), самоуверенные формулировки, включающие альтернативные точки зрения, воспринимаются как манипуляции, что снижает доверие к источнику (Bessarabova, Turner, Fink, Blustein, 2015). В противоположность этому экспериментальные данные указывают на эффективность следующих подходов по снижению сопротивления:

– Акцентирование в сообщении свободы выбора (choice-enhancing language) – снижает сопротивление за счет акцентирования автономии реципиента (Reynolds-Tylus, 2019).

– Дополнительные пояснения в начале (restoration prescript) и в конце сообщения, подчеркивающие свободу принятия решения (restoration postscript) (Reynolds-Tylus, 2019; Richards, Bessarabova, Banas, Bernard, 2020). Иссле-

дование Миллера и соавт. указывает, что краткие напоминания о возможности отказа минимизируют реактивность (Miller et al., 2007). Подчеркивание в начале или в конце возможности выбора примерно в равной мере снижало сопротивление, даже если в середине присутствовали наставления или директивы (Bessarabova, Miller, Russell, 2017).

– Нарративное сообщение – это сообщение с «представлением связанных событий и персонажей, структурой, ограниченное в пространстве и времени и содержащее неявные или явные сообщения о затрагиваемой теме» (Kreuter et al., 2007, p. 222). Нарративы скрывают убеждающее намерение через сторителлинг, что уменьшает явное сопротивление (Moyer-Gusé, 2008).

– Эмпирические работы Л. Шен демонстрируют, что эмпатия снижает восприятие угрозы, нейтрализуя негативные эмоции (гнев, раздражение) (Shen, 2018).

Исследования способа подачи информации через призму выгоды или потери – фрейминг сообщения (gain / loss framing) – показывают роль реактивности: сообщения с фреймом потери (loss-framed messages) чаще подаются через контролирование и вызывают страх, что усиливает сопротивление (Quick et al., 2015). Сообщения с фреймом выгоды (gain-framed messages) в меньшей степени провоцируют реактивность, однако их эффективность зависит от контекста (Reynolds-Tylus, 2019).

Особенности ситуации и воздействующего субъекта – также значимые факторы уровня сопротивления и его появления: какой это источник – официальный или неформальный, доверие к нему, насколько он репрезентативен для реципиента (Song, McComas, Schuler, 2018; Zhang, 2019), предоставлен ли только текст с изображением, видеоряд, страница сайта или аудиосообщение (Quick et al., 2015).

Кажется противоречивым, что желание убедить и использование директивных сообщений, угроз и других способов вызывают противоположный результат. Одно из объяснений неудачности воздействия с помощью угроз исходит из теоретической предпосылки, что реципиент воспринимает угрозы как ограничительные меры, подрывающие свободу и автономию: при невыполнении требований субъекта наступят нежелательные результаты, соответственно, получается конфликт выбора «из двух зол» – либо действовать не по своей воле, либо, игнорируя предупреждения, действовать по своей воле и столкнуться с нежелательными последствиями (Heilman, Garner, 1975). В каких случаях директивность эффективна? Экспериментальные находки предполагают, что в определенных ситуациях прямые приказы с использованием слов «должен», «обязан», «следует», «необходимо» могут усиливать убеждающее воздействие. Этот вывод подтверждают D.J. O'Keefe и J.F. Klumpp (1997): принятие угроз и отсутствие сопротивления могут означать подчинение и принятие разницы в статусах отправителя и реципиента.

Итак, накопленные данные утверждают, что реактивное сопротивление является важным фактором в убеждающей коммуникации. Оптимизация убедительности сообщений возможна с помощью не директивного языка,

предоставления или подтверждения возможности выбора, использования нарративов для имплицитного убеждения.

По мнению ученых, учет реактивного сопротивления и особый интерес к сфере медицинских исследований и взаимодействию с пациентами могут способствовать решению ряда социальных проблем. Растет объем работ, связанный с кампаниями по здравоохранению и социальными кампаниями (Richards, Larsen, 2017; Bessarabova, Massey, 2019; Freudenreich, Penz, 2025), поведением пациентов во время лечения и реакциями на ограничения во время пандемии COVID (Dillard, Tian, Cruz, Smith, Shen, 2021; Knapp, Partington, Hodge, Ugarte, Hastings, 2021), смежными с маркетинговыми исследованиями (Matarazzo, Diamantopoulos, Raff, 2023), противодействием вредным привычкам (Clayton, Lang, Leshner, Quick, 2019; La Voie et al., 2017) и здоровым образом жизни (Dillard, Kim, Li, 2018). Ряд авторов уделяют особое внимание двум группам: подросткам и группе в возрасте от 17 до 25 лет.

Реактивность оказывает воздействие на рискованное для здоровья поведение. В частности, С.Н. Miller, М. Burgoon, J.R. Grandpre, Е.М. Alvaro (2006) обнаружили, что реактивность является предиктором начала курения среди подростков, а в другой работе С.Н. Miller и В.Л. Quick на выборке молодежи (средний возраст 20,5, $SD = 2,56$) обнаружили, что реактивность является предиктором употребления алкоголя ($p < 0,05$, $f^2 = 0,01$), причем влияние на мужчин оказывается выше, чем на женщин (Miller, Quick, 2010).

Многочисленные экспериментальные данные демонстрируют, что реактивное сопротивление может быть предиктором рискованного сексуального поведения, употребления табака, алкоголя и психоактивных веществ, особенно это актуально для возрастного периода, когда реактивное сопротивление выражено сильнее – с 17 до 25 лет, когда замечания в свой адрес воспринимаются особенно остро (Richards, Larsen, 2017).

Игнорирование реактивного сопротивления и несоблюдение рекомендаций врача могут привести к ошибочной стратегии лечения. Однако на самом деле проблемы могут быть связаны с коммуникацией, мотивацией или поведенческими реакциями пациентов. Также это касается выбора лекарственных препаратов, дополнительных затрат времени и энергии со стороны медицинского персонала и врачей из-за сложностей в установлении контакта с пациентами, формирования доверия и точности собранного анамнеза. S. Frank и соавт. (1998) отмечают, что уровень реактивности пациента, возраст и пол стоит учитывать врачам при стратегии общения, чтобы использовать их для улучшения терапевтического эффекта и уменьшения времени пребывания в стационаре.

Следовательно, когда речь заходит о здравоохранении, предупреждениях о вреде курения, алкоголя, то следует использовать неявные попытки убеждения (LaVoie et al., 2017) либо в прямых призывах и директивах использовать акцент на свободном выборе. Целесообразно использовать нарративные сообщения, которые уменьшают поиск контраргументов, противоположенной информации, противоречащей установкам, снижают намерение нарушать рекомендации (Burgoon, Alvaro, Grandpre, Voloudakis, 2002).

Т.О. Куликович и А.Ю. Кособуцкая показывают возможности для направления организационного поведения. Авторы выявляют некоторые зависимости:

– если распоряжение руководителя, совпадающее с решением подчиненного, будет воспринято последним как нарушение его свободы, подчиненный может проявить склонность к неподчинению или – в меньшей степени – к мнимому подчинению;

– если подчиненный считает текущую деятельность значимой, а распоряжение оценивает как нарушение свободы, он может демонстративно «гипербализировать», усилить свою активность. При этом вероятность такого поведения увеличивается по мере усиления личностного реактивного сопротивления (Куликович, Кособуцкая, 2013, с. 77).

Перспективным направлением для расширения понимания реактивного сопротивления является сравнение с феноменами реактивных и проактивных копинг-стратегий, а также проактивного (а также реактивного и активного) поведения на рабочем месте («джоб-крафтинг») (Гуриева, Юмкина, Марарица, Таусенова, 2023).

Обсуждение результатов

Теория реактивного сопротивления отличается своей привлекательностью для объяснения ситуаций, когда потенциально ожидаемое воздействие на человека вызывает противоположенные результаты. Реакцией на стимул в зависимости от его характеристики становится непосредственная реакция негативных когний и гнева в отношении стимула или источника стимула.

Несмотря на свою объяснительную силу, теория реактивного сопротивления имеет ряд ограничений. С момента создания теории и по сегодняшний день нет уточнения, что конкретно имеется в виду под «свободами», «угрозами свободы». Терминология достаточно размыта, что может делать ее популярной среди прикладных исследователей, но порождает трудность теоретической обоснованности понятий. Реакция в виде сопротивления может быть как результатом несовпадения позиции человека и тех, что ему предоставляются, отношения к автору воздействующего сообщения (доверия, авторитетности и пр.), результатом объема находящихся под угрозой свобод, так и субъективной значимостью. Последние исследования на примере призыва покупать продукты местных производителей в условиях экономического кризиса демонстрируют снижение сопротивления, когда даже директивные по своей сути сообщения воспринимаются обоснованными (Matarazzo, Diamantopoulos, Raff, 2023).

Сложно провести демаркационную линию с несогласием, упрямством и другими схожими конструктами, которые можно принять за реактивное сопротивление. Стоит в дальнейшем очертить поле случаев, которое реактивное сопротивление объясняет и / или не объясняет. Так, проведение

исследований на выборке по вопросам алкоголя, табакокурения и других веществ игнорирует факт зависимости, либо ситуации, когда ограничение свободы принимается сознательно.

Нами не было найдено работ, которые бы говорили о развитии проактивности взамен реактивности, хотя некоторые авторы призывают использовать стратегии не по преодолению, а использованию сопротивления как энергии к действию и изменениям.

Конкретизация положений могла бы разграничить концепцию от других, например теории поля К. Левина (2023), в рамках которой возможно объяснить механизм реактивного сопротивления, когнитивного диссонанса Л. Фестингера (2018), негативизма. Остановимся отдельно на последнем феномене. А.Л. Свенцицкий дает следующее определение негативизму: «...сопротивление индивида воздействиям, исходящим со стороны других людей, их мнениям, предложениям, советам» (Свенцицкий, 2017). Проявление негативизма у детей может быть связано со стремлением к самоутверждению (Реан, 2021). Выделяют подростковый и юношеский негативизм, а также во взрослом возрасте (Фурманов, 1997). Одной из форм негативизма считается упрямство, мотивационной основой которого является самоутверждение. Принято выделять пассивный негативизм, выражающийся в отказе выполнить предъявляемые требования, и активный негативизм – совершение действий, противоположных требуемым. Хотя негативизм может быть вызван ситуативными причинами, его использование также может быть обусловлено чертами характера (Реан, 2021).

Другой стратегией было бы обогащение теории реактивного сопротивления за счет сочетания с другими имеющимися авторитетными концепциями. Так, можно было бы связать механизмы теории запланированного поведения (Ajzen, 1991), фокусирующиеся на рациональных намерениях поведения и иррациональной (аффективной) составляющей реакции сопротивления. Возможно, это сделало бы предсказуемым неожиданное поведение.

Упомянутый выше когнитивный диссонанс позволил бы расширить варианты прямого или косвенного восстановления свободы, т.е. как и почему субъект в состоянии реактивности оправдывает свои действия: «Я не последовал совету, потому что он был...»

Теория реактивного сопротивления наиболее эффективна в контексте угрозы автономии, но требует дополнения другими подходами для комплексного анализа поведения. Возможно, наличие проработанной тематики негативизма в разных возрастных группах, а также знание других теорий, объясняющих мотивацию по восстановлению утраченной потребности, связаны с непопулярностью теории Дж. Брема у отечественных исследователей.

Вышеприведенные замечания не отменяют пользы теории, но обозначают направления для ее развития.

Заключение

Итак, основные выводы анализа следующие:

1. Реактивное сопротивление представляет собой мотивационное состояние, которое выражается как реакция на угрозу автономии.

2. В общении реактивное сопротивление вероятнее возникнет как ответ на манипуляцию или директивное воздействие. Подтверждена роль реактивности в сопротивлении убеждению, особенно в здравоохранении.

3. Индивиды различаются по своим потребностям в автономии и самоопределении, следовательно, реактивное сопротивление характеризуется как личностная черта.

4. Накоплен богатый методологический материал проверки реактивного сопротивления как экспериментально, так и с помощью опросных методов. Представленные опросники нуждаются в дальнейшей проверке вследствие противоречивости факторных структур, данных по валидности и надежности. Вполне возможно, что необходим пересмотр основных теоретических положений или их критическое рассмотрение, так как формирование шкал и опросников на основе эмпирических результатов зависит от особенностей выборок. Как было показано в результатах, большая часть проанализированных источников содержит результаты выборок подростков или молодых взрослых, в среднем – в возрасте от 17 до 25 лет, или старший возраст – от 55 и старше.

5. Среди закономерностей реактивного сопротивления можно отметить возрастные периоды, когда реактивное сопротивление выражено сильнее. Вероятнее всего, на реактивность влияют внешние факторы и особенности среды. Динамика реактивного сопротивления с возрастом у мужчин выражена сильнее, чем у женщин. Однако с учетом предыдущего пункта эти положения нуждаются в дополнительной проверке.

6. Теория нашла практическое применение в здравоохранении, маркетинге и управлении. Прикладное значение реактивного сопротивления выражается в возможностях сохранения авторитета акторов, которым необходимо повлиять или донести информацию до реципиентов, что актуально в сфере здравоохранения, социальной рекламе, маркетинге, трудовых отношениях, введении новых правил. Игнорирование источников информации может иметь долгосрочные последствия. Источники, которые создают информацию, вызывающую сопротивление, могут потерять свою значимость и доверие, что в будущем способно привести к снижению их влияния на аудиторию.

7. Говоря о направлениях исследований, отметим, что понимание реактивного сопротивления может способствовать работе специалистов помогающих профессий, в работе с группами и психотерапии, коррекции агрессии, депрессии и социальной дезадаптации. В организационной психологии – управление конфликтами с «высокореактивными» сотрудниками. Перспективным представляется поиск взаимосвязи реактивного сопротивления и проактивного конструирования работы (джоб-крафтинг). В меж-

личностном общении – преодоление затруднительного общения и конфликтности. В общественной безопасности и общественном поведении – как профилактика правонарушений, связанных с пренебрежением нормами и заботой о здоровье. Эти и другие направления особенно актуальны из-за роста включенности в цифровой мир и глобальные процессы, что требует обратить внимание на кросс-культурные исследования, а также долгосрочные эффекты реактивного сопротивления, а не только на рассмотрение непосредственной реакции реципиентов на воздействующие стимулы экспериментальной ситуации.

Ограничения исследования. Среди ограничений исследования отметим, что нами не предпринимались попытки мета-аналитического или систематического обзора, что могло бы дать более полную картину особенностей и недостатков теории. Нами также не были включены в рассмотрение некоторые неопубликованные зарубежные диссертации, статьи и монографии, находящиеся в закрытом доступе.

Литература

- Гуриева, С. Д., Юмкина, Е. А., Марарица, Л. В., Таусенова, М. (2023). Содержательные компоненты концепта «джоб-крафтинг»: подходы к операционализации и механизмы функционирования. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 4(4(72)), 122–133. doi: 10.52452/18115942_2023_4_122
- Кулинович, Т. О., Кособуцкая, А. Ю. (2013). Реактивное сопротивление в служебных отношениях. *Философия и социальные науки*, 3/4, 68–77.
- Ничко, Н. В., Гуриева, С. Д. (2025а). Адаптация шкалы реактивного сопротивления Мерца–Хонга на русскоязычной выборке. *Социальная психология и общество*, 16, 193–211. doi: 10.17759/sps.2025160111
- Ничко, Н. В., Гуриева, С. Д. (2025б). Связь реактивного сопротивления с чертами личности «Большой пятерки». *Научное мнение*, 1-2, 159–164. doi: 10.25807/22224378_2025_1-2_159
- Реан, А. А. (2021). Свобода: ответственность, негативизм, забота. *Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология*, 3, 83–101. doi: 10.11621/vsp.2021.03.05
- Свенцицкий, А. Л. (2017). *Краткий психологический словарь*. М.: Проспект.
- Фурманов, И. А. (1997). Психологические основы диагностики и коррекции нарушений поведения у детей подросткового и юношеского возраста. Минск: НИО.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 18.04.2025 г.; повторно 05.09.2025 г.;
принята 21.10.2025 г.

Ничко Никита Владимирович – аспирант кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: st070237@student.spbu.ru

Гуриева Светлана Дзахотовна – заведующая кафедрой социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: s.gurievasv@spbu.ru

For citation: Nichko, N. V., Gurieva, S. D. (2026). “Don't Read about this Theory!”: Overview of the Psychological Reactance Theory. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 99, 21–42. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/99/2

“Don't Read about this Theory!”: Overview of the Psychological Reactance Theory¹

N.V. Nichko¹, S.D. Gurieva¹

¹ St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Abstract

Relevance: The psychological reactance theory, developed by J. Brehm in the 1960s, remains a key concept for understanding the resistance of individuals to external pressure and threats to freedoms. The relevance of the study is determined by the need to develop effective strategies of interaction in various spheres of society, where ignoring reactive resistance leads to the boomerang effect, including increased destructive behavior and reduced trust in information sources. The paper is of particular importance in the light of insufficient study of the theory in Russian research. **The purpose** of the study was to systematically analyze the current understanding of reactance, identify its weaknesses and formulate directions for further development of the theory. **Method.** To achieve this goal, a review of the scientific literature for the period from 1966 to 2025 was conducted, including empirical works, meta-analyses and theoretical studies selected from Google Scholar databases using the key queries: "reactive theory", "reactance", "psychological reactance", "reactive resistance". A total of 75 papers were selected and analyzed. The methods of critical data analysis, comparative comparison with alternative theories (cognitive dissonance, negativism) and assessment of practical applicability of the concept were applied. **Results:** despite its explanatory power, the theory of psychological reactance requires clarification in the context of cultural differences (especially in "collectivist" cultures), the dynamics of long-term effects, gender and age characteristics in the level and characteristics of the manifestation of psychological reactance. **The main conclusions** of the analysis are that the theory remains useful for analyzing short-term reactions but needs integration with cognitive and sociocultural approaches. Promising research directions include studying reactivity in the digital environment and developing instruments with high psychometric performance, focusing on long-term effects of reactivity after exposure to stimuli, cross-cultural comparisons.

Keywords: psychological reactance; threat to freedom; criticism of theory; methods of persuasion; communication strategies

References

- Ajzen, I. (1991). The Theory of Planned Behaviour. *Organization Behaviour and Human Decision Process*, 50(2). 179–211. doi: 10.1016/0749-5978(91)90020t
- Al-Ghaithi, S. H., Reynolds-Tylus, T., Quick, B., Martinez Gonzalez, A., & Nead, K. E. (2019). An internal replication examining the role of issue involvement, relevance, and additional requirements to maintain an established freedom among older adults. *Human Communication Research*. doi: 10.1093/hcr/hqz010

¹ The study was supported by St. Petersburg State University, project № 22-18-00452-P “Psychological design of the workspace as a factor in the employee subjective well-being and the innovative potential of the organization”.

- Ball, H., Weber, K., Goodboy, A. K., Kunkle, C. E., Lilly, C. L., & Myers, S. A. (2022). A mixed methodological examination of older adults' psychological reactance toward caregiving messages from their adult children. *Communication Monographs*, 90(2), 137–158. doi: 10.1080/03637751.2022.2128197
- Berkowitz, L. (1973). Reactance and unwillingness to help. *Psychological Bulletin*, 79, 310–317. doi: 10.1037/h0034443
- Bessarabova, E., & Massey, Z. B. (2019). Testing terror management health model and integrating its predictions with the theory of psychological reactance. *Communication Monographs*, 87(1), 25–46. doi: 10.1080/03637751.2019.1626992
- Bessarabova, E., Miller, C. H., & Russell, J. (2017). A further exploration of the effects of restoration postscripts on reactance. *Western Journal of Communication*, 81(3), 385–403. doi: 10.1080/10570314.2016.1254815
- Bessarabova, E., Turner, M. M., Fink, E. L., & Blustein, N. B. (2015). Extending the theory of reactance to guilt appeals: "You ain't guiltin' me into nothin'". *Zeitschrift für Psychologie*, 223, 215–224. doi: 10.1027/2151-2604/a000223
- Brehm, J. W. (1966). *A Theory of Psychological Reactance*. New York: Academic Press.
- Brehm, S. S., & Brehm, J. W. (1981). *Psychological Reactance: A Theory of Freedom and Control*. New York: Academic Press.
- Buller, D. B., Borland, R., & Burgoon, M. (1998). Impact of behavioral intention on effectiveness of message features: Evidence from the Family Sun Safety Project. *Human Communication Research*, 24, 433–453. doi: 10.1111/j.1468-2958.1998.tb00424.x
- Burgoon, M., Alvaro, E., Grandpre, J., & Voloudakis, M. (2002). Revisiting the theory of psychological reactance: Communicating threats to attitudinal freedom. In J. P. Dillard & M. Pfau (Eds.), *The Persuasion Handbook: Developments in Theory and Practice* (pp. 213–232). Thousand Oaks, CA: Sage.
- Byrne, S., & Hart, P. S. (2009). The boomerang effect: a synthesis of findings and a preliminary theoretical framework. In C. Beck (Ed.), *Communication Yearbook 33* (pp. 3–37). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. doi: 10.1080/23808985.2009.11679083
- Clayton, R. B., Lang, A., Leshner, G., & Quick, B. L. (2019). Who fights, who flees? An integration of the LC4MP and psychological reactance theory. *Media Psychology*, 22(4), 545–571. doi: 10.1080/15213269.2018.1476157
- De las Cuevas, C., Penate, W., Betancort, M., & de Rivera, L. (2014). Psychological reactance in psychiatric patients: Examining the dimensionality and correlates of the Hong psychological reactance scale in a large clinical sample. *Personality and Individual Differences*, 70, 85–91. doi: 10.1016/j.paid.2014.06.027
- Dillard, J. P., & Shen, L. (2005). On the nature of reactance and its role in persuasive health communication. *Communication Monographs*, 72(2), 144–168. doi: 10.1080/03637750500111815
- Dillard, J. P., Kim, J., & Li, S. S. (2018). Anti-sugar-sweetened beverage messages elicit reactance: Effects on attitudes and policy preferences. *Journal of Health Communication*, 23(8), 703–711. doi: 10.1080/10810730.2018.1511012
- Dillard, J. P., Tian, X., Cruz, S. M., Smith, R. A., & Shen, L. (2021). Persuasive Messages, Social Norms, and Reactance: A Study of Masking Behavior during a COVID-19 Campus Health Campaign. *Health Communication*, 38(7), 1338–1348. doi: 10.1080/10410236.2021.2007579
- Dowd, E. T., & Wallbrown, F. (1993). Motivational components of client reactance. *Journal of Counseling & Development*, 71(5), 533–538.
- Dowd, E. T., Milne, C. R., & Wise, S. L. (1991). The therapeutic reactance scale: A measure of psychological reactance. *Journal of Counseling & Development*, 69, 541–545. doi: 10.1002/j.1556-6676.1991.tb02638.x
- Dowd, E. T., Milne, C. R., & Wise, S. L. (1994). Psychological reactance and its relationship to normal personality variables. *Cognitive Therapy and Research*, 18(6), 601–612. doi: 10.1007/BF02355671

- Dowd, E. T., Wallbrown, F., Sanders, D., & Yesenosky, J. M. (1994). Psychological reactance and its relationship to normal personality variables. *Cognitive Therapy and Research, 18*(6), 601–612.
- Eagly, A. H., & Chaiken, S. (1993). *The Psychology of Attitudes*. Orlando, FL: Harcourt Brace Jovanovich.
- Edwards, L., Beutler, L., & Someah, K. (2019). Reactance Level. In *Psychotherapy Relationships That Work.: Evidence-Based Therapist Responsiveness*. Oxford University Press, 188–211. doi: 10.1093/med-psych/9780190843960.003.0007
- Ehrenbrink, P. (2019). Reactance Scale for Human-Computer Interaction. In *The Role of Psychological Reactance in Human-Computer Interaction. T-Labs Series in Telecommunication Services* (pp. 1–143). Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-030-30310-5
- Frank, S., Jackson-Walker, S., Marks, M., Van Egeren, L. V., Loop, K., & Olson, K. (1998). From the Laboratory to the Hospital, Adults to Adolescents, and Disorders to Personality: The Case of Psychological Reactance. *Journal of Clinical Psychology, 54*(2), 137–142. doi: 10.1002/(SICI)1097-4679(199804)54:3<361::AID-JCLP6>3.0.CO;2-S
- Freudenreich, T., & Penz, E. (2025). Psychological reactance in assertive green advertising: addressing the role of individual values. *Journal of Consumer Marketing, 42*(1), 24–37. doi: 10.1108/JCM-02-2024-6577
- Furmanov, I. A. (1997). *Psichologicheskie osnovy diagnostiki i korrektsii narusheniy povedeniya u detey podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta* [Psychological foundations for diagnosis and correction of behavior disorders in adolescents and young adults]. Minsk: NIO.
- Gurieva, S. D., Yumkina, E. A., Mararitsa, L. V., & Tausenova, M. (2023). Soderzhatel'nye komponenty kontsepta “dzhob-krafting”: podkhody k operatsionalizatsii i mekhanizmy funktsionirovaniya [Content components of the “job crafting” concept: approaches to operationalization and mechanisms of functioning]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 4*(4(72)), 122–133. doi: 10.52452/18115942_2023_4_122
- Heilman, M. E., & Garner, K. A. (1975). Counteracting the boomerang: The effects of choice on compliance to threats and promises. *Journal of Personality and Social Psychology, 31*, 911–917. doi: 10.1037/h0076788
- Hong, S. M., & Faedda, S. (1996). Refinement of the Hong Psychological Reactance Scale. *Educational and Psychological Measurement, 56*, 173–182. doi: 10.1177/0013164496056001014
- Hong, S. M., Giannakopoulos, E., Laing, D., & Williams, N. A. (1994). Psychological Reactance: Effects of Age and Gender. *The Journal of Social Psychology, 134*(2), 223–228. doi: 10.1080/00224545.1994.9711385
- Inman, R. A., Sousa, A. M., Cunha, D., & Moreira, P. A. S. (2019). Therapeutic reactance in adolescents: The psychometrics of the therapeutic reactance scale in adolescents. *Scandinavian Journal of Child and Adolescent Psychiatry and Psychology, 7*, 20–28. doi: 10.21307/sjcapp-2019-003
- Joubert, C. E. (1990). Relationship among self-esteem, psychological reactance, and other personality variables. *Psychological Reports, 66*, 1147–1151. doi: 10.2466/PRO.66.4.1147-1151
- Kim, S.-Y., Levine, T. R., & Allen, M. (2017). The intertwined model of reactance for resistance and persuasive boomerang. *Communication Research, 44*(7), 931–951. doi: 10.1177/0093650214548575
- Knapp, M. E., Partington, L. C., Hodge, R. T., Ugarte, E., & Hastings, P. D. (2021). We're all in this together: Focus on community attenuates effects of pandemic-related financial hardship on reactance to COVID-19 public health regulations. *Plos One, 16*(12), e0260782. doi: 10.1371/journal.pone.0260782
- Kohn, P. M., & Barnes, G. E. (1977). Subject variables and reactance to persuasive communications about drugs. *European Journal of Social Psychology, 7*, 97–109. doi: 10.1002/ejsp.2420070108

- Kreuter, M. W., Green, M. C., Cappella, J. N., Slater, M. D., Wise, M. E., Storey, D., Clark, E. M., O'Keefe, D. J., Erwin, D. O., Holmes, K., Hinyard, L. J., Houston, T., & Woolley, S. (2007). Narrative communication in cancer prevention and control: A framework to guide research and application. *Annals of Behavioral Medicine, 33*(3), 221–235. doi: 10.1007/BF02879904
- Kulinovich, T. O., & Kosobutskaya, A. Yu. (2013). Reaktivnoe soprotivlenie v sluzhebnykh otnosheniyakh [Psychological reactance in work relationships]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki, 3*(4), 68–77.
- LaVoie, N. R., Quick, B. L., Riles, J. M., & Lambert, N. J. (2017). Are graphic cigarette warning labels an effective message strategy? A test of psychological reactance theory and source appraisal. *Communication Research, 44*, 416–436. doi: 10.1177/0093650215609669
- Lienemann, B. A., & Siegel, J. T. (2016). State psychological reactance to depression public service announcements among people with varying levels of depressive symptomatology. *Health Communication, 31*(1), 102–116. doi: 10.1080/10410236.2014.94066
- Lindsey, L. L. M. (2005). Anticipated guilt as behavioral motivation: an examination of appeals to help unknown others through bone marrow donation. *Human Communication Research, 31*, 453–481. doi: 10.1111/j.1468-2958.2005.tb00879.x
- Liu, J., & Wang, M. (2019). Psychological Reactance Scale Development and Test of Its Reliability and Validity in College Students. *Proceedings of the 2nd International Conference on Economy, Management and Entrepreneurship (ICOEME 2019)*. doi: 10.2991/icoeme-19.2019.42
- Matarazzo, M., & Diamantopoulos, A. (2023). Applying reactance theory to study consumer responses to COVID restrictions: a note on model specification. *International Marketing Review, 40*(5), 894–905. doi: 10.1108/IMR-12-2021-0370
- Matarazzo, M., Diamantopoulos, A., & Raff, A. (2023). "Buy local" campaigns in times of crisis: insights from reactance theory. *International Marketing Review, 40*(7), 45–78. doi: 10.1108/IMR-09-2022-0202
- Merz, J. (1983). Fragebogen zur Messung der psychologischen Reaktanz. *Diagnostica, 29*(1), 75–82.
- Miller, C. H., & Quick, B. L. (2010). Sensation seeking and psychological reactance as health risk predictors for an emerging adult population. *Health Communication, 25*, 266–275. doi: 10.1080/10410231003698945
- Miller, C. H., Burgoon, M., Grandpre, J. R., & Alvaro, E. M. (2006). Identifying principal risk factors for the initiation of adolescent smoking behaviors: the significance of psychological reactance. *Health Communication, 19*, 241–252. doi: 10.1207/s15327027hc1903_6
- Miller, C. H., Lane, L. T., Deatrick, L. M., Young, A. M., & Potts, K. A. (2007). Psychological reactance and promotional health messages: The effects of controlling language, lexical concreteness, and the restoration of freedom. *Human Communication Research, 33*, 219–240. doi: 10.1111/j.1468-2958.2007.00297.x
- Moreira, P., Cunha, D., & Inman, R. A. (2019). Addressing a Need for Valid Measures of Trait Reactance in Adolescents: A Further Test of the Hong Psychological Reactance Scale. *Journal of Personality Assessment, 102*(3), 357–369. doi: 10.1080/00223891.2019.1585360
- Moyer-Gusé, E. (2008). Toward a theory of entertainment persuasion: explaining the persuasive effects of entertainment-education messages. *Communication Theory, 18*(3), 407–425. doi: 10.1111/j.1468-2885.2008.00328.x
- Nichko, N. V., & Gurieva, S. D. (2025a). Adaptatsiya shkaly reaktivnogo soprotivleniya Mertsas-Khonga na russkoyazychnoy vyborke [Adaptation of the Merz-Hong reactance scale in a Russian-speaking sample]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo, 16*, 193–211. doi: 10.17759/sps.2025160111
- Nichko, N. V., & Gurieva, S. D. (2025b). Svyaz' reaktivnogo soprotivleniya s chertami lichnosti "Bol'shoy pyaterki" [The relationship of psychological reactance with the Big Five

- personality traits]. *Nauchnoe mnenie*, 1(2), 159–164. doi: 10.25807/22224378_2025_1-2_159
- O’Keefe, D. J. (1997). Argumentative candor and persuasive success: A meta-analysis of the persuasive effects of implicit and explicit message conclusions. In J. F. Klumpp (Ed.), *Argument in a time of change: Definitions, frameworks, and critiques (proceedings of the tenth NCA/AFA conference on argumentation)* (pp. 63–69). National Communication Association.
- Quick, B. L., & Considine, J. R. (2008). Examining the use of forceful language when designing exercise persuasive messages for adults: a test of conceptualizing reactance arousal as a two-step process. *Health Communication*, 23, 483–491. doi: 10.1080/10410230802342150
- Quick, B. L., & Stephenson, M. T. (2007). Further evidence that psychological reactance can be modeled as a combination of anger and negative cognitions. *Communication Research*, 34, 255–276. doi: 10.1177/0093650207300427
- Quick, B. L., Kam, J. A., Morgan, S. E., Montero Liberona, C. A., & Smith, R. A. (2015). Prospect theory, discrete emotions, and freedom threats: an extension of psychological reactance theory. *Journal of Communication*, 65, 40–61. doi: 10.1111/jcom.12134
- Rains, S. A. (2013). The nature of psychological reactance revisited: a meta-analytic review. *Human Communication Research*, 39, 47–73. doi: 10.1111/j.1468-2958.2012.01443.x
- Rean, A. A. (2021). Svoboda: otvetstvennost', negativizm, zabota [Freedom: responsibility, negativism, care]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 3, 83–101. doi: 10.11621/vsp.2021.03.05
- Reynolds-Tylus, T. (2019). Psychological Reactance and Persuasive Health Communication: A Review of the Literature. *Frontiers in Communication*, 4, 56. doi: 10.3389/fcomm.2019.00056
- Reynolds-Tylus, T., Bigsby, E., & Quick, B. L. (2020). A Comparison of Three Approaches for Measuring Negative Cognitions for Psychological Reactance. *Communication Methods and Measures*, 15(1), 43–59. doi: 10.1080/19312458.2020.1810647
- Richards, A. S., & Larsen, M. (2017). Anger expression moderates the effects of psychological reactance to sexual health messages. *Health Communication*, 32(12), 1491–1500. doi: 10.1080/10410236.2016.1230811
- Richards, A. S., Bessarabova, E., Banas, J. A., & Bernard, D. R. (2020). Reducing Psychological Reactance to Health Promotion Messages: Comparing Preemptive and Postscript Mitigation Strategies. *Health Communication*. doi: 10.1080/10410236.2020.1839203
- Rosenberg, B., & Siegel, J. T. (2016). A 50-year review of psychological reactance theory: Do not read this article. *Motivation Science*, 4, 281–300. doi: 10.1037/mot0000091
- Rotter, J. B. (1966). Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological monographs*, 80(1), 1–28.
- Rummel, A., Howard, J., Swinton, J. & Seymour, D. (2000). You can't have that! A study of reactance effects and children's consumer behavior. *Journal of Marketing Theory and Practice*, 8, 38–45. doi: 10.1080/10696679.2000.11501859
- Sachau, D. A., Houlihan, D., & Gilbertson, T. (1999). Predictors of Employee Resistance to Supervisors' Requests. *The Journal of Social Psychology*, 139(5), 611–621. doi: 10.1080/00224549909598421
- Shen, L. (2018). Features of Empathy–Arousing Strategic Messages. *Health Communication*, 1–11. doi: 10.1080/10410236.2018.1485078
- Sittenthaler, S., Jonas, E., & Traut-Mattausch, E. (2015). Explaining Self and Vicarious Reactance: A Process Model Approach. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 42(4), 458–470. doi: 10.1177/0146167216634055
- Sittenthaler, S., Steindl, C., & Jonas, E. (2015). Legitimate vs. illegitimate restrictions – a motivational and physiological approach investigating reactance processes. *Frontiers in Psychology*, 6, 632. doi: 10.3389/fpsyg.2015.00632

- Sittenthaler, S., Traut-Mattausch, E., Steindl, C., & Jonas, E. (2015). Salzburger State Reactance Scale (SSR Scale): Validation of a Scale Measuring State Reactance. *Zeitschrift für Psychologie*, 223(4), 257–266. doi: 10.1027/2151-2604/a000227
- Smith, M. J. (1977). The effects of threats to attitudinal freedom as a function of message quality and initial receiver attitude. *Communication Monographs*, 44, 196–206.
- Song, H., McComas, K. A., & Schuler, K. L. (2018). Source Effects on Psychological Reactance to Regulatory Policies: The Role of Trust and Similarity. *Science Communication*, 40(5), 591–620. doi: 10.1177/1075547018791293
- Steindl, C., Jonas, E., Sittenthaler, S., Traut-Mattausch, E., & Greenberg, J. (2015). Understanding Psychological Reactance. *Zeitschrift für Psychologie*, 223(4), 205–214. doi: 10.1027/2151-2604/a000222
- Suka, M., Shimazaki, T., Yamauchi, T., & Yanagisawa, H. (2022). Development of a rating scale for measuring resistance to persuasive health messages. *Environmental Health and Preventive Medicine*, 27, 20. doi: 10.1265/ehpm.22-00059
- Svetsitskiy, A. L. (2017). *Kratkiy psikhologicheskii slovar'* [A Short Psychological Dictionary]. Moscow: Prospekt.
- Waris, O., Karlsson, L., Antfolk, J., Karlsson, L., Karlsson, H., & Soveri, A. (2020). The factorial structure of the Hong Psychological Reactance Scale in two Finnish samples. *Nordic Psychology*, 73(1), 68–90. doi: 10.1080/19012276.2020.1800508
- Wicklund, R. A. (1974). *Freedom and Reactance*. Potomac, MD: Lawrence Erlbaum.
- Woller, K. M., Buboltz, W. C., & Loveland, J. M. (2007). Psychological reactance: Examination across age, ethnicity, and gender. *The American Journal of Psychology*, 120(1), 15–24. doi: 10.2307/20445379
- Worchel, S., & Brehm, J. W. (1970). Effects of threats to attitudinal freedom as a function of agreement with the communicator. *Journal of Personality and Social Psychology*, 14, 18–22. doi: 10.1037/h0028620
- Worchel, S., Andreoli, V., & Archer, R. (1976). When is a favor a threat to freedom: The effects of attribution and importance of freedom on reciprocity. *Journal of Personality*, 44(2), 294–310.
- Yost, A. B., & Finney, S. J. (2018). Assessing the unidimensionality of trait reactance using a multifaceted model assessment approach. *Journal of Personality Assessment*, 100(2), 186–196. doi: 10.1080/00223891.2017.1280044
- Zhang, X. (2019). Effects of Freedom Restoration, Language Variety, and Issue Type on Psychological Reactance. *Health Communication*, 35(11), 1316–1327. doi: 10.1080/10410236.2019.1631565

Received 18.04.2025; Revised 05.09.2025;
Accepted 21.10.2025

Nikita V. Nichko – postgraduate student, Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University.

E-mail: st070237@student.spbu.ru

Svetlana D. Gurieva – Head of the Department of Social Psychology, Department of Psychology, Saint Petersburg State University, D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: s.gurievasv@spbu.ru

УДК 316.472.4; 316.6

РАЗРАБОТКА И АПРОБАЦИЯ ОПРОСНИКА «ШКАЛА СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ»: ЭКСКЛЮЗИЯ С ПОЗИЦИИ АКТОРА¹

Г.В. Семенова¹, С.А. Векилова¹

¹ *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48*

Резюме

Актуальность исследования. В социальных науках описана проблема эксклюзии (исключения, остракизма); существуют методики, направленные на изучение переживаний и особенностей поведения «мишени», однако не разработан психодиагностический инструмент для измерения этого явления с позиции актора. **Цель:** разработка и апробация опросника «Шкала социального исключения» (ШСИ), позволяющего оценить различные формы и проявления явления эксклюзии с позиции актора. **Материалы и методы.** Исследование проводилось с помощью социально-психологического опроса. Общий объем выборки – 776 человек. Для измерения уровня эксклюзии в межличностных отношениях была разработана и валидизирована авторская методика. В процессе сбора материала на этапе ориентировки в проблеме использовалось описание пережитых ситуаций социального исключения с позиции «мишени», которое затем подвергалось контент-анализу и зеркально преобразовывалось для позиции актора. В ходе обработки и анализа данных при описании психометрических характеристик методики ШСИ были использованы: дескриптивная статистика, коэффициент дискриминативности дельта Фергюсона, коэффициент интеркорреляции, коэффициент альфа Кронбаха, корреляционный анализ Спирмена, факторные (эксплораторный и конфирматорный) виды анализа. Для проверки конструктивной валидности опросника применялась методика диагностики агрессии А. Басса и М. Перри. Данные обрабатывались с помощью программ SPSS 19.0, Statistica 10 и AMOS 20. **Результаты.** Разработан опросник ШСИ; описаны его психометрические характеристики. Впервые получена информация о частотах встречаемости и формах проявления эксклюзии с позиции актора. Факторизация результатов позволила выявить структуру опросника, состоящую из пяти факторов, и выделить следующие субшкалы: «Детский опыт исключения», «Игнорирование и дистанцирование», «Переходная эксклюзия», «Исключение замещающего объекта», «Предательство в близких отношениях». **Основные выводы.** Методика ШСИ является надежным и валидным опросником и может использоваться как в исследовательских, так и в прикладных целях.

Ключевые слова: социальное исключение; эксклюзия; остракизм; «мишень»; актор; опросник; консистентная надежность; ретестовая надежность; конструктивная валидность

¹ Работа выполнена за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена, проект № 83-ВГ.

Введение

Исследования проблем исключения (эксклюзии, остракизма) в социальных науках показывают, что ограниченность ресурсов и борьба за них фактически усиливают социальную динамику, конкуренцию, формируют уязвимые социальные группы, составляющие до 32% населения мира (Cuesta, López-Noval, Niño-Zarazúa, 2024). На межличностном уровне эксклюзия переживается не менее тяжело (Zhang, Zhu, Hu, Gao, 2023). Она приводит к формированию специфических поведенческих стратегий (Büttner, Ren, Stavrova, Rudert, Williams, Greifeneder, 2024): амбициозности, стремлению к власти, превосходству, с одной стороны, и избеганию, отстранению, неспособности к борьбе, к отстаиванию своих интересов – с другой. Социальное исключение в межличностных отношениях можно определить как один из видов агрессивного поведения, цель которого – лишение субъекта права быть членом значимых для него групп и межличностных отношений. Это поведение, приводящее к разрыву психологических (в том числе символических) связей, нарушению диалогизма в общении и взаимодействии, что субъективно переживается «мишенью» как страдание и осознается как болезненное чувство отчужденности, невключенности, обесценивания. Боль отвержения имеет сильное сходство с физической болью, так как оба вида боли имеют единые механизмы корковой локализации (Sleegers, Proulx, van Beest, 2017; Evans, 2025).

При эксклюзии демонстрируется завуалированная, смягченная форма агрессивного поведения человека, соответствующая практически всем критериям агрессии, за исключением лишь одного: в ней отсутствуют открытые, явные проявления физического воздействия. Все остальные признаки: причинение вреда, целенаправленность поведения, расчеловечивание жертвы и отсроченные пролонгированные последствия (потери в самооценке, статусе, субъектности, утрате контроля над окружающей реальностью), – являются общими. Отмечается депривация базовых социальных потребностей (Bernstein, Neubauer, Benfield, Potter, Smyth, 2021; Evans, 2025). Эксклюзия при неблагоприятных обстоятельствах является переходным звеном между конфликтом и девиантным поведением (Belgasm, Alzubi, Iyiola & Khadem, 2025).

Современные исследования эксклюзии свидетельствуют о зонтичности термина и многоликости этого явления (Бойкина, 2022). Привычное понятие «отвержение» (Khanam, Singh, 2025) сегодня дополняется и уточняется новым тезаурусом. Интенсивно изучается игнорирование (Семенова, Васильченко, Векилова, Николаева, Гусева, 2022). Много уже сказано о разных видах травли – буллинге и кибербуллинге (Бушина, Муминова, 2021; Schuster, 1996), харассменте (Еремеев, 2022; Schuster, 1996; Feinstein, Storm, Mead, Sharkey, 2025), исключении из рабочих отношений и моббинге (Mohammad, Nazir, 2023; Nureddin, 2025), отвлечении от собеседника на гаджеты – фаббинге (Нестерова, Феклисова, 2024; Büttner, Gloster, Greifeneder, 2021), о манипуляции, доводящей до переживания психиче-

ской неадекватности, – газлайтинге (Петров, 2023; Darke, Paterson, van Golde, 2025; Moisoglou et al., 2025), об остракизме как отвержении, фрустрирующем социальные потребности (Бойкина, Чиркина, 2020; Williams, 2009; Büttner, Lutz, 2025), о гостинге (Freedman, Powell, 2024). Это лишь некоторые примеры видов исключения, которые все чаще интересуют исследователей. Однако отсутствие общего методологического основания и измерительного инструментария затрудняет понимание фундаментальных механизмов возникновения и проявления этого феномена.

Эксклюзия представляет собой вид поведения, в котором участвуют две стороны – актер (он же субъект, тот, кто проявляет поведение исключения, инициирует агрессию и совершает конкретные действия, направленные на лишение другой стороны ресурсов, на причинение вреда, ущерба) и «мишень» (объект, пассивная, жертвенная сторона, которая терпит депривацию, подвергается насилию, лишается прав и т.п.). В подавляющем числе работ по социальной эксклюзии анализируются действия человека как жертвы социального исключения. Считается, что «мишень» нуждается в помощи и поддержке, что пережитый травматичный опыт закрепляет паттерн поведения жертвы, что в этом заключается самое главное психологическое содержание концепта исключения. При этом констатируется недостаток научных данных относительно опыта, которым обладает человек как инициатор эксклюзии (Doolaard, Lelieveld, Noordewier, van Beest, van Dijk, 2020).

Эксклюзия личности на периферию человеческих отношений выполняет агональную функцию, или функцию борьбы; роль актора направлена на понижение статуса оппонента. Актор – это человек, представляющий угрозу, опасность; он сплачивает одних и разделяет других, дает негативные этические оценки, рассуждает о ложности и нелегальности действий оппонента (Гудкова, 2020; Doolaard et al., 2020). Этим же понятием обозначается тот, кто отстаивает ценности конкретной группы, реализует право определять «своих» и «чужих» в межличностном взаимодействии. Иными словами, это человек, берущий на себя ответственность за «продвижение» определенного мировосприятия и решение вопроса о принадлежности (Гудкова, 2020; Емельянова, 2020). Актор достигает своих целей агрессией, что избавляет его от необходимости осваивать и присваивать социально приемлемые стратегии поведения.

Чрезмерный интерес к роли жертвы отражается и в существующем исследовательском инструментарии. В русскоязычной литературе отмечается преобладание методик, направленных на изучение переживания исключения «мишенью» (например, опросник смещенной агрессии (Воловикова, 2012) и др.); для изучения роли агрессора традиционно используется опросник диагностики агрессии А. Басса и М. Перри (Ениколопов, Цибульский, 2007). Современными методиками являются «Шкала субъективного остракизма» для подростков и молодежи (Бойкина, Чиркина, Радчиков, Морозикова, Пятых, Анисимова, 2023) и опросник «Переживание социального исключения» (Семенова, Векилова, Рудыхина, 2022), которые, однако, не учиты-

вают позицию актора. Стали появляться методики, позволяющие оценить ситуацию не только с позиции непосредственного участника событий, но и с позиции эксперта или стороннего наблюдателя, как в методиках «Шкала эпизодов агрессии» (AIS) (Чэймовиц, Мамак, Олаганью, 2020), «Шкала агрессии в служебных отношениях» (Фурманов, Гулис, 2012). Складывается инструментарий, позволяющий учитывать обе позиции – как актора, так и «мишени»; в качестве иллюстрации можно привести русскоязычную версию опросника Д. Ольвеуса «Роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга» (Бушина, Муминова, 2021). Особенности всех этих методик являются смешение понятий агрессии и эксклюзии и то, что начальные их версии разработаны зарубежными авторами. Это, с одной стороны, облегчает процесс создания русскоязычной методики, а с другой – не всегда отражает специфику проявления изучаемого феномена в российской выборке. Существует попытка разработки «Многopараметрической психологической диагностики склонности к газлайтингу в межличностных отношениях», однако в настоящее время необходимые психометрические характеристики этой методики вовсе не представлены (Петров, 2023).

В рамках проведенного исследования ставилась цель разработки компактного, надежного и валидного опросника для изучения эксклюзии с позиции актора. Создание такого инструмента позволяет обобщить накопленные на сегодняшний день сведения о закономерностях выражения агрессивных стремлений, следствием которых становится социальное исключение.

Программа исследования

Общую выборку составили 776 человек, студенты вузов и средних специальных учебных заведений.

На первом, ориентировочном этапе респондентам (N = 116, средний возраст испытуемых – 23,4 года) разъяснялся предмет исследования, предлагалось описать и оценить переживаемые опыты социального исключения. Полученные данные подвергались контент-анализу.

Во втором, основном этапе участвовали 312 человек (средний возраст 21,45; 15,7% мужчин). Полученные описания опытов исключения с позиции «мишени» были зеркально преобразованы в описания с позиции актора, что позволило составить первичный перечень вопросов ШСИ, изначально включавший 20 пунктов. В ней, задавая вопросы, составители обращаются к респонденту как актору, т.е. к тому, кто совершал исключаяющее воздействие в межличностных отношениях, наносил обиды, был причастен к инициации буллинга (в форме травли, бойкотов, изгнания кого-то из группы), игнорированию (в частности, в форме гостинга и орбитинга), семейной эксклюзии, предательству. Вопросы касались действий в качестве инициатора социального исключения, в которых респондент принимал непосредственное личное участие. Его просили оценить степень своего

согласия с утверждением по 6-балльной шкале Лайкерта: 1 – «совершенно не согласен»; 2 – «не согласен»; 3 – «не совсем согласен»; 4 – «в общем-то, согласен»; 5 – «согласен»; 6 – «полностью согласен». Формулировки были максимально мягкими, свободными от оценочных суждений и морализаторства. Таким образом, опросник измеряет объем опыта социального исключения в позиции актора (инициатора), т.е. изучает допускаемые к осознанию опыты отказа от отношений, игнорирования, изгнания и в конечном итоге причинения боли другому человеку / людям. Внешняя, конструктивная валидность разработанного опросника доказывается с помощью опросника А. Басса и М. Перри, в который включены шкалы, указывающие на континуум форм агрессивного поведения от явной физической агрессии до враждебности.

На третьем этапе апробации и валидации опросника ШСИ выборку составили 348 человек, из них 40 человек – для проверки ретестовой надежности (средний возраст 19,95 лет, 12,5% мужчин), 308 человек – для определения конструктивной валидности опросника (средний возраст 19,3 лет, 24,7% мужчин). На этом этапе исследования был сформулирован окончательный перечень вопросов ШСИ.

Результаты исследования обработаны с использованием программного обеспечения SPSS 19.0, AMOS 20 и Statistica 10. Сначала осуществлялся подсчет дескриптивных статистик, коэффициентов дискриминативности и интеркорреляций каждого вопроса шкалы с суммарным баллом, проводились эксплораторный факторный анализ, конфирматорный факторный анализ, определялась нормальность распределения суммарного индекса исключения, высчитывался коэффициент альфа Кронбаха. Для проверки тест-ретестовой надежности и определения конструктивной валидности опросника использовался корреляционный анализ Спирмена.

Результаты исследования и их обсуждение

Определение дискриминативности вопросов шкалы и анализ коэффициентов корреляций с итоговым суммарным баллом. Коэффициенты дискриминативности Фергюссона (Клайн, 1994), коэффициенты интеркорреляций баллов с итоговым баллом представлены в табл. 1.

Исходя из представленных данных, в ходе анализа содержания самих вопросов и их релевантности цели исследования, а также по результатам частотного анализа ответов из начального списка вопросов были удалены утверждения 11, 12, 15, 19, 20. Таким образом, в финальный перечень попали 15 вопросов, которые и составили окончательный список утверждений методики.

Частотный анализ ответов дает представление об их распределении по 6 баллам шкалы Лайкерта и рисует своеобразную картину степени распространенности конкретных поведенческих паттернов в обследованной выборке студентов (табл. 2).

Таблица 1

**Коэффициенты дискриминативности и интеркорреляции
каждого вопроса с суммарным баллом**

№	Вопросы шкалы	Коэффициент Фергюсона, дельта	Коэффициент корреляции с суммарным баллом
1	В детстве у меня был опыт объединения с другими детьми для того, чтобы изгнать из совместной игры какого-нибудь ребенка	0,876	0,517
2	Бывают ситуации, когда мне трудно удержаться от того, чтобы не обидеть кого-то из более слабых членов семьи	0,872	0,504
3	Был случай, когда я предал друга	0,865	0,428
4	Иногда на окружающих я реагирую уходом, игнорированием	0,950	0,432
5	Мне трудно сдержать гнев, раздражение, когда в семье кто-то болеет	0,823	0,402
6	В школе я участвовал в травле кого-то из детей	0,825	0,505
7	Был случай, когда я предал партнера	0,696	0,356
8	Я принимал участие в бойкоте кого-то из одноклассников	0,771	0,471
9	В моей семье мне случалось обижать пожилого родственника	0,723	0,408
10	Должен признать, что в жизни мне приходилось прибегать к насилию	0,885	0,573
11	Если бы возникла такая необходимость, я бы отказался от кого-то из членов своей семьи	0,649	0,490
12	Должен признать, что я отказывался от партнерских отношений	0,946	0,446
13	Бывало, что в ответ на игнорирование со стороны близкого человека я отвечал тем же	0,927	0,473
14	В моей семье мне случалось обижать кого-то из детей (собственного ребенка, младшего брата или сестру)	0,859	0,499
15	На плохое отношение близких я обычно реагирую агрессией	0,948	0,501
16	Когда близкий человек не понимает слов, я могу применить физическую силу	0,574	0,519
17	Бывало, что я говорил кому-то из моих друзей что-то, что причиняло ему боль	0,941	0,470
18	Иногда я выхожу из общения с некоторыми людьми, не говоря с ними об этом и без предупреждений	0,951	0,509
19	Знаю, что смогу прожить в разлуке со своим ребенком	0,865	0,396
20	Я знаю, как можно поставить человека на место	0,923	0,220

Таблица 2

Распределение частот ответов в опроснике ШСИ

№	Содержание вопроса с первичной нумерацией	Баллы шкалы Лайкерта					
		1	2	3	4	5	6
1	1. В детстве у меня был опыт объединения с другими детьми для того, чтобы изгнать из совместной игры какого-нибудь ребенка	126	41	35	63	35	12
2	2. Бывают ситуации, когда мне трудно удержаться от того, чтобы не обидеть кого-то из более слабых членов семьи	125	58	36	55	28	10
3	3. Был случай, когда я предал друга	130	61	37	44	31	9
4	4. Иногда на окружающих я реагирую уходом, игнорированием	49	38	38	75	76	36
5	5. Мне трудно сдерживать гнев, раздражение, когда в семье кто-то болеет	133	89	41	24	16	9
6	6. В школе я участвовал в травле кого-то из детей	142	63	35	48	19	5
7	7. Был случай, когда я предал партнера	186	40	15	33	29	9
8	8. Я принимал участие в бойкоте кого-то из одноклассников	162	64	24	35	20	7
9	9. В моей семье мне случалось обижать пожилого родственника	178	49	22	32	26	5
10	10. Должен признать, что в жизни мне приходилось прибегать к насилию	124	52	37	50	30	19
11	13. Бывало, что в ответ на игнорирование со стороны близкого человека я отвечал тем же	43	25	30	64	100	50
12	14. В моей семье мне случалось обижать кого-то из детей (собственного ребенка, младшего брата или сестру)	134	47	15	46	48	22
13	16. Когда близкий человек не понимает слов, я могу применить физическую силу	212	50	24	17	7	2
14	17. Бывало, что я говорил кому-то из моих друзей что-то, что причиняло ему боль	27	48	46	84	74	33
15	18. Иногда я выхожу из общения с некоторыми людьми, не говоря с ними об этом и без предупреждений	77	67	49	52	42	25

Полученные данные позволяют утверждать, что степень допустимости разных вариантов проявления исключения дифференцируется. Так, например, опыт использования в межличностной коммуникации игнорирования (вопрос 11) воспринимается респондентами как более приемлемая форма поведения, чем, например, физическое насилие (вопрос 13), что полностью соответствует методологическим предпосылкам, представленным в теоретическом анализе по данному исследованию.

Факторизация результатов ответов на вопросы опросника «Шкала социального исключения». На следующем этапе работы полученные результаты были подвергнуты процедуре эксплораторного факторного анализа с целью определения факторной структуры феномена и выявления конфигурации субшкал опросника. Решение о количестве факторов, лежа-

щих в основе матрицы корреляций, принималось на основе показателя Кайзера. График собственных значений (рис. 1) позволяет говорить о 5-факторной структуре опросника.

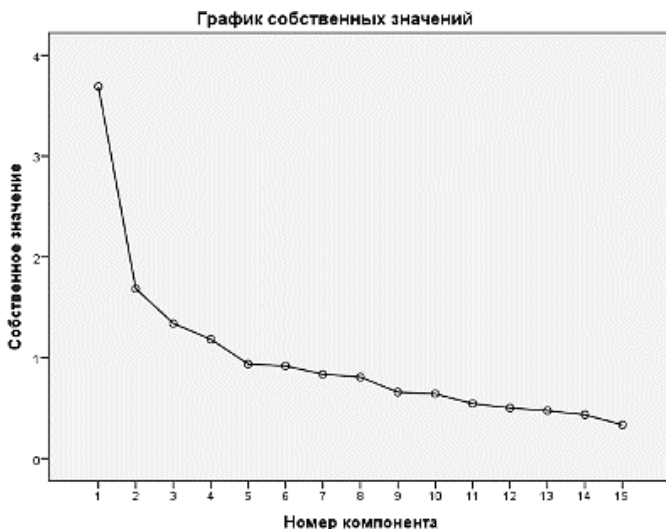

Рис. 1. График, отражающий результаты определения с помощью критерия Кайзера количества факторов в эксплораторном факторном анализе

В пользу этого решения говорит и анализ процента суммарной дисперсии, который составляет 58,923%, что является допустимым значением. В качестве метода выделения факторов использовался вариант главных компонент, метод вращения варимакс с нормализацией Кайзера. Результаты представлены в табл. 3.

В фактор 1 со значимыми факторными нагрузками вошло три вопроса, описывающих детские опыты участия в групповой травле, изгнании, бойкоте. В этих вопросах все глаголы имеют форму прошедшего времени (участвовал, объединялся), они адресованы к детству и фокусируются на консолидации с группой. Респонденты, получающие высокий суммарный балл по этим вопросам, имеют своеобразный опыт разрешенной агрессии, который может считаться пусковым механизмом легализации последующих действий агрессивной природы. Фактор 1 получил название «*Детский опыт исключения*» и отражает идею «дружбы против кого-то».

Во второй фактор вошло четыре вопроса, которые описывают практики игнорирования в диадных отношениях с близкими людьми; глаголы представляют репертуар действий, связанных с дистанцированием, отказом от отношений. Игнорирование, уход, гостинг как формы эксклюзии объединяет то, что они демонстрируют пренебрежение к потребностям человека. Отсутствие реакции увеличивает социальную дистанцию за счет нарушения механизма обратной связи, что выглядит как игра в одни ворота и делает невозможным диалогизм в общении, исключая равенство позиций

партнеров. Фактор 2 и соответствующая шкала получили название «Игнорирование и дистанцирование». Высокие баллы по данной субшкале дают возможность говорить, что в межличностных отношениях человек использует различные стратегии увеличения социальной дистанции с некоторыми людьми и прекращения коммуникации, физического ухода, психологического отдаления. Он позволяет «отбраковывать» ненужные контакты, избавляться от надоевшего или дисфункционального общения бесконфликтно, без прямой конфронтации.

Таблица 3

Эксплораторный факторный анализ результатов опросника ШСИ

Вопросы ШСИ	Факторы				
	1	2	3	4	5
6. В школе я участвовал в травле кого-то из детей	0,846	–	–	–	–
8. Я принимал участие в бойкоте кого-то из одноклассников	0,837	–	–	–	–
1. В детстве у меня был опыт объединения с другими детьми для того, чтобы изгнать из совместной игры какого-нибудь ребенка	0,757	–	–	–	–
4. Иногда на окружающих я реагирую уходом, игнорированием	–	0,768	–	–	–
11. Бывало, что в ответ на игнорирование со стороны близкого человека я отвечал тем же	–	0,705	–	–	–
15. Иногда я выхожу из общения с некоторыми людьми, не говоря с ними об этом и без предупреждений	–	0,636	–	–	–
14. Бывало, что я говорил кому-то из моих друзей что-то, что причиняло ему боль	–	0,569	–	–	–
12. В моей семье мне случалось обижать кого-то из детей (собственного ребенка, младшего брата или сестру)	–	–	0,802	–	–
13. Когда близкий человек не понимает слов, я могу применить физическую силу	–	–	0,699	–	–
10. Должен признать, что в жизни мне приходилось прибегать к насилию	–	–	0,565	–	–
5. Мне трудно сдерживать гнев, раздражение, когда в семье кто-то болеет	–	–	–	0,714	–
9. В моей семье мне случалось обижать пожилого родственника	–	–	–	0,701	–
2. Бывают ситуации, когда мне трудно удержаться от того, чтобы не обидеть кого-то из более слабых членов семьи	–	–	–	0,465	–
7. Был случай, когда я предал партнера	–	–	–	–	0,816
3. Был случай, когда я предал друга	–	–	–	–	0,766
% дисперсии	14,06	13,25	11,09	10,74	9,78

Третий фактор был назван «Переходная эксклюзия»; в него вошло три вопроса. Данный фактор отражает характерную особенность эксклюзии – ее способность к быстрой эскалации, легкость трансформации в реальную

физическую агрессию. Фактор 3 фиксирует опыты «на грани», когда рост энергии возбуждения лавинообразно перерастает в неконтролируемое поведение агрессии. Сюда вошли вопросы, в которых исследуется способность человека использовать давление, прессинг и насилие в отношении более слабого с целью получить преимущество в иерархии, контроле, власти. По своему смыслу шкала максимально приближается к физической агрессии. Высокие баллы по данной шкале свидетельствуют, что человек имеет опыт совершения насилия (применения силы, в том числе физической) в отношении более слабого субъекта. Обычно насильственные действия направлены на людей более младшего, преимущественно детского, возраста (или на того, кто взаимодействует в межличностных контактах из детской позиции).

В четвертый фактор входит три вопроса, касающихся семейных отношений и описывающих действия разрядки агрессии, объектом которой является член семьи – больной, пожилой, ребенок или слабый человек. Фактор 4 можно назвать «*Исключение замещающего объекта*» – это выражение замещающей агрессии или причинения боли как форма разрядки напряжения. Такая разрядка, как демонстрируют результаты факторизации, чаще всего происходит в кругу самых близких – в семье, в безопасном пространстве для снятия напряжения. Высокие баллы по данной шкале характерны для людей, имеющих опыт совершения исключаяющего воздействия в отношении тех членов семьи, которые выступают в роли замещающего объекта для канализации агрессии. Семья в данном случае представляет собой пространство, в котором можно отреагировать агрессивные импульсы без утраты «социального лица».

Пятый фактор включает два вопроса о предательстве в отношениях, описывает опыты, в которых респондент разрушал доверие другого человека. Речь идет об исключительно близких отношениях – любовных и дружеских, которые возникают по доброй воле, но на определенном этапе становятся отягощающими (разрушительными). Фактор 5 получил название «*Предательство в близких отношениях*». Несколько неожиданным стало выделение предательства в отдельный фактор. По смыслу оно выражает реакцию отсоединения, близкую к избеганию, игнорированию. Однако, вероятно, здесь главное отличие обусловлено потенциальной возможностью выбора.

Представленные субшкалы разработанного опросника демонстрируют особенности социализации и эскалации эксклюзии, ее трансформации в агрессию. Исключение, совершаемое в детстве, отражает «пробу» такой формы поведения; новизна опыта заставляет объединяться в детском сообществе с другими. Дальнейшая социализация эксклюзии предполагает настройку более тонких, непрямых инструментов фильтрации окружения: появляются навыки дистанцирования, игнорирования в их самых разнообразных формах. Переходная эксклюзия – это испытание конфронтационных тактик общения, способствующих пониманию стратегий поведения в ссорах, конфликтах, которые могут в ходе эскалации перерасти в насилие.

Исключение замещающего объекта предполагает снятие напряжения и расширение опыта за счет специфического тренинга внутри наиболее безопасной, знакомой и предсказуемой – семейной – системы. Наконец, ситуации «осознанного предательства» позволяют наиболее четко выражать и отстаивать собственную позицию, свое Я, значимые ценности.

Конфирматорный факторный анализ. Цель конфирматорного факторного анализа – математически подтвердить полученную ранее 5-факторную структуру явления исключения с позиции актора. Проверка соответствия исходных данных финальной модели (рис. 2) осуществляется с помощью индексов согласия (приложение AMOS SPSS) (Наследов, 2013).

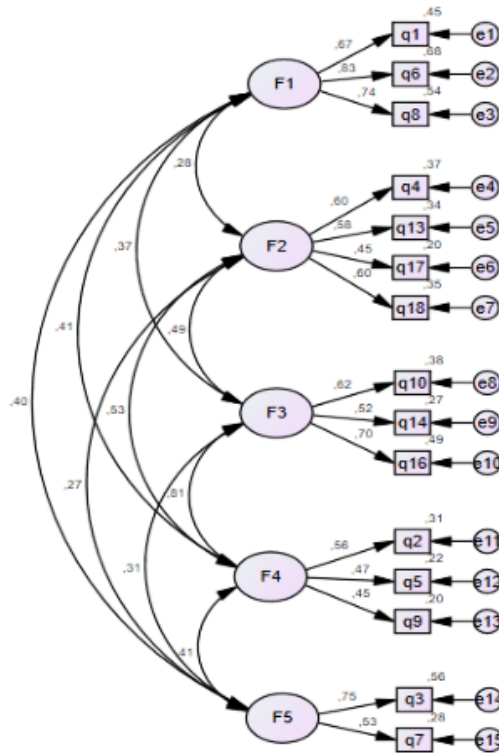

Рис. 2. Схема взаимосвязи компонентов структуры исключения с позиции актора по результатам конфирматорного факторного анализа

Действительно, финальная 5-факторная модель воспроизводит полученную ранее факторную структуру. Проверка соответствия, проведенная с использованием индексов согласия, дает такие результаты: стандартизованный среднеквадратический остаток (SRMR) в нашем случае равен 0,0434, что существенно меньше критического значения 0,08 и, значит, подтверждает приемлемость теоретической модели. Нормированный индекс соответствия NFI = 0,877 приближается к порогу соответствия 0,95 и также косвенно может считаться признаком соответствия. Индекс сравнительно-

го соответствия (CFI) равен 0,952 и является показателем хорошего соответствия модели. Наконец, наиболее сильный критерий соответствия – среднеквадратическая ошибка аппроксимации (RMSEA) – показывает значение 0,039, что существенно ниже требуемого порогового значения 0,06. Можно утверждать, что подтверждающий (конфирматорный) факторный анализ дает достаточно оснований считать, что теоретическая модель 5 факторной структуры социального исключения с позиции актора соответствует исходным данным и является доказанной.

Дескриптивная статистика по субшкалам опросника. В табл. 4 представлены результаты дескриптивной статистики (средние значения и стандартные отклонения) по шкалам методики ШСИ.

Таблица 4

Средние и дисперсия по пяти субшкалам опросника ШСИ

№	Субшкалы	М	SD
1	Детский опыт исключения	6,00	3,69
2	Игнорирование и дистанцирование	14,00	4,39
3	Переходная эксклюзия	6,00	3,40
4	Исключение замещающего объекта	6,00	3,03
5	Предательство в близких отношениях	4,00	2,55
6	Суммарный индекс исключения	39,10	11,12

Проверка нормальности распределения суммарного индекса исключения осуществлялась с помощью косвенных и расчетных критериев (рис. 3).

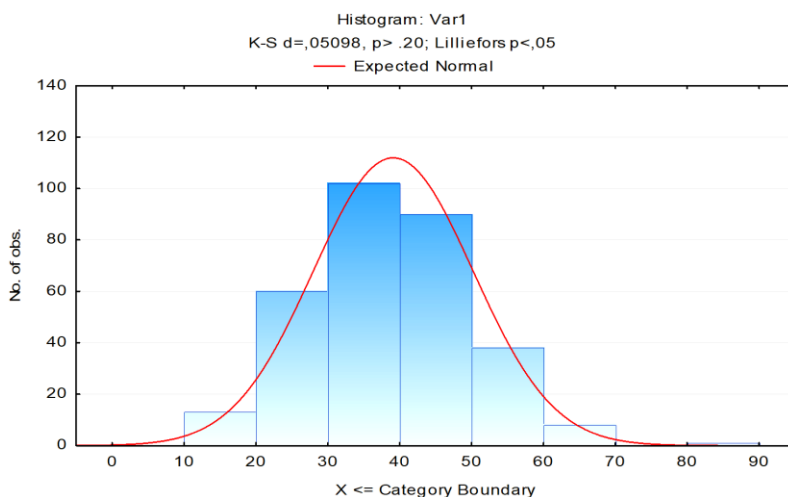

Рис. 3. Гистограмма распределения суммарного индекса социального исключения

Подтверждением нормальности распределения суммарного индекса являются близость значений среднего и медианы (39,1 и 38,5 соответственно), удовлетворение распределения правилу трех сигм ($X = 39,1; \sigma = 11,12$), а также уровень значимости критерия Колмогорова–Смирнова $d = 0,50; p \geq 0,2$.

Консистентная надежность опросника. Показатель альфа Кронбаха опросника равен 0,773 и попадает в диапазон между «хорошими» и «допустимыми» значениями.

Ретестовая надежность опросника. Для проверки ретестовой надежности опросника привлекалась выборка 40 человек (средний возраст 19,95 лет, 35 женщин). Временной интервал между тестом и ретестом составил 21 день. Результаты определения ретестовой надежности представлены в табл. 5, 6.

Таблица 5

Тест-ретестовые корреляции вопросов опросника

№	Вопросы ШСИ	Коэффициенты корреляции
1	В детстве у меня был опыт объединения с другими детьми для того, чтобы изгнать из совместной игры какого-нибудь ребенка	0,610
2	Бывают ситуации, когда мне трудно удержаться от того, чтобы не обидеть кого-то из более слабых членов семьи	0,817
3	Был случай, когда я предал друга	0,644
4	Иногда на окружающих я реагирую уходом, игнорированием	0,572
5	Мне трудно сдерживать гнев, раздражение, когда в семье кто-то болеет	0,409
6	В школе я участвовал в травле кого-то из детей	0,812
7	Был случай, когда я предал партнера	0,751
8	Я принимал участие в бойкоте кого-то из одноклассников	0,652
9	В моей семье мне случалось обижать пожилого родственника	0,849
10	Должен признать, что в жизни мне приходилось прибегать к насилию	0,741
11	Бывало, что в ответ на игнорирование со стороны близкого человека я отвечал тем же	0,519
12	В моей семье мне случалось обижать кого-то из детей (собственного ребенка, младшего брата или сестру)	0,877
13	Когда близкий человек не понимает слов, я могу применить физическую силу	0,747
14	Бывало, что я говорил кому-то из моих друзей что-то, что причиняло ему боль	0,745
15	Иногда я выхожу из общения с некоторыми людьми, не говоря с ними об этом и без предупреждений	0,395

Таблица 6

Значения коэффициентов тест-ретест корреляции индекса пяти шкал опросника и суммарного индекса исключения

№	Субшкалы опросника и суммарный индекс исключения	Коэффициенты корреляции
1	Детский опыт исключения	0,825
2	Игнорирование и дистанцирование	0,567
3	Переходная эксклюзия	0,833
4	Исключение замещающего объекта	0,847
5	Предательство в близких отношениях	0,728
6	Суммарный индекс исключения	0,812

Конструктивная валидность опросника определялась с помощью опросника склонности к агрессии А. Басса и М. Перри (Ениколопов, Цибульский, 2007). Выборку составили 308 человек; возрастной диапазон от 14 до 48 лет ($x_{\text{ср}} = 19,3$). Данные корреляционного анализа между шкалами опросников представлены в табл. 7.

Таблица 7

Результаты интеркорреляций трех шкал опросника Басса–Перри с пятью субшкалами опросника ШСИ

№	Субшкалы опросника ШСИ	Шкалы опросника Басса–Перри			
		Физическая агрессия	Гнев	Враждебность	Общий показатель
1	Детский опыт исключения	0,269**	0,216**	0,149*	0,275**
2	Игнорирование и дистанцирование	0,319**	0,299**	0,379**	0,449**
3	Переходная эксклюзия	0,473**	0,213**	0,170**	0,368**
4	Исключение замещающего объекта	0,314**	0,219**	0,261**	0,353**
5	Предательство в близких отношениях	0,191**	0,263**	0,212**	0,297**

Примечание. Значимость коэффициента корреляции: * на уровне $p \leq 0,05$; ** на уровне $p \leq 0,01$

Результаты, представленные в табл. 7, позволяют говорить о сильных взаимосвязях между ШСИ и опросником Басса–Перри, что свидетельствует о хорошей конструктивной валидности предлагаемой методики.

Психометрические процедуры, направленные на изучение возможности создания и применения опросника ШСИ, подтверждают надежность и валидность этой методики. Предложенный лаконичный инструмент изучения эксклюзии с позиции актора может использоваться в исследовательских целях и психологической практике.

Заключение

Предлагаемая работа решает одновременно несколько методологических задач в проблемном поле психологии общения и психологии личности. Были обозначены черты психологического явления исключения и дано его определение. Представлен новый исследовательский инструмент, который восполняет общий дефицит исследовательских методов в психологии. Выделенные при валидации ШСИ факторы дают возможность описать виды феномена в пяти субшкалах опросника. Эти факторы также позволяют отвечать на вопросы о социализации исключения, его основных механизмах – перехода и замещения. Эксклюзия в том виде, в котором она была рассмотрена в предложенном исследовании, выполняет, судя по всему, разнообразные функции. Среди этих функций можно выделить, в частности, следующие: фильтрация круга общения; экономия социального ресурса; избавление от чрезмерно энергозатратных и неприятных социальных контактов за счет разрыва коммуникации; освобождение места в социальном пространстве личности для новых фигур; отстаивание собственных интересов, защита принятой индивидом системы ценностей. В то же время от-

дельного рассмотрения требует вопрос о значении исключения – о той цене, которая в конечном счете платится «мишенью» и обществом за достижение актором своих целей.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в обработке данных кандидата психологических наук, доцента Н.П. Радчикову.

Литература

- Бойкина, Е. Э. (2022). Современные лики социального ostrакизма: гостинг, орбитинг, фаббинг, культура отмены. *Современная зарубежная психология*, 11(2), 131–140. doi: 10.17759/jmfr.2022110212
- Бойкина, Е. Э., Чиркина, Р. В. (2020). Социальный ostrакизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования. *Психология и право*, 10(1), 152–164. doi: 10.17759/psylaw.2020100114
- Бойкина, Е. Э., Чиркина, Р. В., Радчиков, А. С., Морозикова, И. В., Пятых, Г. А., Анисимова, Е. В. (2023). «Шкала субъективного ostrакизма» (Шкала субъективного ostrакизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ. *Психология и право*, 4(13), 132–149. doi: 10.17759/psylaw.2023130410
- Бушина, Е. В., Мунинова, А. М. (2021). Адаптация русскоязычной версии опросника Ольвеуса «Роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга». *Социальная психология и общество*, 12(2), 197–216. doi: 10.17759/sps.2021120212
- Воловикова, В. В. (2012). Когнитивные детерминанты агрессии: адаптация методики «Опросник смещенной агрессии». *Философия и социальные науки*, 3-4, 84–87.
- Гудкова, С. (2020). Аналитический обзор реализации концепта «агрессор» в англоязычном политическом дискурсе. *Научный вектор Балкан*, 4(10), 34–37. doi: 10.34671/SCH.SVB.2020.0404.0006
- Емельянова, О. В. (2020). Категоризация и самокатегоризация в контексте социальной эксклюзии. *Когнитивные исследования языка*, 2(41), 209–212.
- Ениколопов, С. Н., Цибульский, Н. П. (2007). Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри. *Психологический журнал*, 1, 115–124.
- Еремеев, С. Г. (2022). Харассмент: современный взгляд на проблему. *Прикладная юридическая психология*, 1(58), 28–35. doi: 10.33463/2072-8336.2022.1(58).028-035
- Клайн, П. (1994). *Справочное руководство по конструированию тестов: введение в психометрическое проектирование*. Киев: ПАН Лтд.
- Наследов, А. Д. (2013). *IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных*. СПб.: Питер.
- Нестерова, А. А., Феклисова, А. А. (2024). Фаббинг: стремление к поверхностным контактам с другими и избегание глубинных контактов с собой. *Социальная психология и общество*, 15(2), 82–99. doi: 10.17759/sps.2024150206
- Петров, В. Е. (2023). Многопараметрическая психологическая диагностика склонности к газлайтингу в межличностных отношениях. *Прикладная психология и педагогика*, 8(2), 182–193. doi: 10.12737/2500-0543-2023-8-2-182-193
- Семенова, Г. В., Васильченко, А. С., Векилова, С. А., Николаева, Е. В., Гусева, Ю. Е. (2022). Представления об игнорировании как форме социальной эксклюзии. *Психология человека в образовании*, 4(1), 53–65. doi: 10.33910/2686-9527-2022-4-1-53-65
- Семенова, Г. В., Векилова, С. А., Рудыхина, О. В. (2022). Переживание социального исключения: разработка и апробация опросника. *Социальная психология и общество*, 13(3), 97–115. doi: 10.17759/sps.2022130307
- Фурманов, И. А., Гулис, И. В. (2012). Агрессия в служебных отношениях: адаптация методики «Шкала агрессии в служебных отношениях». *Психологический журнал (Минск)*, 3-4, 101–108.

Чэймоуиц, Г. А., Мамак, М., Олаганью, Э. Т. (2020). Шкала эпизодов агрессии (AIS) – показатель агрессии, который позволяет управлять риском насилия. *Российский психиатрический журнал*, 6, 36–44. doi: 10.24411/1560-957X-2020-10605

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 09.08.2025 г.; принята 15.10.2025 г.

Семенова Галина Вячеславовна – доцент кафедры общей и социальной психологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: semenovagv@ Herzen.spb.ru

Векилова Севиль Афрасьябовна – доцент кафедры общей и социальной психологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: vekilova@mail.ru

For citation: Semenova, G. V, Vekilova, S. A. (2026). Development and Testing the “Scale of Social Exclusion” from the Actor’s Perspective. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 99, 43–61. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/99/3

Development and Testing the “Scale of Social Exclusion” from the Actor’s Perspective¹

G.V. Semenova¹, S.A. Vekilova¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

Abstract

Relevance. The problem of exclusion (rejection or ostracism) is described in social sciences; there are methods aimed at studying the experiences and behavioral characteristics of the "target", but a psychodiagnostic tool for measuring this phenomenon from the actor's perspective has not been developed. **The aim of the study** is to develop and test the questionnaire "Scale of Social Exclusion", which allows assessing various forms and manifestations of this phenomenon from the actor's perspective. **Research materials and methods.** The study was conducted using a socio-psychological survey. The total sample size was 776 people. To measure the level of exclusion in interpersonal relationships, the author's technique was developed and validated. During the process of collecting material at the stage of orientation in the problem, situations of social exclusion were used, which were described by respondents. These descriptions were given by the participants of the study from the perspective of the "target". Then these descriptions were subjected to content analysis and simultaneously transformed for the perspective of the actor. In the course of processing and analyzing the data when describing the psychometric characteristics of the "Scale of Social Exclusion", the following techniques were used: descriptive statistics, the Ferguson delta discrimination coefficient, the intercorrelation coefficient, the Cronbach's alpha coefficient, Spearman's correlation analysis, factor (exploratory and confirmatory) types of analysis. To check the construct

¹ The research was supported by an internal grant of the Herzen University, project N 83-BF (2025–2027).

validity of the questionnaire, the aggression diagnostic questionnaire of A. Bass and M. Perry was used. The data were processed using SPSS 19.0, Statistica 10 and AMOS 20 programs. **Results.** The "Scale of Social Exclusion" questionnaire has been developed; its psychometric characteristics have been described. For the first time, information has been obtained on the frequencies of occurrence and forms of exclusion from the actor's perspective. Factorization of the results made it possible to identify the structure of the questionnaire, consisting of five factors, and to highlight the following subscales: "Childhood experience of exclusion", "Ignoring and distancing", "Transitional exclusion", "Exclusion of a substitute object", "Betrayal in close relationships". **The main conclusions.** The "Scale of Social Exclusion" method is a reliable and valid questionnaire and it can be used for both research and applied purposes.

Keywords: social exclusion; exclusion; ostracism; "target"; actor; scale; consistent reliability; test-retest reliability; construct validity

References

- Belgasm, H., Alzubi, A., Iyiola, K., & Khadem, A. (2025). Interpersonal Conflict and Employee Behavior in the Public Sector: Investigating the Role of Workplace Ostracism and Supervisors' Active Empathic Listening. *Behavioral Sciences, 15*(2), 194. doi: 10.3390/bs15020194
- Bernstein, M. J., Neubauer, A. B., Benfield, J. A., Potter, L., & Smyth, J. M. (2021). Within-person effects of inclusion and exclusion on well-being in daily life. *Personal Relationships, 28*(4), 940–960. doi: 10.1111/pere.12399
- Boykina, E. E. (2022). Sovremennye liki sotsial'nogo ostrakizma: gosting, orbiting, fabbing, kul'tura otmeny [Modern faces of social ostracism: ghosting, orbiting, phubbing, cancel culture]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya, 11*(2), 131–140. doi: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110212>
- Boykina, E. E., & Chirkina, R. V. (2020). Sotsial'nyy ostrakizm: sovremennoe sostoyanie problemy, metodologiya i metody issledovaniya [Social ostracism: current state of the problem, methodology and research methods]. *Psikhologiya i pravo, 10*(1), 152–164. doi: 10.17759/psylaw.2020100114
- Boykina, E. E., Chirkina, R. V., Radchikov, A. S., Morozikova, I. V., Pyatykh, G. A., & Anisimova, E. V. (2023). "Shkala sub"ektivnogo ostrakizma" (Shkala sub"ektivnogo ostrakizma (podrostki, molodezh'), ShSO-PM ["Subjective Ostracism Scale" (Subjective Ostracism Scale (adolescents, youth), SOS-AY)]. *Psikhologiya i pravo, 13*(4), 132–149. doi: 10.17759/psylaw.2023130410
- Bushina, E. V., & Muminova, A. M. (2021). Adaptatsiya russkoyazychnoy versii oprosnika Ol'vusa "Roli zhertvy i agressora v situatsii shkol'nogo bullinga" [Adaptation of the Russian version of the Olweus questionnaire "Roles of victim and aggressor in school bullying"]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo, 12*(2), 197–216. doi: 10.17759/sps.2021120212
- Büttner, C. M., Gloster, A. T., & Greifeneder, R. (2021). Your phone ruins our lunch: Attitudes, norms, and valuing the interaction predict phone use and phubbing in dyadic social interactions. *Mobile Media & Communication, 10*(3), 387–405. doi: 10.1177/20501579211059914
- Büttner, C. M., Ren, D., Stavrova, O., Rudert, S. C., Williams, K. D., & Greifeneder, R. (2024, August). Ostracism in everyday life: A framework of threat and behavioral responses in real life. *Journal of Personality and Social Psychology*. doi: 10.1037/pspi0000471
- Büttner, C., & Lutz, S. (2025). Coping with online versus offline exclusion: Ostracism context affects individuals' coping intentions. *Computers in Human Behavior Reports, 18*(2), 100674. doi: 10.1016/j.chbr.2025.100674

- Chaimowitz, G. A., Mamak, M., & Olanju, E. T. (2020). Shkala epizodov agressii (AIS) – pokazatel' agressii, kotoryy pozvolyaet upravlyat' riskom nasiliya [Aggression Incident Scale (AIS) – an aggression indicator that allows violence risk management]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*, 6, 36–44. doi: 10.24411/1560-957X-2020-10605
- Cuesta, J., Lo'pez-Noval, B., & Ni'no-Zarazu'a, M. (2024). Social exclusion concepts, measurement, and a global estimate. *PLoS ONE*, 19(2), e0298085. doi: 10.1371/journal.pone.0298085
- Darke, L., Paterson, H., & van Golde, C. (2025, January). Illuminating Gaslighting: A Comprehensive Interdisciplinary Review of Gaslighting Literature. *Journal of Family Violence*. doi: 10.1007/s10896-025-00805-4
- Doolaard, F.T., Lelieveld, G.-J., Noordewier, M.K., van Beest, I., & van Dijk, E. (2020). Get out or stay out: How the social exclusion process affects actors, but not targets. *Journal of Experimental Social Psychology*, 88, 1–11. doi: 10.1016/j.jesp.2019.103946
- Emelyanova, O. V. (2020). Kategorizatsiya i samokategorizatsiya v kontekste sotsial'noy eksklyuzii [Categorization and self-categorization in the context of social exclusion]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2(41), 209–212.
- Enikolopov, S. N., & Tsubulskiy, N. P. (2007). Psikhometricheskii analiz russkoyazychnoy versii Oprosnika diagnostiki agressii A. Bassa i M. Perri [Psychometric analysis of the Russian version of the Aggression Questionnaire by A. Buss and M. Perry]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1, 115–124.
- Eremeev, S. G. (2022). Kharassment: sovremennyy vzglyad na problemu [Harassment: a modern view of the problem]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, 1(58), 28–35. doi: 10.33463/2072-8336.2022.1(58).028-035
- Evans, D. (2025). Institutionalized Ostracism. *Michigan Journal of Race and Law*, 29(2), 155–216.
- Feinstein, A., Storm, H., Mead, J., & Sharkey, A. (2025, July). An examination of psychological distress and moral injury in journalists exposed to online harassment. *European Journal of Psychotraumatology*, 16(1). doi: 10.1080/20008066.2025.2522501
- Freedman, G., & Powell, D. N. (2024). Ghosting: A Common but Unpopular Rejection Strategy. *Social and Personality Psychology Compass*, 18(12), e70026. doi: 10.1111/spc3.70026
- Furmanov, I. A., & Gulis, I. V. (2012). Agressiya v sluzhebnykh otnosheniyakh: adaptatsiya metodiki "Shkala agressii v sluzhebnykh otnosheniyakh" [Aggression in work relationships: adaptation of the "Workplace Aggression Scale"]. *Psikhologicheskii zhurnal (Minsk)*, 3–4, 101–108.
- Gudkova, S. (2020). Analiticheskii obzor realizatsii kontsepta "aggressor" v anglozyazychnom politicheskom diskurse [Analytical review of the implementation of the concept "aggressor" in English political discourse]. *Nauchnyy vektor Balkan*, 4(10), 34–37. doi: 10.34671/SCH.SVB.2020.0404.0006
- Khanam, S., & Singh, R. (2025). Role of Parental Acceptance-Rejection in Juvenile Delinquent Behaviours. *International Journal of Innovative Science and Research Technology*, 10(3), 2744–2749. doi: 10.38124/ijisrt/25mar1983
- Klein, P. (1994). *Spravochnoe rukovodstvo po konstruirovaniyu testov: vvedenie v psikhometricheskoe proektirovanie* [A handbook of test construction: introduction to psychometric design]. Kiev: PAN Ltd.
- Mohammad, S. S., & Nazir, N. A. (2023, September). Practical implications of workplace ostracism: a systematic literature review. *Business Analyst Journal*, 44(1). doi: 10.1108/BAJ-12-2022-0036
- Moisoglou, I., Katsiroumpa, A., Konstantakopoulou, O., Papathanasiou, I. V., Katsapi, A., Prasini, I. ... Galanis, P. (2025). Workplace Gaslighting Is Associated with Nurses' Job Burnout and Turnover Intention in Greece. *Healthcare*, 13(13), 1574. doi: 10.3390/healthcare13131574

- Nasledov, A. D. (2013). *IBM SPSS Statistics 20 i AMOS: professional'nyy statisticheskiy analiz dannykh* [IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: professional statistical data analysis]. St. Petersburg: Piter.
- Nesterova, A. A., & Feklisova, A. A. (2024). Fabbbing: stremlenie k poverkhnostnym kontaktam s drugimi i izbeganie glubinnnykh kontaktov s soboy [Phubbing: striving for superficial contacts with others and avoiding deep contacts with oneself]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 15(2), 82–99. doi: 10.17759/sps.2024150206
- Nureddin, M. (2025, February). Mobbing and Psychological Violence, A Conceptual Framework. *Journal of Waste Management & Recycling Technology*, 3(1). doi: 10.47363/JWMRT/2025(3)141
- Petrov, V. E. (2023). Mnogoparametricheskaya psikhologicheskaya diagnostika sklonnosti k gazlaytingu v mezhlichnostnykh otnosheniyakh [Multiparametric psychological diagnostics of the tendency to gaslighting in interpersonal relationships]. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika*, 8(2), 182–193. doi: 10.12737/2500-0543-2023-8-2-182-193
- Schuster, B. (1996). Rejection, Exclusion, and Harassment at Work and in Schools. *European Psychologist*, 1(4), 293–317. doi:10.1027/1016-9040.1.4.293
- Semenova, G. V., Vasilchenko, A. S., Vekilova, S. A., Nikolaeva, E. V., & Guseva, Yu. E. (2022). Predstavleniya ob ignorirovanii kak forme sotsial'noy eksklyuzii [Perceptions of ignoring as a form of social exclusion]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii*, 4(1), 53–65. doi: <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-1-53-65>
- Semenova, G. V., Vekilova, S. A., & Rudykhina, O. V. (2022). Perekhivanie sotsial'nogo isklyucheniya: razrabotka i aprobatsiya oprosnika [Experiencing social exclusion: development and validation of a questionnaire]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 13(3), 97–115. doi: 10.17759/sps.2022130307
- Slegers, W.A., Proulx, T., & van Beest, I. (2017). The social pain of Cyberball: Decreased pupillary reactivity to exclusion cues. *Journal of Experimental Social Psychology*, 69, 187–200. doi: 10.1016/j.jesp.2016.08.004
- Volovikova, V. V. (2012). Kognitivnye determinanty agressii: adaptatsiya metodiki “Oprosnik smeshchennoy agressii” [Cognitive determinants of aggression: adaptation of the “Displaced Aggression Questionnaire”]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*, 3–4, 84–87.
- Williams, K.D. (2009). Ostracism: a temporal need-threat model. *Advances in Experimental Social Psychology*, 41, 275–314.
- Zhang, P., Zhu, M., Hu, J., & Gao X. (2023). Close and distant relationships exclusion: A study of individual coping tendencies towards excluder and non-excluder. *Current Psychology*, 42, 32284–32298. doi: 10.1007/s12144-022-04203-7

Received 09.08.2025; Accepted 15.10.2025

Galina V. Semenova – Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia. Cand. Sc. (Psychol.), Associate Professor.

E-mail: semenovagv@ Herzen.spb.ru

Sevil A. Vekilova – Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia. Cand. Sc. (Psychol.), Associate Professor.

E-mail: vekilova@mail.ru

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.922.6

КОНТРОЛЬ ПОВЕДЕНИЯ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С СУБЪЕКТИВНЫМ БЛАГОПОЛУЧИЕМ И КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ ПОЗДНЕГО ОНТОГЕНЕЗА, ПОСТОЯННО ПРОЖИВАЮЩИХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ¹

Н.С. Павлова¹

¹ *Институт психологии Российской академии наук, Россия, 129366, Москва, ул. Ярославская, 13, корп. 1*

Резюме

В процессе старения происходят существенные изменения, затрагивающие все сферы жизни человека. Возникает важный вопрос: как человек реализовывает свои цели и задачи в связи с личностными и соматическими изменениями, а также в связи с меняющимися условиями жизни, в том числе в социуме. С позиций системно-субъектного подхода (Е.А. Сергиенко) механизмом, осуществляющим психологическую регуляцию поведения, является контроль поведения, включающий три подсистемы регуляции: эмоциональную, когнитивную и волевую.

Цель исследования: изучение особенностей контроля поведения во взаимосвязи с самооценкой здоровья и субъективным благополучием личности в позднем онтогенезе. Общая выборка людей, постоянно проживающих в учреждениях социального обслуживания (N = 155), анализируется в подгруппах в зависимости от пола, возраста (49–64 года; 65–74 года; 75–93 года) и объективного состояния здоровья (группа инвалидности или ее отсутствие). Методики: «Контроль поведения» Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленской, И.И. Ветровой, SF-36 Health status survey, Шкала удовлетворенности жизнью E. Diener, Шкала субъективного счастья S. Lyubomirsky.

Показано, что у людей, постоянно проживающих в учреждениях социального обслуживания, регуляция поведения осуществляется в первую очередь с опорой на ресурсы эмоциональной и волевой сферы, в то время как интеллектуальные и когнитивные способности остаются слабой составляющей контроля поведения. Контроль поведения взаимосвязан с субъективным благополучием (с когнитивным и эмоциональным компонентом), а также с психологическим компонентом здоровья и его составляющими,

¹ Исследование выполнено в соответствии с Государственным заданием Минобрнауки РФ № 0138-2025-0009 «Системное развитие субъекта в нормальных, субэкстремальных и экстремальных условиях жизнедеятельности».

прежде всего с жизнеспособностью и психологическим здоровьем, в то время как с физическим компонентом обнаружены лишь единичные связи. Отдельные составляющие контроля поведения коррелируют с отдельными параметрами физического компонента здоровья. Прежде всего, общий, когнитивный и эмоциональный контроль поведения взаимосвязан с общим здоровьем. Соотношение составляющих контроля поведения изменяется с возрастом, обеспечивая регуляцию жизнедеятельности: волевая регуляция усиливается по мере старения, в то время как общий контроль поведения и другие его компоненты не имеют статистически значимых корреляций с возрастом. В старческом возрасте организму и психике требуется большая интеграция ресурсов для осуществления регуляции поведения, прежде всего с опорой на волевые процессы. Не получено статистически значимых различий в уровне развития контроля поведения и его компонентов у мужчин и женщин, но обнаружена специфика его взаимосвязей с субъективными оценками здоровья. Также показано своеобразие регуляции поведения в зависимости от степени нарушения здоровья, компенсирующее дефициты физических возможностей.

Ключевые слова: благополучное старение; качество жизни; физическое здоровье; психологическое здоровье; самооценка здоровья; субъективное благополучие; контроль поведения; пожилой возраст; старческий возраст; поздний онтогенез

Введение

Актуальность исследования людей позднего онтогенеза обусловлена глобальной проблемой демографического старения населения. Поэтому повышение продолжительности, уровня и качества жизни людей старшего поколения является важной задачей как научного сообщества, так и государственной политики.

В позднем возрасте отмечаются существенные изменения, затрагивающие все сферы жизни человека. Происходят изменение отношения, переоценка и переосмысление своего образа (как на уровне внешности, так и на уровне личности), семейного положения и социального статуса, физических возможностей, ментальных ресурсов и здоровья. В этой связи учеными выделяются различные аспекты старения: биологическое, социальное, психологическое (Краснова, Лидерс, 2002; Ананьев, 2018; Birren, Warner, Abeles, Gatz, Salthouse, 2006). Под биологическим старением понимаются процессы, связанные с изменениями физического тела человека; социальное старение связано с изменениями социального статуса, ролей; психологическое старение определяется отношением к своему старению и реализацией жизнедеятельности и связано с выборами, решениями и реализацией стратегий адаптации и совладания. Здесь возникает важный вопрос: как человек реализовывает свои цели и задачи в связи с личностными и соматическими изменениями, а также в связи с меняющимися условиями жизни, в том числе в социуме. В терминах системно-субъектного подхода (Сергиенко, 2021) это вопрос о согласовании функций субъекта и личности в период позднего онтогенеза. Личность – это ядерное, содержательное образование (порождение смыслов, ценностей, направленность), в то время как субъект – индивидуальная возможность выборов, целей, реализации задач с учетом как ситуаций и событий, так и индивидуальной направленности

и смыслов взаимодействий. Показателями высокой согласованности личности и субъекта являются спонтанность и самопроизвольность поведения, которые означают, что осуществлен переход от осознанной регуляции к такому состоянию, когда поведение реализуется в оптимальные сроки адекватно целям и ситуации с учетом личностных особенностей. На наш взгляд, согласованность континуума субъект–личность может также отражаться в субъективном благополучии и самооценке здоровья (Сергиенко, 2021).

Согласованность субъекта и личности осуществляется посредством контроля поведения (КП), понимаемого как «психологический уровень регуляции поведения, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей» (Сергиенко, Виленская, Ковалёва, 2010, с. 76). Это единая система, которая включает три подсистемы регуляции: эмоциональную регуляцию (КП (э)), когнитивный контроль (КП (к)) и волевой контроль (КП (в)). Данные подсистемы базируются на индивидуальных ресурсах (способностях) и интегрируются субъектом, образуя индивидуальный паттерн саморегуляции (Сергиенко, Виленская, Ковалёва, 2010; Сергиенко, Виленская, 2018). Ресурсную основу контроля поведения составляют эмоциональные, когнитивные и волевые способности человека, а также жизнеспособность как интегративная психологическая характеристика, «индивидуальная способность управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами, в контексте социальных, культурных норм и средовых условий» (Махнач, 2016, с. 77).

Контроль поведения, являясь регуляторной функцией субъекта, в свою очередь, встроен в систему субъектно-личностной регуляции поведения. Разработке и верификации конструкта контроля поведения в разные периоды онтогенеза посвящены отдельные серии исследований, выполненные сотрудниками и аспирантами лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии РАН. Особенности контроля поведения в позднем возрасте не изучены.

В отечественной науке разрабатываются и другие подходы к регуляции и саморегуляции состояний и деятельности. Наиболее близкие концепции в русле авторских подходов разрабатываются Т.В. Корниловой (2016) и С.Д. Смирновым (2016). Также можно выделить и другие концепции: осознанной психической саморегуляции О.А. Конопкина (2011), В.И. Моросановой (2021); психической саморегуляции функционального состояния человека Л.Г. Дикой (2003); психических состояний О.А. Прохорова (2005); волевой регуляции В.А. Иванникова (2006). Однако, в отличие от контроля поведения, они касаются изучения лишь отдельных аспектов системы регуляции: когнитивных, волевых или эмоциональных. При этом исследования сосредоточены в основном на этапе взрослости, отдельных профессиональных группах, клинической психологии и др. Исследований с участием людей позднего возраста крайне мало (Болучевская, Золотарева, Бражникова, 2017; Лоскутова, 2018; Лаврова, Харитоновна, 2023; Борисов Сергеева, Глуханюк, 2024).

В зарубежной психологии точного аналога конструкта «контроль поведения» нет, но существуют теории и исследования регуляции поведения (см., напр: Pulkkinen, 1992; Larsen, Prizmic, 2004; Gross, 2014; Wrosch, Scheier, 2020 и др.), в том числе и в позднем возрасте. Н. Zacher и соавт. (2016) разрабатывают метатеорию регуляции действий на протяжении всей жизни. Основные ее положения касаются последовательной и иерархической структуры действий, завершенных задач и действий, основных направлений регуляции действий и ментальной модели регулирования действий. Развитие в данном подходе понимается как процесс, протекающий на протяжении всей жизни, характеризующийся мультинаправленностью, одновременным присутствием приобретений и потерь, имеющий внутрииндивидуальную пластичность, историческую укорененность и контекстуализм. Анализируется регуляция действий работников с точки зрения развития на протяжении всей жизни (т.е. влияние старения на регуляцию действий), а также старение и развитие в контексте работы с точки зрения теории регуляции действий (т.е. влияние регуляции действий на возрастные изменения личности и сферы познания).

М. Непеске и соавт. (2021) исходят из того, что успешное переработывание, реагирование и принятие мер в связи с вызовами старения чрезвычайно важны для здоровья людей, в основе которого лежит возможность жить в соответствии со своими ценностями. Сам человек может играть активную роль в определении того, сможет ли он, реагируя на возрастные факторы, продолжать делать то, что ценит. Это осуществляется за счет процессов саморегуляции постановки целей (включая повторную постановку новых целей после достижения предыдущих), стремления к достижению цели и отказа от нее. Анализируется роль этих процессов саморегуляции в трех областях: работа / выход на пенсию, межличностные отношения и здоровье. В этих областях исследуются типичные проблемы и возможности: увеличение свободного времени в настоящем; долгое прошлое, оставшееся позади у пожилых людей; ограниченная перспектива будущего.

T.D. Windsor и B. Wilton-Harding (2024) на выборке людей от 60 лет (N = 408) изучали связь взгляда на старение, саморегуляцию и благополучие. Показано, что позитивный взгляд на старение сопряжен с более высоким уровнем достижения поставленных целей и большей жизнеспособностью. Также с помощью трехкратного среза в течение года изучались взаимосвязи позитивного восприятия старения на начальном этапе с повышением эффективности достижения поставленных целей и жизнеспособности в дальнейшем. Однако данная гипотеза не подтвердилась. Авторы полагают, что увеличение периода лонгитюда, а также включение дополнительных переменных помогут изучению механизмов взаимосвязей восприятия старения, саморегуляции и благополучия.

W. Zhang и соавт. (2020) на примере людей старше 50 лет (N = 140), проживающих совместно, страдающих артритом и сопутствующими заболеваниями, исследуют саморегуляцию как предиктор следующих переменных: самооффективность, качество жизни и обращение за медицинской

помощью. Саморегуляция состоит из трех основных стратегий: выбора, оптимизации и компенсации. Показано, что физические симптомы, стратегии саморегуляции, особенно оптимизация, а также достаточный доход в значительной степени предсказывали самоэффективность при артрите. Вместе с тем самоэффективность, ментальные и физические симптомы являются предикторами качества жизни. Таким образом, данная работа раскрывает роль саморегуляции в формировании самоэффективности при артрите для лучшего самоконтроля и качества жизни у людей с артритом и множественными хроническими заболеваниями.

Резюмируя, стоит подчеркнуть важность изучения психической регуляции в позднем возрасте как основы организации поведения и жизнедеятельности. Вместе с тем наблюдается дефицит исследований в области психической регуляции в позднем онтогенезе.

Цель исследования: изучение контроля поведения во взаимосвязи с самооценкой здоровья и субъективным благополучием личности в позднем онтогенезе. Гипотезы:

1. Контроль поведения сопряжен с показателями психологического благополучия и субъективной оценки качества жизни.

2. Уровень развития контроля поведения снижается по мере старения и будет иметь значимые различия в группах людей разного возраста (55–64, 65–74, 75–90 лет).

3. Контроль поведения мужчин и женщин отличается различным уровнем развития его компонентов: когнитивного, эмоционального, волевого.

4. Уровень развития контроля поведения людей с I группой инвалидности будет выше по сравнению с людьми со II и III группами инвалидности, а также по сравнению с людьми без инвалидности.

Методы

Психодиагностические методики:

1. Опросник «Контроль поведения» Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленской, И.И. Ветровой для оценки когнитивного, эмоционального и волевого компонентов контроля поведения (Сергиенко, Виленская, Ветрова, 2023).

2. Опросник SF-36 Health status survey (русскоязычная версия, созданная и рекомендованная Межнациональным центром исследования качества жизни) для оценки физического (физическое функционирование, ролевое функционирование, боль, общее здоровье) и психологического (жизнеспособность, социальное функционирование, эмоциональное функционирование, психологическое здоровье) компонентов здоровья (Новик, Ионова, 2007; Гуревич, Фабрикант, 2008).

3. Опросник «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина для диагностики когнитивного компонента субъективного благополучия (Осин, Леонтьев, 2020).

4. Опросник «Шкала субъективного счастья» С. Любомирски в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина для диагностики эмоционального компонента субъективного благополучия (Осин, Леонтьев, 2020).

5. Анкета для изучения половозрастных, социально-демографических характеристик, а также особенностей образа жизни респондентов.

Методы математической статистики: для проверки первой гипотезы – коэффициент ранговой корреляции Спирмана (r_s); для проверки второй, третьей и четвертой гипотез – U-критерий Манна–Уитни, t-критерий Стьюдента; для проверки формы распределения – критерий Колмогорова–Смирнова.

Анализ данных проводился с помощью пакета программ SPSS/Win.

Исследование проведено посредством индивидуального тестирования людей 49–93 лет, постоянно проживающих (не менее 1 года) в Областном государственном автономном учреждении социального обслуживания «Геронтологический центр “Забота” в г. Ульяновске», а также в Областном государственном бюджетном учреждении социального обслуживания «Пансионат для граждан пожилого возраста “Серебряный рассвет” в р.п. Языково» (Ульяновская область). Средний возраст всех респондентов составил $71,5 \pm 10,5$ лет.

Результаты и обсуждение

В позднем онтогенезе у людей, постоянно проживающих в учреждениях социальной защиты населения, получены следующие значения контроля поведения (распределение значений соответствует нормальному по тесту Колмогорова–Смирнова): общий контроль поведения (КП (общ.)) – $M = 88,4 \pm 15,8$; КП (к) – $M = 28,4 \pm 5,1$; КП (э) – $M = 30,0 \pm 5,1$; КП (в) – $M = 31,1 \pm 5,1$. При этом можно отметить неравномерное развитие его компонентов: КП (к) ниже по сравнению с КП (э) ($t = -2,681$; $p < 0,01$) и КП (в) ($t = -4,526$; $p < 0,01$). Таким образом, у людей позднего возраста регуляция поведения осуществляется в первую очередь с опорой на ресурсы эмоциональной и волевой сферы, в то время как интеллектуальные и когнитивные способности выражены слабее.

На общей выборке показано (табл. 1), что психическая регуляция взаимосвязана с субъективным благополучием (с когнитивным и эмоциональным компонентом), а также с психологическим компонентом здоровья (МН) и его составляющими, прежде всего с жизнеспособностью (VT) и психологическим здоровьем (МН), в то время как с физическим компонентом связей нет. Лишь отдельные составляющие контроля поведения коррелируют с отдельными параметрами физического компонента здоровья: общий, когнитивный и эмоциональный контроль поведения взаимосвязаны с общим здоровьем (GH); общий и эмоциональный контроль поведения – с болью (BP); эмоциональный контроль поведения – с ролевым (физическим) функционированием (RP); общий контроль поведения – с физическим функционированием (PF). Волевой контроль не имеет статистически значимых корреляций.

ляций с физическим компонентом здоровья и его составляющими. Таким образом, в позднем онтогенезе регуляция поведения, выражающаяся в соотношении внутренних ресурсов и особенностей индивидуальности с внешними целями и последующей реализации в поведении, положительно связана с ощущением себя наполненным энергией, положительными эмоциями, чувством счастья и удовлетворенностью жизнью.

Таблица 1

Значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s) между контролем поведения, показателями качества жизни, шкалами субъективного благополучия и возрастом

Показатели качества жизни и субъективного счастья, возраст	Общая выборка (N = 155)			
	КП (общ)	КП (к)	КП (э)	КП (в)
Физическое функционирование (PF)	0,165*	0,150	0,104	0,159
Рольевое (физическое) функционирование (RP)	0,080	0,061	0,172*	-0,056
Боль (BP)	0,175*	0,128	0,226**	0,011
Общее здоровье (GH)	0,249**	0,238**	0,251**	0,121
Жизнеспособность (VT)	0,430**	0,343**	0,376**	0,334**
Социальное функционирование (SF)	0,204*	0,191*	0,217**	0,045
Эмоциональное функционирование (RE)	0,220**	0,154*	0,327**	0,015
Психологическое здоровье (MH)	0,443**	0,366**	0,448**	0,309**
Физический компонент здоровья (PH)	0,118	0,129	0,124	0,028
Психологический компонент здоровья (MH)	0,410**	0,332**	0,445**	0,214*
Шкала удовлетворенности жизнью	0,299**	0,285**	0,180*	0,284**
Шкала субъективного счастья	0,398**	0,326**	0,417**	0,280**
Возраст	0,061	0,072	-0,141	0,258**

Примечание. * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$

В исследовании Д.Н. Ефремовой также показана связь регуляции эмоций и субъективного счастья в пожилом возрасте: «Уровень субъективного переживания счастья определяется сформированностью способности понимать смысл переживаемых своих эмоций и эмоций других людей, способностью когнитивной регуляции переживаемых эмоций и экзистенциальной исполненности» (Ефремова, 2021, с. 32). М.В. Ермолаева тоже отмечает, что устойчивость позитивных эмоциональных переживаний обеспечивается чувством подконтрольности жизни самому себе, «присутствием в жизни», что в свою очередь, взаимосвязано с соответствием интересов пожилых людей и интересов общества (Ермолаева, 2004).

М.А. Лавровой и М.П. Харитоновой проведено исследование взаимосвязи качества жизни, связанного со здоровьем, и саморегуляции поведения (N = 46, 44 женщины, средний возраст 80 ± 7 лет) с использованием методик SF-36 и «Стиль саморегуляции – ССП-98» (Моросанова, Коноз, 2000). Установлено, что показатели качества жизни связаны только с регуляторно-личностным свойством – гибкостью, при этом не получено статистически значимых корреляционных связей с другим регуляторно-личностным свойством – самостоятельностью, а также с регуляторными процессами. «Гибкость» коррелирует с психологическим компонентом

здоровья (МН), а также с такими его компонентами, как социальное функционирование (SF) и психологическое здоровье (МН) (Лаврова, Харитонов, 2023).

По нашему мнению, понятие саморегуляции, прежде всего регуляторных процессов (планирование, моделирование, программирование и оценка результатов), в подходе В.И. Морсановой может быть соотнесено с когнитивным компонентом контроля поведения. В нашей работе когнитивный контроль поведения взаимосвязан с психологическим компонентом качества жизни (МН) и всеми его составляющими, а также с общим здоровьем (ГН). Однако однозначно сопоставить наши результаты с данными коллег не представляется возможным ввиду различий методик и выборки.

Другое исследование (Борисов Сергеева, Глуханюк, 2024), направленное на изучение предикторов субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью ($N = 528$, 387 женщин, 152 мужчины, средний возраст $58,3 \pm 17,6$ лет), показало, что саморегуляция – лишь предиктор удовлетворенности жизнью, но не субъективного благополучия. «Общий уровень саморегуляции является предиктором удовлетворенности состоянием здоровья и позволяет справляться с негативными эмоциями. Оценивание результатов позволяет быть более удовлетворенным своими достижениями. Моделирование позволяет оценивать ситуацию, а также определяют внутренние и внешние условия достижения как текущей ситуации, так и будущих последствий, что способствует лучшему самоконтролю (Борисов Сергеева, Глуханюк, 2024, с. 602). В работе применялись «Методика диагностики субъективного благополучия личности» Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой, шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера, Оксфордский опросник счастья.

Таким образом, наше исследование и работы коллег с использованием различных методик и с участием разных выборок людей подтверждают взаимосвязь регуляции поведения и субъективного благополучия, а также качества жизни, связанного со здоровьем.

Возрастные особенности контроля поведения

Получены данные о том, что волевая регуляция усиливается по мере старения, в то время как общий контроль поведения и другие его компоненты не имеют статистически значимых корреляций с возрастом (см. табл. 1). Эти результаты также подтверждаются различиями в уровне развития контроля поведения в разных возрастных группах: волевой контроль поведения выше в группе 75–93 лет ($M = 32,2 \pm 5,2$) по сравнению с группой 53–64 лет ($M = 29,5 \pm 4,7$), $T = -2,725$, $p = 0,008$. Таким образом, ввиду возрастных изменений, затрагивающих различные сферы жизнедеятельности человека, для осуществления задуманных целей и задач с возрастом требуется все больше волевых усилий.

В уже упомянутом выше исследовании М.А. Лавровой и М.П. Харитоновой (2023) не получено статистически значимых результатов во взаимосвязи возраста и уровня саморегуляции, что согласуется и с нашими данными и, по всей видимости, говорит о стабильности уровня развития когнитивного контроля поведения в период позднего онтогенеза.

Интересно также отметить, что взаимосвязи удовлетворенности жизнью и контроля поведения (общий, когнитивный и волевой) наблюдаются только в самой старшей возрастной группе ($r_s = 0,437$, $p = 0,000$; $r_s = 0,413$, $p = 0,000$ и $r_s = 0,429$, $p = 0,000$ соответственно), в то время как корреляции с уровнем субъективного счастья отмечаются во всех возрастных группах (табл. 2). Таким образом, в старческом возрасте регуляция поведения взаимосвязана с субъективным благополучием, в том числе и с когнитивной его оценкой. В пожилом возрасте контроль поведения сопряжен лишь с эмоциональной составляющей субъективного благополучия.

В целом можно сделать вывод, что в старческом возрасте организму и психике требуется большая интеграция ресурсов для осуществления регуляции поведения, прежде всего с опорой на волевые процессы. Контроль поведения в этом возрастном периоде взаимосвязан как с самооценкой здоровья, так и с эмоциональным и когнитивным компонентами субъективного благополучия.

Половые особенности контроля поведения

Наше исследование не показало половых различий в уровне развития контроля поведения и его компонентов людей позднего возраста, постоянно проживающих в учреждениях социального обслуживания. Основное отличие касается взаимосвязей (см. табл. 2): у женщин контроль поведения коррелирует с физическим функционированием (PF), у мужчин – с общим здоровьем (GH) и социальным (SF) и эмоциональным (RE) функционированием. Таким образом, для мужчин, в отличие от женщин, регуляция поведения связана с самооценкой общего состояния здоровья и тем, насколько они испытывают ограничения в повседневной деятельности в связи с эмоциональным состоянием, а также в социальной активности и контактах. У женщин не оценка здоровья, а то, насколько физическое состояние ограничивает выполнение каждодневных дел, взаимосвязано с развитием контроля поведения. Чем лучше развит контроль поведения, тем выше самооценка здоровья.

У мужчин контроль поведения взаимосвязан только с эмоциональным компонентом субъективного благополучия, в то время как у женщин и с когнитивным, и с эмоциональным (табл. 3).

Особенности контроля поведения людей с разным состоянием здоровья

Отдельного внимания заслуживает анализ особенностей контроля поведения людей с различным состоянием соматического здоровья. Установлено, что эмоциональный контроль поведения выше у людей с I группой инвалидности ($M = 31,3 \pm 4,3$) по сравнению с людьми без инвалидности ($M = 28,2 \pm 6,0$), $T = -2,122$; $p = 0,039$. Возможным объяснением может стать то, что люди с первой группой инвалидности вынуждены чаще контактировать с другими людьми для осуществления ухода за собой, передвижения, решения бытовых задач и реализации личных целей, что связано с более развитой эмоциональной регуляцией. И именно она является единственным компонентом контроля поведения, взаимосвязанным с самооценкой

Таблица 2

Значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s) между показателями качества жизни, субъективного благополучия в группах людей разного возраста

Показатели качества жизни и субъективного благополучия	53–64 года (N = 44)				65–74 года (n = 49)				75–93 года (n = 62)			
	КП (общ)	КП (к)	КП (э)	КП (в)	КП (общ)	КП (к)	КП (э)	КП (в)	КП (общ)	КП (к)	КП (э)	КП (в)
Физическое функционирование (PF)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Роль (физическое) функционирование (RP)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Боль (BP)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,266*	–
Общее здоровье (GH)	0,384*	0,374*	0,335*	–	0,340*	–	0,359*	0,297*	–	0,281*	–	–
Жизнеспособность (VT)	0,481**	0,473**	–	0,435**	0,636**	0,528**	0,516**	0,611**	0,319*	–	0,344**	0,289*
Социальное функционирование (SF)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,274*	–
Эмоциональное функционирование (RE)	–	–	0,315*	–	–	–	–	–	0,264*	–	0,403**	–
Психологическое здоровье (MH)	0,391**	0,413**	0,336*	–	0,607**	0,439**	0,584**	0,578**	0,382**	0,344**	0,396**	0,313*
Физический компонент здоровья (PH)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Психологический компонент здоровья (MH)	0,420**	0,450**	0,376*	–	0,456**	0,424**	0,420**	0,331*	0,412**	0,282*	0,446**	0,328*
ШУЖ	–	–	–	–	–	–	–	–	0,437**	0,413**	–	0,429**
ШСС	0,441**	0,361*	0,508**	–	0,392**	0,311*	0,337*	0,333*	0,384**	0,362**	0,361**	0,399**

Примечание. * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; ШУЖ – Шкала удовлетворенности жизнью; ШСС – Шкала субъективного счастья

Таблица 3

Значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s) между контролем поведения, показателями качества жизни, субъективного благополучия и возраста в группах мужчин и женщин

Показатели качества жизни и субъективного благополучия, возраст	Мужчины (n = 63)				Женщины (n = 84)			
	КП (общ)	КП (к)	КП (э)	КП (в)	КП (общ)	КП (к)	КП (э)	КП (в)
Физическое функционирование (PF)	–	–	–	–	–	0,241*	–	–
Ролевое (физическое) функционирование (RP)	–	–	–	–	–	–	–	–
Боль (BP)	–	–	–	–	–	–	–	–
Общее здоровье (GH)	0,329*	0,274*	0,311*	–	–	–	–	–
Жизнеспособность (VT)	0,552**	0,455**	0,410**	0,469**	0,385**	0,308**	0,367**	0,277*
Социальное функционирование (SF)	0,328*	–	0,260*	–	–	–	–	–
Эмоциональное функционирование (RE)	0,333**	–	0,359**	–	–	–	0,320**	–
Психологическое здоровье (MH)	0,562**	0,488**	0,521**	0,408**	0,388**	0,328**	0,371**	0,279*
Физический компонент здоровья (PH)	–	–	–	–	–	–	–	–
Психологический компонент здоровья (MH)	0,623**	0,517**	0,529**	0,411**	0,293**	0,270*	0,408**	–
ШУЖ	–	–	–	–	0,315**	0,335**	–	0,281*
ШСС	0,343**	0,296*	0,439**	–	0,449**	0,374**	0,420**	0,318**
Возраст	–	–	–	0,313*	–	–	–	0,245*

Примечание. * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; ШУЖ – Шкала удовлетворенности жизнью; ШСС – Шкала субъективного счастья

здоровья: общее здоровье (GH), жизнеспособность (VT) и психологический компонент здоровья (MH) (табл. 4). Таким образом, у людей с тяжелыми соматическими заболеваниями оценка своего состояния здоровья и его перспектив, а также ощущение себя состоятельным взаимосвязаны с более развитым эмоциональным контролем поведения.

У людей со II группой инвалидности контроль поведения и его компоненты взаимосвязаны в первую очередь с психологическим компонентом здоровья (MH) и его составляющими, а также с субъективным благополучием. При этом только в этой группе наблюдается взаимосвязь всех компонентов контроля поведения как с удовлетворенностью жизнью, так и с уровнем субъективного счастья (табл. 4).

У людей с III группой инвалидности психологическая регуляция поведения сопряжена с психологическим компонентом здоровья и такими его составляющими, как положительный фон настроения и ощущение себя полным сил и энергии (табл. 5). Отличительной особенностью в этой группе является отрицательная корреляция возраста и эмоционального контроля поведения.

У людей без инвалидности отмечается наибольшее число взаимосвязей самооценки здоровья и контроля поведения. Только в этой группе присутствуют взаимосвязи физического компонента здоровья и его составляющих, при этом когнитивная регуляция коррелирует со всеми шкалами качества жизни, связанного со здоровьем (см. табл. 5). Таким образом, условное состояние здоровья определяет большую сопряженность психологической регуляции поведения и самооценки здоровья, в первую очередь за счет когнитивного компонента, т.е. «интеллектуальных и когнитивных способностей, обеспечивающих анализ и упорядочивание внешней и внутренней среды, создание ментальных моделей ситуации и событий и оперирование ими» (Сергиенко, Виленская, Ветрова. 2023, с. 184). При наличии ограничений физического здоровья, по всей видимости, наблюдаются более сложные нелинейные взаимосвязи, опосредованные другими параметрами. Это предположение является гипотетическим и требует дальнейшего изучения.

При этом у людей с более тяжелой степенью соматического заболевания (I и II группы инвалидности) контроль поведения взаимосвязан как с когнитивным, так и с эмоциональными компонентами субъективного благополучия, в то время как у остальных респондентов – только с эмоциональным компонентом (см. табл. 4, 5). Таким образом, уровень развития психологической регуляции поведения напрямую связан с субъективным благополучием людей с серьезными ограничениями здоровья, а у людей с заболеваниями меньшей тяжести и без инвалидности сопряженность отмечается только с удовлетворенностью жизнью.

Исследование людей с различным состоянием здоровья представляет собой отдельный интерес. Ранее нами были получены данные о том, что «у людей с I группой инвалидности наблюдается следующая особенность: при адекватной объективному состоянию оценке своих физических огра-

Таблица 4

Значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s) между показателями качества жизни и шкалами субъективного благополучия в группах людей с I и II группами инвалидности

Показатели качества жизни и субъективного благополучия, возраст	I группа инвалидности (n = 36)				II группа инвалидности (n = 61)			
	КП (общ)	КП (к)	КП (э)	КП (в)	КП (общ)	КП (к)	КП (э)	КП (в)
Физическое функционирование (PF)	–	–	–	–	–	–	–	–
Рольное (физическое) функционирование (RP)	–	–	–	–	–	–	–	–
Боль (BP)	–	–	–	–	–	–	–	–
Общее здоровье (GH)	–	–	0,360*	–	–	0,286*	–	–
Жизнеспособность (VT)	–	–	0,405*	–	0,425**	0,380**	0,378**	0,291*
Социальное функционирование (SF)	–	–	–	–	–	0,310*	–	–
Эмоциональное функционирование (RE)	–	–	–	–	0,261*	–	0,371**	–
Психологическое здоровье (MH)	–	–	–	–	0,451**	0,427**	0,384**	0,306*
Физический компонент здоровья (PH)	–	–	–	–	–	–	–	–
Психологический компонент здоровья (MH)	–	–	0,366*	–	0,431**	0,376**	0,468**	–
ШУЖ	–	0,355*	–	0,356*	0,414**	0,383**	0,336**	0,296*
ШСС	–	–	0,368*	–	0,523**	0,489**	0,511**	0,318*
Возраст	–	0,416*	–	0,368*	–	–	–	–

Примечание. * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; ШУЖ – Шкала удовлетворенности жизнью; ШСС – Шкала субъективного счастья

Таблица 5

Значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s) между показателями качества жизни и шкалами субъективного благополучия в группах людей без инвалидности и с III группой инвалидности

Показатели качества жизни и субъективного благополучия, возраст	III группа инвалидности (n = 38)				Нет инвалидности (n = 20)			
	КП (общ)	КП (к)	КП (э)	КП (в)	КП (общ)	КП (к)	КП (э)	КП (в)
Физическое функционирование (PF)	–	–	–	–	–	0,599**	–	–
Роль (физическое) функционирование (RP)	–	–	–	–	0,508*	0,463*	–	0,466*
Боль (BP)	–	–	–	–	–	0,488*	–	–
Общее здоровье (GH)	–	–	–	–	–	0,480*	–	–
Жизнеспособность (VT)	0,384*	–	0,347*	0,343*	0,703**	0,785**	0,456*	0,548*
Социальное функционирование (SF)	–	–	–	–	0,517*	0,684**	–	–
Эмоциональное функционирование (RE)	–	–	–	–	0,573*	0,534*	–	–
Психологическое здоровье (MH)	0,590**	0,352*	0,647**	0,453**	0,644**	0,695**	0,488*	0,449*
Физический компонент здоровья (PH)	–	–	–	–	0,462*	0,575**	–	–
Психологический компонент здоровья (MH)	0,390*	–	0,352*	–	0,586**	0,625**	–	–
ШУЖ	–	–	–	–	–	–	–	–
ШСС	0,388*	–	0,438**	–	0,508**	–	–	0,603**
Возраст	–	–	–0,369*	–	–	–	–	0,628**

Примечание. * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; ШУЖ – Шкала удовлетворенности жизнью; ШСС – Шкала субъективного счастья

ничений (т.е. более низких оценках по шкале «физическое функционирование (PF)» по сравнению с людьми без инвалидности ($U = 99,0$; $p = 0,000$) и с людьми со II ($U = 539,0$; $p = 0,001$) и III ($U = 296,0$; $p = 0,000$) группами инвалидности) они имеют более высокие показатели уровня субъективного счастья, чем люди с III группой инвалидности ($U = 353,5$; $p = 0,004$)» (Павлова, 2022, с. 95). Особенности развития контроля поведения, выявленные в данном исследовании, не объясняют данных различий. В этой связи, на наш взгляд, стоит продолжить работу в направлении изучения ценностно-смысловой сферы людей с разным состоянием соматического здоровья во взаимосвязи с психологическим благополучием и качеством жизни, связанным со здоровьем.

Выводы

У людей, постоянно проживающих в учреждениях социального обслуживания, регуляция поведения осуществляется в первую очередь с опорой на ресурсы эмоциональной и волевой сферы, в то время как интеллектуальные и когнитивные способности остаются слабой составляющей контроля поведения.

Контроль поведения взаимосвязан с субъективным благополучием (с когнитивным и эмоциональным компонентом), а также с психологическим компонентом здоровья (МН) и его составляющими, прежде всего с жизнеспособностью (VT) и психологическим здоровьем (МН), в то время как с физическим компонентом связи фактически не обнаружены. Лишь отдельные составляющие контроля подведения коррелируют с отдельными параметрами физического компонента здоровья. Прежде всего общий, когнитивный и эмоциональный контроль поведения взаимосвязан с общим здоровьем (GH).

Волевая регуляция усиливается по мере старения, в то время как общий контроль поведения и его компоненты не имеют статистически значимых корреляций с возрастом. В старческом возрасте организму и психике требуется бóльшая интеграция ресурсов для осуществления регуляции поведения, прежде всего с опорой на волевые процессы. В период 75–93 лет контроль поведения сопряжен как с самооценкой здоровья, так и с эмоциональным и когнитивным компонентами субъективного благополучия. В пожилом возрасте контроль поведения взаимосвязан только с самооценкой здоровья и с эмоциональной составляющей субъективного благополучия. Следовательно, несмотря на отсутствие различий контроля поведения с возрастом, соотношение его составляющих изменяется, обеспечивая регуляцию жизнедеятельности.

Не получено статистически значимых различий в уровне развития контроля поведения и его компонентов у мужчин и женщин. Однако контроль поведения имеет свою специфику взаимосвязей с субъективными оценками здоровья. Для мужчин, в отличие от женщин, регуляция поведения связана

с самооценкой общего состояния здоровья и тем, насколько они испытывают ограничения в повседневной деятельности в связи с эмоциональным состоянием, а также в социальной активности и контактах. У женщин не оценка здоровья, а то, насколько физическое состояние ограничивает выполнение каждодневных дел, взаимосвязано с развитием контроля поведения. Чем лучше развит контроль поведения, тем выше самооценка здоровья. У мужчин контроль поведения взаимосвязан только с эмоциональным компонентом субъективного благополучия, в то время как у женщин – и с когнитивным, и с эмоциональным. Можно предположить, что регуляция мужчин в большей степени направлена на собственное функционирование, тогда как женщин – на выполнение роли жизнеобеспечения.

Эмоциональный контроль поведения людей с I группой инвалидности выше, чем у людей без инвалидности. Физический компонент здоровья имеет взаимосвязи с контролем поведения только у людей без инвалидности. У людей с более тяжелой степенью соматического заболевания (I и II группы инвалидности) контроль поведения взаимосвязан как с когнитивным, так и с эмоциональными компонентами субъективного благополучия, в то время как у людей с III группой и без инвалидности – только с эмоциональным компонентом. Следовательно, регуляция поведения в зависимости от степени нарушения здоровья реализуется своеобразно, компенсируя дефициты физических возможностей.

Заключение

Таким образом, данное исследование позволило описать особенности контроля поведения людей позднего онтогенеза, постоянно проживающих в учреждениях социального обслуживания, установить его взаимосвязи с субъективным благополучием и с качеством жизни, связанным со здоровьем, показать половые, возрастные различия, а также различия, связанные с состоянием соматического здоровья (группа инвалидности или ее отсутствие).

Нам видится перспективным движение в дальнейшем изучении этой темы. Интерес представляет исследование других личностных и субъективных характеристик людей позднего онтогенеза для формирования более полной картины факторов субъективного благополучия и качества жизни, связанного со здоровьем, и для поиска причин, обуславливающих различия во взаимосвязях исследуемых переменных у людей с разной группой инвалидности или ее отсутствием, а также изучение групп людей с различными соматическими заболеваниями.

Основное ограничение работы касается того, что выборку составили только люди, постоянно проживающие в учреждениях социального обслуживания. В дальнейшем планируется набрать еще одну группу респондентов из числа людей, постоянно проживающих у себя дома, и провести сравнительный анализ результатов.

Литература

- Ананьев, Б. Г. (2018). *Человек как предмет познания*. СПб.: Питер.
- Болучевская, В. В., Золотарева, О. С., Бражникова, М. А. (2017). Программа тренинга эмоциональной саморегуляции для лиц пожилого возраста, проживающих в специализированных учреждениях, и результаты ее применения на практике. *International scientific review*, 4, 107–111.
- Борисов, Г. И., Сергеева, Т. Б., Глуханюк, Н. С. (2024). Предикторы субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью людей позднего возраста: прикладной аспект. *Перспективы науки и образования*, 1, 590–610. doi: 10.32744/pse.2024.1.33
- Гуревич, К. Г., Фабрикант, Е. Г. (2008). *Методические рекомендации по организации программ профилактики хронических неинфекционных заболеваний*. URL: <http://bono-esse.ru/blizzard/RPP/M/ORGZDRAV/Orgproga/p1.html> (дата обращения: 21.02.2024).
- Дикая, Л. Г. (2003). *Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельный подход)*. М.: Ин-т психологии РАН.
- Ермолаева, М. В. (2004). *Психология зрелого и позднего возрастов в вопросах и ответах: учеб. пособие*. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК.
- Ефремова, Д. Н. (2021). Переживание субъективного счастья в пожилом возрасте. *Современная терапия в психиатрии и неврологии*, 3-4, 27–34.
- Иванников, В. А. (2006). *Психологические механизмы волевой регуляции*. СПб.: Питер.
- Конопкин, О. А. (2011). *Психологические механизмы регуляции деятельности*. М.: Ленанд.
- Корнилова, Т. В. (2016). *Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска*. СПб.: Нестор-История.
- Краснова, О. В., Лидерс, А. Г. (2002). *Социальная психология старения: учеб. пособие для студентов вузов*. М.: Академия.
- Лаврова, М. А., Харитоновна, М. П. (2023). Особенности саморегуляции и качества жизни людей в старшем возрасте. *Национальный психологический журнал*, 2, 79–90. doi: 10.11621/npj.2023.0206
- Лоскутова, Э. А. (2018). Обучение навыкам саморегуляции как фактор повышения адаптационного потенциала лиц, проживающих в доме-интернате для престарелых. *Вестник Марийского государственного университета*, 12(4), 56–62. doi: 10.30914/2072-6783-2018-12-4-56-62
- Махнач, А. В. (2016). *Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма*. М.: Ин-т психологии РАН.
- Моросанова, В. И. (2021). Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности. *Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология*, 1, 3–37. doi: 10.11621/vsp.2021.01.01
- Моросанова, В. И., Коноз, Е. М. (2000). Стилевая саморегуляция поведения человека. *Вопросы психологии*, 2, 118–127.
- Новик, А. А. Ионова, Т. И. (2007). *Руководство по исследованию качества жизни в медицине* (2-е изд.). М.: ОЛМА Медиа Групп.
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2020). Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1, 117–142. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.06
- Павлова, Н. С. (2022). Исследование субъективного качества жизни и субъективного благополучия в позднем онтогенезе. *Сибирский психологический журнал*, 86, 84–102. doi: 10.17223/17267080/86/5
- Прохоров, А. О. (2005). *Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности*. М.: PerSe.

- Сергиенко, Е. А. (2021). *Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода*. М.: Ин-т психологии РАН.
- Сергиенко, Е. А., Виленская, Г. А. (2018). Контроль поведения – интегративное понятие психической регуляции. В кн.: А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко (ред.). *Разработка понятий современной психологии. Т. 1.* (с. 343–378). М.: Ин-т психологии РАН.
- Сергиенко, Е. А., Виленская, Г. А., Ветрова, И. И. (2023). Новый метод оценки психической регуляции – опросник «Контроль поведения». *Экспериментальная психология*, 16(1), 182–200. doi: 10.17759/exppsy.2023160111
- Сергиенко, Е. А., Виленская, Г. А., Ковалева, Ю. В. (2010). *Контроль поведения как субъектная регуляция*. М.: Ин-т психологии РАН.
- Смирнов, С. Д. (2016). *Прогностическая активность как способ существования и развития образа мира* В кн.: А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко (ред.). *Принцип развития в современной психологии* (с. 240–258). М.: Ин-т психологии РАН.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

*Поступила в редакцию 14.05.2025 г.; повторно 10.10.2025 г.;
принята 30.10.2025 г.*

Павлова Надежда Сергеевна – научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии Российской академии наук, кандидат психологических наук.
E-mail: pavlovans@ipran.ru

For citation: Pavlova, N. S. (2026). Behavioral Control in Relation to the Subjective Well-Being and Quality of Life of Elderly People Permanently Residing in Geriatric Centers. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 99, 62–82. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/99/4

Behavioral Control in Relation to the Subjective Well-Being and Quality of Life of Elderly People Permanently Residing in Geriatric Centers¹

N.S. Pavlova¹

¹ *Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 13 build. 1, Yaroslavskaia Str., Moscow, 129366, Russian Federation*

Abstract

In the process of aging, significant changes occur that affect all areas of human life. An important question arises: how does a person realize his goals and objectives in connection with personal and somatic changes, as well as in connection with changing living conditions, including in society. From the standpoint of the systemic-subjective approach (E.A. Sergienko), the mechanism that carries out psychological regulation of behavior is behavioral control, which includes 3 regulatory subsystems: emotional, cognitive and volitional.

The purpose of the study: to study the features of behavior control in relation to self-assessment of health and subjective well-being of an individual in late ontogenesis. The total

¹ The study was carried out in accordance with the State Task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 0138-2025-0009 “Systemic development of the subject in normal, subextremal and extreme living conditions”.

sample of people permanently residing in geriatric centers (N = 155) is analyzed in subgroups depending on gender, ages (49-64; 65-74; and 75-93 years) and objective state of health (disability group or its absence). Methods: "Behavioral control" E.A. Sergienko, G.A. Vilenskaya, I.I. Vetrova, SF-36 "Health status survey", "Life satisfaction scale" E. Diener, "Subjective happiness scale" S. Lyubomirsky.

It was shown that in people who permanently reside in geriatric centers, behavior regulation is carried out primarily based on the resources of the emotional and volitional sphere, while intellectual and cognitive abilities remain a weak component of behavior control. Behavior control is interconnected with subjective well-being (with cognitive and emotional components), as well as with their "mental health" and its components, primarily with "vitality" and "mental health", while there is virtually no connection with the "physical health". Only individual components of behavior control correlate with individual parameters of the "physical health". First of all, general, cognitive, and emotional behavior control are interrelated with "general health". Despite the absence of differences in behavior control with age, the ratio of its components changes, ensuring the regulation of vital activity. Volitional regulation increases with age, while general behavior control and its other components do not have statistically significant correlations with age. In old age, the body and the psyche require greater integration of resources to regulate behavior, primarily based on volitional processes. There were no statistically significant differences in the level of development of behavior control and its components in men and women, while behavior control has its own specific interrelations with subjective health assessments. It also shows the peculiar regulation of behavior depending on the degree of health impairment, compensating for physical disability.

Keywords: healthy aging; quality of life; physical health; mental health; self-assessment of health; subjective well-being; behavioral control; old age; elderly; late ontogenesis

References

- Ananiev, B. G. (2018). *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an object of knowledge]. St. Petersburg: Piter.
- Birren, J. E., Warner, K. S., Abeles, R. P., Gatz, M., & Salthouse, T.A. (2006). *Handbook of the Psychology of Aging* (6th ed.) New York. doi: 10.1016/B978-0-12-101264-9.X5000-9
- Boluchevskaya, V. V., Zolotareva, O. S., & Brazhnikova, M. A. (2017). Programma treninga emotsional'noy samoregulyatsii dlya lits pozhilogo vozrasta, prozhivayushchikh v spetsializirovannykh uchrezhdeniyakh, i rezul'taty ee primeneniya na praktike [Training program for emotional self-regulation for elderly people living in specialized institutions and the results of its application in practice]. *International Scientific Review*, 4, 107–111.
- Borisov, G. I., Sergeeva, T. B., & Glukhanyuk, N. S. (2024). Prediktory sub"ektivnogo blagopoluchiya i udovletvorennosti zhizn'yu lyudey pozdnego vozrasta: prikladnoy aspekt [Predictors of subjective well-being and life satisfaction in older adults: an applied aspect]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 1, 590–610. doi: <https://doi.org/10.32744/pse.2024.1.33>
- Dikaya, L. G. (2003). *Psikhicheskaya samoregulyatsiya funktsional'nogo sostoyaniya cheloveka (sistemno-deyatel'nyy podkhod)* [Mental self-regulation of human functional state (system-activity approach)]. Moscow: RAS.
- Efremova, D. N. (2021). Perezhivanie sub"ektivnogo schast'ya v pozhilom vozraste [Experiencing subjective happiness in old age]. *Sovremennaya terapiya v psikhiiatrii i neurologii*, 3–4, 27–34.
- Ermolaeva, M. V. (2004). *Psikhologiya zrelogo i pozdnego vozrastov v voprosakh i otvetakh* [Psychology of mature and older ages in questions and answers]. Moscow: Moscow Institute of Psychology and Social Science; Voronezh: MODEK.
- Gross, J. J. (2014). Emotion regulation: conceptual and empirical foundations. In J. J. Gross (Ed.), *Handbook of Emotion Regulation* (pp. 3–20). New York: Guilford.

- Gurevich, K. G., & Fabrikant, E. G. (2008). *Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii programm profilaktiki khronicheskikh neinfektsionnykh zabolevaniy* [Methodological recommendations for the organization of chronic non-communicable disease prevention programs]. Retrieved from: <http://bono-esse.ru/blizzard/RPP/M/ORGZDRAV/Orgproga/p1.html> (Accessed: 21st February 2024).
- Hennecke, M., Brandstätter, V., & Oettingen, G. (2021). The Self-Regulation of Healthy Aging: Goal-Related Processes in Three Domains. *The Journals of Gerontology. Series B, Psychological Sciences and Social Sciences*, 76(Suppl 2), 125–134. doi: 10.1093/geronb/gbab011
- Ivannikov, V. A. (2006). *Psikhologicheskie mekhanizmy volevoy regulyatsii* [Psychological mechanisms of volitional regulation]. St. Petersburg: Piter.
- Konopkin, O. A. (2011). *Psikhologicheskie mekhanizmy regulyatsii deyatelnosti* [Psychological mechanisms of activity regulation]. Moscow: Lenand.
- Kornilova, T. V. (2016). *Intellektual'no-lichnostnyy potentsial cheloveka v usloviyakh neopredelennosti i riska* [Intellectual and personal potential of a person under conditions of uncertainty and risk]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Krasnova, O. V., & Liders, A. G. (2002). *Sotsial'naya psikhologiya stareniya* [Social Psychology of Aging]. Moscow: Akademiya.
- Larsen, R. J., & Prizmic, Z. (2004). Affect Regulation. In R. F. Baumeister, & K. D. Vohs (Ed.), *Handbook of Self-Regulation: Research, Theory, and Applications* (pp.40–61). New York: Guilford.
- Lavrova, M. A., & Kharitonova, M. P. (2023). Osobennosti samoregulyatsii i kachestva zhizni lyudey v starshem vozraste [Features of self-regulation and quality of life in older adults]. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal*, 2, 79–90. doi: 10.11621/npj.2023.0206
- Loskutova, E. A. (2018). Obuchenie navykam samoregulyatsii kak faktor povysheniya adaptatsionnogo potentsiala lits, prozhivayushchikh v dome-internate dlya prestarelykh [Teaching self-regulation skills as a factor in increasing the adaptive potential of elderly people living in a nursing home]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta*, 12(4), 56–62. doi: 10.30914/2072-6783-2018-12-4-56-62
- Makhnach, A. V. (2016). *Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: sotsial'no-psikhologicheskaya paradigma* [Resilience of the individual and family: A socio-psychological paradigm]. Moscow: RAS.
- Morosanova, V. I. (2021). Osoznannaya samoregulyatsiya kak metaresurs dostizheniya tseley i razresheniya problem zhiznedeyatel'nosti [Conscious self-regulation as a meta-resource for achieving goals and solving life problems]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1, 3–37. doi: 10.11621/vsp.2021.01.01
- Morosanova, V. I., & Konozy, E. M. (2000). Stilevaya samoregulyatsiya povedeniya cheloveka [Stylistic self-regulation of human behavior]. *Voprosy psikhologii*, 2, 118–127.
- Novik, A. A., & Ionova, T. I. (2007). *Rukovodstvo po issledovaniyu kachestva zhizni v meditsine* [Guide to the study of quality of life in medicine] (2nd ed.). Moscow: OLMA Media Grupp.
- Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2020). Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub"ektivnogo blagopoluchiya: psikhometricheskie kharakteristiki i sravnitel'nyy analiz [Brief Russian-language scales for assessing subjective well-being: psychometric properties and comparative analysis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 1, 117–142. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.06
- Pavlova, N. S. (2022). A study of subjective quality of life and subjective well-being in late ontogeny. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 86, 84–102. doi: 10.17223/17267080/86/5
- Prokhorov, A. O. (2005). *Samoregulyatsiya psikhicheskikh sostoyaniy: fenomenologiya, mekhanizmy, zakonomernosti* [Self-regulation of mental states: phenomenology, mechanisms, patterns]. Moscow: PerSe.

- Pulkkinen, L. (1992). Self-control and continuity from childhood to late adolescence. *Life-span Development and Behavior*, 4, 84–105.
- Sergienko, E. A. (2021). *Psikhicheskoe razvitiye s pozitsiy sistemno-sub'ektnogo podkhoda* [Mental development from the perspective of the system-subject approach]. Moscow: Institute of Psychology RAS.
- Sergienko, E. A., & Vilenskaya, G. A. (2018). Kontrol' povedeniya – integrativnoe ponyatie psikhicheskoy regulyatsii [Behavior control – an integrative concept of mental regulation]. In A. L. Zhuravlev & E. A. Sergienko (Eds.), *Razrabotka ponyatiy sovremennoy psikhologii* [Development of concepts in modern psychology] (Vol. 1, pp. 343–378). Moscow: Institute of Psychology RAS.
- Sergienko, E. A., Vilenskaya, G. A., & Kovaleva, Yu. V. (2010). *Kontrol' povedeniya kak sub'ektnaya regulyatsiya* [Behavior control as subject regulation]. Moscow: Institute of Psychology RAS.
- Sergienko, E. A., Vilenskaya, G. A., & Vetrova, I. I. (2023). Novyy metod otsenki psikhicheskoy regulyatsii – oprosnik “Kontrol' povedeniya” [A new method for assessing mental regulation – the “Behavior Control” questionnaire]. *Ekspperimental'naya psikhologiya*, 16(1), 182–200. doi: 10.17759/exppsy.2023160111
- Smirnov, S. D. (2016). Prognosticheskaya aktivnost' kak sposob sushchestvovaniya i razvitiya obraza mira [Predictive activity as a way of existence and development of the image of the world]. In A. L. Zhuravlev & E. A. Sergienko (Eds.), *Printsip razvitiya v sovremennoy psikhologii* [The principle of development in modern psychology] (pp. 240–258). Moscow: Institute of Psychology RAS.
- Windsor, T. D., & Wilton-Harding, B. (2024). Examining goal re-engagement as a mediator of longitudinal associations between awareness of age-related change and vitality in mid-life and older adulthood. *International Journal of Behavioral Development*, 49(2), 155–166. doi: 10.1177/01650254241298896
- Wrosch, C., & Scheier, M. F. (2020). Adaptive self-regulation, subjective well-being, and physical health: The importance of goal adjustment capacities. *Advances in Motivation Science*, 7, 199–238. doi: 10.1016/bs.adms.2019.07.001
- Zacher, H., Hacker, W., & Frese, M. (2016). Action Regulation across the Adult Lifespan (ARAL): A metatheory of work and aging. *Work, Aging and Retirement*, 2(3), 286–306. doi: 10.1093/workar/waw015
- Zhang, W., Radhakrishnan, K., Becker, H., Acton, G. J., & Holahan, C. K. (2020). Self-Regulation Strategies as Predictors: Managing Multimorbidities Among Community-Dwelling People Aging with Arthritis. *Western Journal of Nursing Research*, 42(9), 698–707. doi: 10.1177/0193945919893679

Received 14.05.2025; Revised 10.10.2025;

Accepted 30.10.2025

Nadezhda S. Pavlova – Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science, Cand. Sc. (Psychol.).
E-mail: pavlovans@ipran.ru

УДК 159.9.072

ВИДЫ ГИБРИДНОЙ ОНЛАЙН-ОФЛАЙН ИДЕНТИЧНОСТИ

Н.В. Коптева¹, Е.Н. Береснева¹

¹ Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия, 614000,
Пермь, ул. Сибирская, 24

Резюме

В киберпсихологии имеется значительное количество исследований виртуального Я, латентная гибридность которых проявляется в его обсуждении совместно с Я реальным. При этом вопросы, касающиеся взаимодействия обеих модальностей идентичности в составе объединяющей их гибридной идентичности, а также видов последней не получили необходимого рассмотрения. Актуальную «задачу на идентичность» (З. Бауман) человек цифровой эпохи решает, соподчиняя тем или иным образом обе части своего Я. О возникающих в результате гибридах идентичности известно мало, не в последнюю очередь ввиду дефицита необходимого диагностического инструментария. Для их установления и описания в статье используется авторская «Шкала экспресс-оценки чувства онлайн-офлайн идентичности». В основу методики положены классические положения о составляющем субъективное измерение идентичности и обладающем известной достоверностью чувстве Я, которое возникает на пике интеграции множества частных Я-образов в сложную Самость (Э. Эриксон). Эти положения распространены с реальной идентичности на виртуальную и объединяющую их гибридную идентичность. Установлено четыре вида гибридной идентичности, различающихся оценками чувства истинности Я онлайн и офлайн, величиной «зазора» между аспектами смешанной идентичности, характером их взаимосвязи, уровнем интернет-зависимости по Шкале С.Х. Чена, а также выраженностью технологического развоплощения по авторской методике «Невоплощенность в Интернете».

Из двух видов смешанной идентичности с близкими оценками чувства истинности Я офлайн и онлайн высокие у первого вида сливаются в целостное чувство, а низкие у второго, будучи взаимосвязанными, сохраняют самостоятельность в составе двумерной идентичности. Из двух оставшихся видов идентичности с зеркальными профилями ядром третьего является преобладающее чувство истинности Я онлайн, альтернативное Я офлайн, а четвертого – чувство истинности Я офлайн, периферию которого составляет слабо связанное с ним соответствующее чувство онлайн. Первый вид гибридной идентичности в сравнении со вторым в меньшей мере характеризуют склонность к интернет-зависимости, предпочтение технологического развоплощения и невоплощенность (виртуализация). По этим характеристикам виды идентичности с преобладанием оценки истинности одного из аспектов двусоставной идентичности занимают промежуточное положение.

Ключевые слова: виртуальность; идентичность; киберпсихология; гибридизация; диагностика

Латентная гибридность проблематики виртуальной идентичности на разных этапах ее исследования

По словам М. Кастельса, «наша жизнь, наше общество – это не просто общество физическое, а гибрид виртуального и физического в их взаимодействии» (Кастельс, Алексеева, 2013), из чего может следовать, что и наша идентичность также является гибридной, состоит из реальной и виртуальной субидентичностей. До сих пор обе составляющие гибрида идентичности цифрового общества в психологии преимущественно изучаются по отдельности. При этом если реальную идентичность становится все сложнее рассматривать вне связи с идентичностью, генерируемой в киберпространстве, то описания последней, хотя и не позиционируются как гибридные, в какой-то мере являются таковыми, поскольку отвечают важному критерию соответствующей проблематики. Выдвинутый в наиболее продвинутой сфере изучения гибридных, постколониальных, а также порожденных процессами глобализации и миграции идентичностей (Bhabha, 1994; Hall, 1994), он требует поворота от понимания по принципу «или / или» к пониманию по принципу «и то / и другое» (The Cambridge History of American Literature, p. 672). Критерий основан на том, что составные «части» мультикультурных идентичностей вполне самостоятельны и могут изучаться по отдельности. В отличие от них для обсуждения идентичности, принадлежащей к не обладающему полноценным онтологическим статусом «недороду бытия» (Хоружий, 1997, с. 66), совместно с идентичностью, все ипостаси которой (персональная, коллективная, гендерная, культурная, этническая, профессиональная) подпадают под общее определение «относительно стабильных элементов объективной реальности» (Бергер, Лукман, 1995, с. 281), специального включения логики «и то / и другое» не требуется. В силу специфики онтологического статуса виртуальной идентичности ее исследования охватывают ряд вопросов, относящихся к гибридной идентичности цифрового общества.

Латентная гибридность раннего киберкультурного дискурса виртуальной идентичности конца XX – начала XXI столетия проявлялась в ее определении через Я реальное а *contrario* (от противного). Уже эпитет «альтернативная» в названии концепции отсылал к идентичности реальной. Идентичность пользователя анонимного текстового Интернета противопоставлялась ей как развоплощенная (*disembodied*), свободная от воплощенного в теле неравенства, преодоление которого открывает перспективы достижения подлинного Я в общении «от разума к разуму» (Stone, 1996; Stratton, 1997). В эпоху статичного, предназначенного только для чтения Интернета его возможности ограничивались обменом информацией через сайты, среди которых особую популярность у немногочисленных обладателей персональных компьютеров приобрели игровые домены (MUD-ы). Участие в них проходило в форме своего рода экспериментов с идентичностью: сочинения переплетающихся жизненных историй персонажей, придуманных пользователями. В ходе исследовательских интервью на вопрос «Всегда ли

настоящее Я находится в физическом мире?» первые геймеры отвечали, что в виртуальном мире, в отличие от реального, чувствуют свое истинное Я и являются лучшей версией себя (Turkle, 1995). Подобное переживание виртуальной идентичности в сравнении с реальной соответствовало начальному этапу становления технологии и значительной автономии киберпространства того времени от актуальной действительности вне его.

В дальнейшем благодаря технологическому прогрессу Интернет дотраивался до масштабов жизни за его пределами. Расширялись и преобразовывались в динамичные, интерактивные его прежние сегменты, связанные с обменом информацией, досугом и общением, создавались разнообразные новые. Виртуальная среда становилась рабочим местом для многих профессий и учебы, предоставляла широкие возможности достижения целей, возникающих офлайн, обеспечения повседневных бытовых нужд. Все более утрачивающие анонимность пользователи обрели к ней круглосуточный доступ благодаря смартфонам и ноутбукам. Эти изменения нашли отражение в исследованиях, которые констатировали сближение виртуального Я с реальным. В наиболее радикальной форме на это указала И. Костерина (2008), которая в результате наблюдений за блогерами Рунета не только сочла несостоятельными теории виртуальной идентичности, но и опровергала само существование последней ввиду полного слияния с реальной идентичностью. Проведенное позже учеными США и Германии масштабное эмпирическое исследование засвидетельствовало достоверность разнообразной информации о себе, сообщаемой пользователями в профилях социальных сетей. Его авторы определили виртуальную идентичность как проекцию реальной идентичности в киберпространстве, отметив общую для них обеих скорректированность в сторону социальной желательности (Back et al., 2010). К аналогичным выводам R.E. Wilson, S.D. Gosling, L.T. Graham (2012) приходят на основании обзора исследований Facebook¹ (принадлежит Meta, заблокирован в России). Их разделяют многие российские исследователи (Косенчук, 2014; Белинская, 2016; Фролова, 2018 и др.).

Однако само название упомянутой статьи M.D. Back и соавт. (2010), в которой излагались результаты международного исследования, – Facebook¹ Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idealization, отсылало к несколько иному подходу, согласно которому самоидеализация является отличительной характеристикой виртуальной идентичности (Manago, Graham, Greenfield, Salimkhan, 2008). Если с развоплощенным идеализированным Я текстового Интернета связывались надежды на духовное облагораживание общества, то А. Кеен в известной книге Digital Vertigo обвиняет социальные сети в том, что они «крадут невиновность наших духовных жизней», настаивает, что «цифровой нарциссизм» является типичном для нашей культуры средством компенсации дефектов реальной идентичности, открывая пользователям гораздо более привлекательные, чем в действительности, лица и приватную жизнь друг друга (Keen, 2012, p. 264). Но и этот

¹ Facebook, продукт Meta, запрещенной в РФ, заблокирован в России.

сетевой феномен обнаруживает скорее преимущество, чем антагонизм с внесетевой реальностью, состоянием которой в названии своей не менее нашумевшей книги докомпьютерных времен *The Culture of Narcissism* определил С. Lasch (1979). Среди отечественных авторов на связь конструирования человеком виртуальной идентичности с неудовлетворенностью своим реальным Я указывают Е.Л. Солдатова и Д. Н. Погорелов (2018), не отрицая, однако, возможностей, предоставляемых киберпространством для самовыражения и раскрытия личностного потенциала.

Особенность обзора, предпринятого китайскими и малазийскими авторами Jiao Huang, Sameer Kumar, Chuan Hu (2021), заключается в избирательном характере: авторы останавливались на англоязычных научных статьях, посвященных онлайн-идентичности, отличающейся от офлайн-идентичности у пользователей соцсетей, приложений для онлайн-знакомств, в общей онлайн-среде, а также у геймеров. Для обозначения процесса создания в Интернете частично или полностью измененной идентичности исследователи используют понятие «онлайн-реконструкция / восстановление идентичности», которое объединяет ряд частных феноменов: *стратегическую репрезентацию* – намеренное создание онлайн-идентичности, подчеркивающей привлекательные стороны личности; *обманчивую и ложную самопрезентацию* – представление неточной, неверной информации о себе (о поле, возрасте, росте, весе, роде занятий, социальном положении, жизненной истории, взглядах и т.д.); *эксперименты с идентичностью*, в основном используемые подростками, которые, изменяя или скрывая определенные черты своего Я, притворяясь кем-то другим в Интернете, исследуют разные идентичности. Авторы обзора представляют более широкий спектр мотивов реконструкции идентичности в Интернете, к которым помимо идеализации собственного образа, создания положительного имиджа, удовлетворения тщеславия и самоутверждения относят защиту конфиденциальности, безопасность, нежелание привлекать к себе внимание, а также восстановление идентичности, возможность показать себя настоящего (например, с чертами характера или убеждениями, которые сложно выразить в реальном мире). Приводятся ссылки на исследования, содержащие аргументы в пользу того, что молодые люди с большей вероятностью реконструируют свою личность в Интернете, а пользователи с более высоким уровнем образования чаще прибегают к обману, чем менее образованные.

Среди отечественных психологов преобладает взгляд, согласно которому подобные реконструкции идентичности, в частности альтернативная, представляют собой, скорее, «уходящую натуру» (Зудилина, 2012; Богомолова, 2014; Косенчук, 2014; Белинская, 2016; Фролова, 2018). Реже встречаются исследователи, не отрицающие возможность создания пользователями множественных, не совпадающих друг с другом образов Я, в том числе противостоящих реальному Я (Войскунский, Евдокименко, Федунина, 2013). Г.У. Солдатова и соавт. упоминают своего рода «альтернативную идентичность наоборот» периода утверждения цифровых технологий

у пользователей, называемых технопессимистами и технофобами: «Жизнь в смешанной реальности становится вызовом их идентичности... необходимость приспосабливаться к цифровой повседневности при внутреннем сопротивлении может приводить к разделению на цифровое и нецифровое Я и сложностям их интеграции» (Солдатова, Чигарькова, Илюхина, 2024, с. 46).

Рассмотренные исследования виртуального Я в соотношении с Я реальным приводят к ряду выводов, важных для понимания гибридной идентичности. Один из них касается неоднородности, разнообразия виртуальной идентичности в современных условиях, которой соответствует различие ее отношений с реальной идентичностью. Другой заключается в том, что последней отводится ведущая роль независимо от того, рассматривается виртуальное Я в качестве проекции в киберпространстве реального Я или его реконструкции, восстановления «по ту сторону монитора». И, наконец, поскольку граница между проекцией с учетом ее полноты и восстановлением / реконструкцией идентичности является условной, отношение виртуального Я к своему источнику может варьировать от полного слияния до большей или меньшей близости и альтернативности.

За пределами исследований виртуальной идентичности остаются вопросы, относящиеся собственно к гибридной идентичности как структуре, объединяющей тем или иным образом обе модальности Я. Не в последнюю очередь это связано со сложностями ее эмпирического изучения.

Гибридная онлайн-офлайн идентичность и вопросы ее диагностики

Примечательно, что первое в отечественной психологии исследование собственно гибридной идентичности, «сложным образом совмещающей характеристики, условно относящиеся к виртуальному и реальному мирам», было проведено Г.У. Солдатовой, С.В. Чигарьковой и С.Н. Илюхиной (2022, с. 29) с помощью модификации теста Куна–Макпартланда «Кто Я?», чаще других применявшейся для изучения виртуальной идентичности (Петровская 2018; Перегудина 2021; Рыльская, Погорелов 2021). Используя контент-анализ самоописаний респондентов, полученных в ответ на вопросы «Кто я в реальной жизни?» и «Кто я в Интернете?», они не ограничились сравнением соответствующих Я-образов, а пришли к заключениям о их активном взаимодействии в качестве «частей» смешанной идентичности. С конвергенцией онлайн- и офлайн-миров авторы связывают «сближение цифровой и реальной личностей и формирование нового типа личности как гибридного образования, границы которого расширены за счет цифрового измерения. В гибридной личности в соответствии с методологическим принципом дополнительности цифровое расширение по отношению к достраиваемой человеческой сущности, формирующейся в физической реальности, становится неотъемлемой составляющей, без учета которой ее описание лишено смысла» (Солдатова, Чигарькова, Илюхина, 2022, с. 35). В то же время сближение Я-реального и Я-виртуального, по мнению

Г.У. Солдатовой и соавт., не исключает существенных различий между ними, придающих удвоенной идентичности дифференцированный характер.

И.Д. Бронин обращает внимание на серьезные препятствия для проведения количественных исследований идентичности с помощью полуструктурированных интервью и опросников, к которым также можно отнести тест Куна–Макпартланда: во-первых крайнюю трудоемкость, а во-вторых, преимущественно текстовые результаты, сложно поддающиеся перекодированию на язык цифр (Бронин, 2015, с. 86). Что касается модификации теста, о которой идет речь, то она предназначена в первую очередь для установления частных характеристик реального и виртуального Я, на основании которых опосредствованно делаются обобщающие заключения о содержании и структуре каждого из сложных образов и объединяющего их гибридного Я.

В эмпирическом исследовании, представленном в предлагаемой статье, применялась Шкала экспресс-оценки чувства онлайн-офлайн идентичности (Коптева, Калугин, Береснева, 2024), восполняющая дефицит диагностических инструментов, обеспечивающих непосредственный доступ к количественным данным относительно гибридной идентичности человека сетевого общества. Теоретическим обоснованием методики является концепция Э. Эриксона, в которой одним из центральных является понятие чувства идентичности. Оно соответствует сложной самости, возникающей в результате интеграции конкретных Я-образов, о которых человек может дать себе более или менее полный отчет (Эриксон, 1996, с. 229). О трудности передачи словами обобщенного содержания сложных самостей позволяют судить формулировки Э. Эриксоном от лица Я ребенка смысла подобных самостей, возникающих в ходе эпигенеза идентичности: «Я есть то, что, надеюсь, я имею и даю», «Я есть то, чего я могу свободно желать», «Я есть то, чем я могу вообразить, я стану», «Я есть то, что я могу научиться делать» (Эриксон, 1996, с. 116, 125, 132, 138). Г. Яппе, анализируя развитие фрейдовского Я, интерпретирует термин «чувство Я» как более широкий в сравнении с термином «сознание», ссылаясь на П. Федерна, который, как и Э. Эриксон, был последователем основателя психоанализа: «Самопереживание Я не исчерпывается знанием и сознанием... это самое простое и вместе с тем всеобъемлющее состояние, вызываемое собственным бытием в существующей личности» (Яппе, 1998, с. 457). Чувство идентичности с его целостным характером может быть представлено в континууме переживаний тождественности человека самому себе, близости к своему истинному Я, различающихся выраженностью и знаком. Отдельные Я-образы, объединяющую их самость и испытываемое в отношении самости чувство Э. Эриксон относит к субъективному Я-измерению идентичности, которое отличает от объективного Эго-измерения. Посредством оценки респондентами общих чувств, составляющих «верхний этаж» Я-измерения виртуальной и реальной самостей, с помощью Шкалы могут быть получены количественные данные о двух «частях» гибридной идентичности в обход

набора частных суждений, содержание которых характеризует «нижний этаж» этого измерения.

Виды гибридной идентичности: цель и гипотезы исследования

В статье с обоснованием и психометрической проверкой Шкалы было дано общее описание гибридной идентичности и ее измерений (Коптева, Калугин, Береснева, 2024). В качестве перспективы было обозначено установление видов двумерной гибридной идентичности и их характеристик, что является **целью настоящего исследования**. З. Бауман констатировал тенденцию, связанную с множественностью возможных самоидентификаций в условиях «текущей модернити» и заключающуюся «в преобразении человеческой идентичности из “данности” в “задачу” и в наделении действующих лиц ответственностью как за решение этой задачи, так и за последствия» (Бауман, 2005, с. 180). Отмеченная неоднородность виртуального Я, вероятно, является следствием не только разнообразия контента современного Интернета, но и активности пользователя по самоидентификации в киберпространстве. С учетом двумерности существования человека обретение им идентичности требует решения более широкой задачи на гибридную онлайн-, офлайн-идентичность. Способы ее решения могут различаться в зависимости от самоопределения в отношении исходной, реальной идентичности, жизненно необходимой в новых условиях существования виртуальной идентичности, а также их соподчинения. Очевидно, они могут находить выражение в оценках истинности виртуального и реального Я и особенностях их объединения, соответствующих разным видам онлайн-офлайн идентичности.

Гипотезы исследования. Существуют виды гибридной идентичности пользователей Интернета, различающиеся оценкой истинности Я, бытия собой в отношении составляющих ее частей, а именно: с преобладанием чувства истинности Я офлайн, с преобладанием чувства истинности Я онлайн, а также не различающиеся выраженностью чувства Я офлайн и онлайн.

Виды гибридной идентичности различаются характером взаимосвязи своих аспектов, а также особенностями связи своих измерений с интернет-зависимостью, экзистенциальными положениями технологически развоплощенного и воплощенного способов бытия человека в виртуальном и реальном мирах.

Методы и материалы

Выборку исследования составили 337 школьников и студентов очного и заочного отделений вузов г. Перми (19% мужчины) в возрасте от 14 до 57 лет ($M = 24,87$; $SD = 8,86$). Все респонденты – пользователи Интернета.

Психодиагностический инструментарий. «Шкала экспресс-оценки чувства онлайн-офлайн идентичности» состоит из двух прямых утверждений,

оформленных по типу шкал Ликерта. Респонденту предлагалось оценить меру ощущения истинности своего Я онлайн и офлайн. Использовалась пятибалльная шкала. Общая оценка гибридной идентичности вычислялась как усредненная оценка ее аспектов. Словесные формулировки, соответствующие числовым оценкам, указывали на степень стабильности и отчетливости переживания истинности аспектов Я, а также гибридной идентичности в целом. Проверка методики дает основания для заключения относительно ее приемлемой надежности и хорошей конструктивной валидности (Коптева, Калугин, Береснева, 2024)

«Шкала интернет-зависимости» С.Х. Чена (Chen Internet Addiction Scale, CIAS, 2008) в адаптации В.Л. Малыгина и соавт. (2011), содержит 5 частных оценочных шкал, которые суммирует общий показатель зависимости CIAS балл.

Конструкт методики «Невоплощенность в Интернете» (Коптева, Калугин, Дорфман, 2021; Коптева, Калугин, Козлова, 2023) восходит к клинической концепции британского экзистенциального психиатра Р. Лэйнга (2017), отличавшего шизоидное положение невоплощенности, раскола ментального Я с телом и жизнью от присущего большинству людей положения воплощенности, при котором тело является посредником между Я и миром. Эти экзистенциальные положения в конструкте методики соотносятся с виртуальной развоплощенной и укорененной в теле реальной идентичностями, которые могут рассматриваться как аспекты гибридной идентичности. Методика включает шкалы: «Предпочтение технологического развоплощения», «Невоплощенность как виртуализация», «Воплощенное, целостное Я», «Витальность воплощенного Я».

Анализ данных

В соответствии с первой гипотезой для изучения видов гибридной онлайн-офлайн идентичности с помощью кластерного анализа центров K-Mean Cluster по обоим показателям «Шкалы экспресс-оценки чувства онлайн-офлайн идентичности» были выделены группы респондентов; посредством однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) изучались эффекты принадлежности к группам на оценки чувств идентичности онлайн и офлайн, гибридной идентичности в целом, а также на интернет-зависимость и технологическое развоплощение; с помощью Т-критерия для зависимых выборок устанавливалась значимость различий между оценками истинности Я онлайн и офлайн в группах; корреляционным анализом Спирмена определялись взаимосвязи оценок истинности Я онлайн и офлайн, а также измерений гибридной идентичности с интернет-зависимостью и технологическим развоплощением.

Заявление о соблюдении этических стандартов и норм

Все процедуры, выполненные в исследовании с участием людей, соответствуют этическому кодексу Российского психологического общества и принципам Хельсинкской декларации.

Результаты исследования

С помощью кластерного анализа частных показателей методики было выделено 4 группы респондентов. Из них в двух (4 и 2) истинность Я онлайн и офлайн оценивалась сходным образом, а в двух оставшихся группах с зеркальными профилями (3 и 1) один из аспектов идентичности оценивался выше, чем другой (рис. 1).

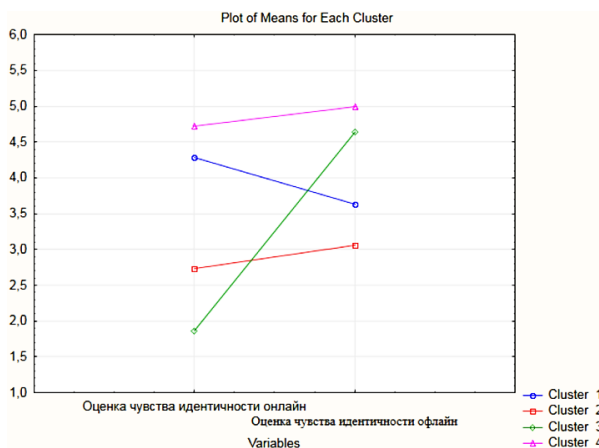

Рис. 1. Группы пользователей, различающиеся оценкой чувства идентичности онлайн и офлайн

В табл. 1 представлены эффекты принадлежности к группе (фактора *вид гибридной онлайн-офлайн идентичности*) на дисперсию в общей выборке оценок аспектов идентичности, объединяющей их оценки гибридной идентичности, а также показателей интернет-зависимости и технологического развоплощения–воплощенности.

Таблица 1

Эффекты фактора аспекты гибридной онлайн-офлайн идентичности на дисперсию переменных

Шкалы	Характеристика	MS total	MS between	F-значение	p-value
Оценки чувства идентичности	онлайн	129,4	0,3	394,4	< 0,001
	офлайн	72,4	0,4	182,1	< 0,001
	гибридная	69,1	0,2	290,9	< 0,001
Показатели технологического развоплощения–воплощенности	Невоплощенность как виртуализация	367,4	21,9	16,7	< 0,001
	Предпочтение технологического развоплощения	441,5	35,0	12,6	< 0,001
	Воплощенное Я	48,7	22,4	2,2	0,090
	Витальность воплощенного Я	58,9	18,8	3,1	0,026
Общий показатель интернет-зависимости, CIAS балл		1 202,4	171,8	7,0	< 0,001

В табл. 2. приведены значимые при $p < 0,001$ различия оценок чувства гибридной онлайн-офлайн идентичности и ее аспектов в группах пользователей, обозначен их состав, а также названия, данные видам гибридной идентичности.

Таблица 2

Значимые различия оценок чувства гибридной онлайн-офлайн идентичности и ее аспектов в группах

Характеристики	Виды гибридной идентичности			
	с низкой оценкой чувства идентичности офлайн и относительно низкой онлайн	с высокими оценками чувства идентичности офлайн и онлайн	с низкой оценкой чувства идентичности онлайн	с более высокой оценкой чувства идентичности онлайн, чем офлайн
Группы	2	4	3	1
N (%)	108 (32,1)	91 (27,0)	50 (14,8)	88 (26,1)
Оценка чувства идентичности офлайн	3,0	5,0	4,6	3,6
Оценка чувства идентичности онлайн	2,7	4,7	1,8	4,2
Оценка чувства гибридной идентичности	2,8	4,8	3,2	3,9

Стабильное и отчетливое общее чувство гибридной идентичности при- сущее немногим больше чем половине выборки респондентов – 53,1% (N = 179), объединяющей группы 4 и 1. Оставшуюся часть выборки респондентов – 46,9% (N = 158), вошедших во 2-ю и 3-ю группы, отличают относительные нестабильность и нечеткость этого чувства. Виды гибридной идентичности с крайними (высокой и низкой) общими оценками чувства истинности Я представлены в группах со сходными профилями, а с промежуточными (относительно высокой и относительно низкой) – в группах с зеркальными профилями.

В табл. 3 показаны различия видов гибридной онлайн-офлайн идентичности в группах по показателям интернет-зависимости и технологического развоплощения.

Из табл. 3 следует, что показатели «Невоплощенность как виртуализация» и «Предпочтение технологического развоплощения», а также показатель интернет-зависимости CIAS балл (во всех группах указывающий на склонность к аддикции) растут в единой последовательности от минимального в группе с высокой оценкой чувства гибридной идентичности (10,0; 15,3; 46,8), к промежуточным в группах с его относительно высокой (11,5; 18,3; 52,9) и относительно низкой оценками (12,8; 18,8; 48,7), к максимальному в группе с низкой оценкой чувства гибридной идентичности (14,7; 20,4; 54,6).

Таблица 3

Различия видов гибридной онлайн-офлайн идентичности в группах по показателям интернет-зависимости и технологического развоплощения

Характеристики	Виды гибридной идентичности				Значимые различия показателей групп					
	с низкой оценкой чувства идентичности офлайн и относительно низкой онлайн	с высокими оценками чувства идентичности офлайн и онлайн	с низкой оценкой чувства идентичности онлайн	с более высокой оценкой чувства идентичности онлайн, чем офлайн	2/4	1/4	3/4	1/3	2/3	1/2
Группы	2	4	3	1						
Общий показатель CIAS балл	54,6	46,8	48,7	52,9	***	**	нз	нз	**	нз
Предпочтение технологического развоплощения	20,4	15,3	18,8	18,3	***	***	***	нз	нз	**
Невоплощенность как виртуализация	14,7	10,0	12,8	11,5	***	*	***	нз	*	***
Витальность воплощенного Я	29,5	31,4	30,3	30,2	**	нз	нз	нз	нз	нз

Примечание. нз – незначимо; * p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001

Между группами со сходными профилями обнаружались значимые различия по рассмотренным показателям «Невоплощенности в Интернете» и интернет-зависимости: более низкие отличают группу с высокой оценкой общего чувства гибридной идентичности и ее субидентичностей, а более высокие – группу с их низкой оценкой. Напротив, по показателю «Витальность воплощенного Я» лидирует группа с высокой оценкой чувства гибридной идентичности и ее субидентичностей (31,4 и 29,5). Между группами с зеркальными профилями оценок измерений гибридной идентичности значимые различия отсутствуют.

Результаты анализа различий оценок истинности онлайн- и офлайн-аспектов идентичности в группах, их взаимосвязи между собой и с показателями последствий использования Интернета

В табл. 4 представлены виды онлайн-офлайн идентичности: значимость различий между оценками аспектов, «зазор» и взаимосвязи между ними.

Из табл. 4 следует, в каждой из четырех рассматриваемых групп согласно T-критерию для зависимых выборок имеются значимые различия между оценками их онлайн- и офлайн-аспектов. Минимальный зазор между этими оценками (0,3) присутствует в двух группах со сходными профилями,

с высокой и низкой оценками чувства гибридной идентичности. В одной из групп с зеркальными профилями, с относительно высокой оценкой гибридной идентичности, истинность Я онлайн оценена на 0,6 балла выше, чем Я офлайн, а в другой, с относительно низкой оценкой гибридной идентичности, ее офлайн-аспект оценен выше онлайн-аспекта на 2,8 балла.

Таблица 4

Виды онлайн-офлайн идентичности: значимость различий между оценками аспектов, «зазор» и взаимосвязи между ними. Взаимосвязи видов гибридной идентичности с показателями технологического развоплощения–воплощенности

Виды гибридной идентичности / характеристики	С низкой оценкой чувства идентичности офлайн			С высокой оценкой чувств идентичности офлайн и онлайн.			С низкой оценкой чувства идентичности онлайн			С более высокой оценкой чувства идентичности онлайн, чем офлайн		
	Mean	t	p	Mean	t	p	Mean	t	p	Mean	t	p
Оценка онлайн аспекта	2,7	-4,5	< 0,001	4,7	-5,8	< 0,001	1,8	-24,9	< 0,001	4,2	7,7	< 0,001
Оценка офлайн аспекта	3,0			5,0			4,6			3,6		
«Зазор» между оценками аспектов	0,3			0,3			2,8			0,6		
Взаимосвязь оценок аспектов	0,57, p < 0,001			–			0,34, p < 0,05			–0,23, p < 0,05		
Оценка чувства гибридной идентичности	низкая			высокая			относительно низкая			относительно высокая		
Взаимосвязи измерений гибридной идентичности с показателями технологического развоплощения–воплощенности	с «Невоплощенностью как виртуализацией»: онлайн –0,23*, офлайн –0,25*, гибридная идентичность –0,27**;			с «Воплощенным целостным Я» гибридная идентичность 0,22*; с «Витальностью воплощенного Я» гибридная идентичность 0,30**			отсутствуют			с «Предпочтением технологического развоплощения» онлайн 0,23*; с Витальным воплощенным Я онлайн 0,28**		
Примечание. * p < 0,05; ** p < 0,01												

Итак, в трех группах истинность Я офлайн оценена значимо выше, чем онлайн и только в одной оценка онлайн-аспекта двумерной идентичности значимо выше, чем офлайн. Все представители 4-й группы выбрали высшую оценку чувства идентичности офлайн (5 баллов), из них 65 человек точно так же оценили чувство идентичности онлайн, а 26 человек – на один балл ниже. Ввиду отсутствия дисперсии оценок офлайн корреляция между показателями аспектов гибридной идентичности не может быть вычислена. Во 2-й группе с низкой оценкой чувства идентичности офлайн взаимосвязь оценок обоих аспектов 0,57, $p < 0,001$, указывает как на сходство, так и на различие соответствующих феноменов, а в 3-й группе с низкой оценкой чувства идентичности онлайн более слабая взаимосвязь (0,34, $p < 0,05$) – на их наименьшее сходство. В отличие от этих трех групп, в 1-й группе с более высокой оценкой чувства идентичности онлайн в сравнении с офлайн присутствует, хотя и слабая, но отрицательная связь оценок истинности Я онлайн и Я офлайн ($-0,23$, $p < 0,05$), выражающая их известный антагонизм.

Во 2-й группе с низкой оценкой чувства идентичности офлайн эта оценка, а также оценка чувства идентичности онлайн снижаются с ростом показателя «Невоплощенность как виртуализация» ($-0,23$, $-0,25$, $p < 0,05$; $-0,27$, $p < 0,01$). Общий показатель двумерной идентичности снижается также с ростом обоих показателей технологического развоплощения: «Невоплощенности как виртуализации» и «Предпочтения технологического развоплощения» ($-0,27$, $p < 0,01$ и $-0,21$, $p < 0,05$). В 4-й группе с высокой оценкой чувств идентичности онлайн и офлайн общая оценка чувства гибридной идентичности поддерживается показателями, характеризующими положение воплощенности: «Воплощенное целостное Я» и «Витальность воплощенного Я» (0,22, $p < 0,05$ и 0,30, $p < 0,01$). В 1-й группе более высокая по сравнению с офлайн-аспектом смешанной идентичности оценка ее онлайн-аспекта предполагает, с одной стороны, рост «Предпочтения технологического развоплощения», а с другой – «Витального воплощенного Я» (0,23, $p < 0,05$ и 0,28, $p < 0,01$). В 3-й группе с относительно низкой оценкой чувства идентичности онлайн значимые связи с показателями технологического развоплощения–воплощенности отсутствуют.

Обсуждение. Виды гибридной идентичности

Гибридная идентичность со стабильным, отчетливым, целостным чувством Я онлайн и офлайн

Группу, представители которой *в полной мере ощущают истинное Я* в отношении двумерной идентичности (4,8) и ее аспектов (офлайн – 5, онлайн – 4,7), во всех названных измерениях отличает стабильное и отчетливое чувство идентичности. Совпадающие более чем у двух третей представителей группы высшие оценки истинности обоих аспектов идентичности дают основание говорить о гибриде, предполагающем их слияние, нераз-

личение, проекцию в киберпространство Я офлайн посредством виртуальной идентичности как его «оболочки» (Костерина, 2008; Back et al., 2010; Лепехин, Дубко, 2011; Косенчук, 2014; Белинская, 2016). В оставшейся трети группы для оценки чувства истинности Я онлайн выбрана формулировка *ощущаю почти всегда*, указывающая не на тождество с Я офлайн, а на близость к нему. Тем не менее в обоих случаях онлайн-составляющая смешанной идентичности может рассматриваться как продолжение ее офлайн-составляющей.

В ранее упомянутом исследовании гибридной идентичности подростков и взрослых, проведенном с помощью теста «Кто Я?», установлено, что у 13% выборки совпадает четыре из пяти самоописаний, а у 20% – все пять (Солдатова, Чигарькова, Илюхина, 2022). Обнаруженную общность суммарно у 33% респондентов структурно-содержательных характеристик образов реального и виртуального Я авторы считают объективным указанием на их слияние в составе гибридной идентичности и свидетельством того, что в этом случае виртуальная идентичность является полной проекцией реальной. Однако совпадение описаний Я-образов онлайн и офлайн не указывает на совпадение соответствующих сложных самостей и чувств, в которых они находят выражение. Выделенный нами вид идентичности, скорее, принадлежит к вектору развития, обнаруженному этими же авторами с помощью кейсов – готовых портретов пользователей технологии, с которыми респонденты сличали представление о собственном Я: «Экранное время и цифровая насыщенность меняют и переживание окружающего мира как смешанной реальности, что отражается в интеграции виртуальной и реальной идентичности и формировании целостного образа Я как способа адаптации к конвергенции онлайн- и офлайн-миров» (Солдатова, Чигарькова, Илюхина, 2024, с. 44).

Обсуждаемый вид гибридной идентичности отличает один из самых низких в выборке показателей интернет-зависимости (46,8), который свидетельствует скорее о цифровой компетентности, чем о склонности к зависимому поведению. На это указывают самые низкие в выборке показатели технологического развоплощения: мотивации его предпочтения и, как следствие этого предпочтения, – невоплощенности–виртуализации (15,3 и 10,0), соотносимых с интернет-зависимостью. Наименьшая выраженность мотивации развоплощения может говорить о том, что специфика виртуального Я, отраженная в самом его названии, не представляет для респондентов значительной ценности. Интегральный показатель оценки чувства гибридной идентичности, напротив, связан с измерениями экзистенциального положения воплощенности, «Воплощенным целостным Я» и «Витальностью воплощенного Я», что может служить дополнительным аргументом в пользу представления о виртуальной идентичности как «оболочке», субъективно сливающейся с реальной идентичностью.

Этот вид гибрида, обнаруженный у 27% респондентов выборки, очевидно, преодолевает дихотомию виртуальной и реальной идентичности, представляя собой тандем киберидентичности, выходящей за пределы

ограничений физического присутствия и воплощенного Я. Характеристики группы говорят о вполне успешном решении задачи на онлайн-офлайн идентичность, а ее представитель подпадает под определение нашего современника художественным руководителем Arts Electronica Герфридом Стокером как человека, визитной карточкой которого является слово «гибрид», в равной мере органично чувствующего себя и в реальной, физической среде обитания и в цифровых, виртуальных доменах.

Гибридная идентичность с относительно стабильными и самостоятельными и чувствами Я офлайн и онлайн

Вид идентичности в группе, профиль которой сходен с профилем предыдущей группы, отличают самая низкая в выборке оценка переживания истинности Я офлайн (3,0) и относительно низкие оценки переживания пользователями своего Я онлайн (2,7) и смешанной идентичности в целом (2,8). Согласно 5-балльной шкале, они либо совпадают со средней оценкой, либо близки к ней и соотносятся с одним и тем же утверждением, касающимся переживания подлинности Я: *«иногда ощущаю, иногда – нет»*. Эта формулировка указывает на неустойчивый, «мерцающий» характер и не вполне отчетливое ощущение истинности гибридного Я и его аспектов. Она согласуется не только с представлениями постмодернистов об идентичности, всегда находящейся в состоянии становления и изменения, но и с утверждением Э. Эриксона: «...требуется здоровая личность, для того чтобы в любой данный момент это “я” могло свидетельствовать о “я” осмысленно непрерывной самости» (Эриксон, 1996, с. 228).

Коэффициент корреляции между аспектами гибридной идентичности в группе (0,57, $p < 0,001$) позволяет предположить, что дефицит ощущения самоидентичности офлайн экстраполируется на переживание Я онлайн, а также то, что этому виду двумерной идентичности, в отличие от предыдущего, свойственна известная самостоятельность его частей. А именно, виртуальное Я можно рассматривать в равной мере и как проекцию, и как реконструкцию Я реального.

Минимальный «зазор» между оценками чувства идентичности онлайн и офлайн (0,3) в группах со сходными профилями позволяет сделать заключение, что оценка истинности Я реального в значительной мере предопределяет оценку своего виртуального двойника и, соответственно, решение задачи на идентичность. Но если в группе с самой высокой в выборке оценкой чувства Я офлайн это чувство распространяется на Я онлайн, то в группе с самой низкой оценкой чувства Я офлайн оно приобретает известную автономию от него. Применительно к смешанным идентичностям, полярным по оценкам истинности своих аспектов, возможно, справедливо известное наблюдение Л. Толстого, сделанное в отношении семей, среди которых счастливые похожи друг на друга, а несчастливые несчастливы по-своему. Очевидно, недостаточная удовлетворенность своим реальным Я побуждает пользователя реконструировать его в более контролируемых

условиях Интернета. Относительную успешность компенсации самой низкой в выборке оценки Я офлайн посредством Я онлайн может подтвердить то, что его оценка – предпоследняя среди установленных в группах. Структуру смешанной идентичности можно определить как двухчастную со слабо выраженными ядром и периферией.

По сравнению с рассмотренным ранее гибридом вид, о котором идет речь, имеет более высокие показатели склонности к интернет-зависимости (54,6), мотивации технологического развоплощения (20,4), невоплощенности в смысле виртуализации (14,7) и, напротив, более низкий показатель «Витальности воплощенного Я» (29,5 и 31,4). Предположение о самостоятельности виртуальной идентичности в составе этого вида смешанной идентичности подтверждает в большей мере отличающая его ценность опыта бестелесности в киберпространстве, превращения в разум, не отягощенный телом, негативная оценка и отчуждение физического Я, а также переживания дереализации, утраты ощущения субстанциональности, достоверности, надежности развоплощенного Я и бытия в целом. Эти же характеристики технологического развоплощения снижают оценку общего чувства истинности гибридной идентичности и его аспектов.

Подобное решение задачи на идентичность – менее удачное по сравнению с остальными группами респондентов. Рассматриваемая группа, объединяющая 32,1% выборки, – одна из трех, в которых переживания реального и виртуального Я различаются. Это согласуется с данными упомянутого ранее сравнительного анализа, указывающими на то, что почти в 70% выборки респондентов представлен широкий спектр различий образов Я виртуального и Я реального по составу категорий, их соотношению, а также способам конструирования (Солдатов, Чигарькова, Илюхина, 2022, с. 35).

Гибридная идентичность с преобладающим альтернативным чувством Я онлайн

В одной из двух групп с зеркальными профилями респонденты преимущественно идентифицируются с Я онлайн, оценка которого является второй по значению (4,2) в выборке. Оценка чувства двумерной идентичности также относительно высокая (3,9). Обе они, однако, как и несколько более низкая оценка истинности Я офлайн (3,6), в основном соответствуют формуле «ощущаю почти всегда», предполагающей вполне стабильное и отчетливое ощущение истинности гибридной идентичности и ее аспектов.

При определенной устойчивости чувств, присущих этому виду гибрида, они противоречивы и разнонаправлены. О расколе между переживаниями аспектов смешанной идентичности говорит более значительный, чем в двух ранее рассмотренных группах, но все же относительно небольшой «зазор» (0,6) между соответствующими оценками. Эта группа единственная, в которой имеется слабая обратная взаимосвязь оценок чувства истинности Я онлайн и офлайн ($-0,23$, $p < 0,05$). То есть входящие в нее респонденты

оценивают отношение истинности Я к физическому и виртуальному миру подобно тому, как это некогда делали участники MUD-ов, хотя и менее категорично. Эти особенности позволяют определить Я онлайн в составе обсуждаемого вида двумерной идентичности в качестве лайт-версии альтернативной виртуальной идентичности времен анонимного текстового Интернета, модифицированной в условиях интеграции виртуального и реального миров, массового использования технологии и доступности личных данных. Эпитет *лайт*- оправдывает также оценка истинности Я офлайн, которая выше, чем в ранее рассмотренном виде гибрида с относительно нестабильными чувствами самоидентичности офлайн и онлайн.

Смешанная идентичность в целом может быть обозначена как двумерная, с ядром в виде виртуальной идентичности, альтернативной идентичности реальной, образующей периферию гибрида. Очевидно, возможности выражения и обретения человеком истинного Я посредством создания виртуальной идентичности и сегодня не утратили своей актуальности. «Экранная персона – я ее творю сам для себя – может оказаться в большей степени “мною самим”, чем моя “реально жизненная” персона (мой “официальный” имидж), поскольку в ней наличествуют видимые черты моего “я”, которые я не решаюсь эксплицитировать в реальной жизни... Игра в виртуальных мирах позволяет нам обнаружить новые аспекты собственного “я”, богатство меняющихся сущностей, масок без стоящей за ними “реальной персоны”» (Жижек, 1998).

Приемлемость подобного решения задачи на гибридную идентичность можно обосновать устойчивым и отчетливым ощущением истинности обоих аспектов Я, образующих ее вид, о котором идет речь. Второй по значению среди групп показатель общего чувства двумерной идентичности более тесно связан с оценкой истинности ее офлайн-аспекта, чем с соответствующей оценкой онлайн-аспекта. Об ограничениях успешности решения задачи на идентичность говорит – ожидаемо, ввиду большей выраженности виртуальной составляющей – один из самых высоких в выборке показатель склонности к зависимости (52,9). Показатели мотивации технологического развоплощения (18,3) и виртуализации (11,5) у этого вида смешанной идентичности промежуточные: они ниже, чем в группе с относительно устойчивыми чувствами истинности Я офлайн и онлайн, но выше, чем в группе с устойчивым целостным чувством истинности Я онлайн и офлайн. Оценка онлайн-аспекта гибридной идентичности растет с выраженностью не только «Предпочтения технологического развоплощения», но и «Витальности воплощенного Я», соответствующей офлайн-идентичности.

Гибрид идентичности с относительно стабильным чувством самоидентичности онлайн, альтернативным офлайн, представлен у 26,1% респондентов. Размеры группы вызывают сомнение в том, что подобная категория пользователей ушла в прошлое, и, скорее, согласуются с представлением о том, что, в отличие от обычной жизни, этот феномен относится не к патологии, а к норме (Войсунский, Евдокименко, Федунина, 2013).

Гибридная идентичность с преобладающим чувством Я офлайн

В этой группе, в противоположность предыдущей, второй по значению показатель оценки истинности Я офлайн среди групп (4,6) – между *ощущаю в полной мере* и *ощущаю почти всегда* – сочетается с показателем оценки истинности Я онлайн – единственным в выборке со значением ниже среднего (1,8), которое в словесном выражении означает *ощущаю очень слабо*. Вместе с максимальным «зазором» оценок истинности аспектов Я (2,8) это позволяет определить чувство идентичности онлайн как нестабильное, неотчетливое. Несмотря на разрыв между оценками аспектов двумерной идентичности, они прямо взаимосвязаны ($r = 0,34$ при $p < 0,05$). В двусоставной смешанной идентичности «периферийная» виртуальная идентичность, очевидно, выступает и как частичная проекция, и как не вполне удачная реконструкция «ядерной» реальной идентичности.

Неудовлетворенных своим Я онлайн и удовлетворенных им представителей групп с зеркальными профилями аспектов идентичности предпочтение технологического развоплощения, виртуализация и интернет-зависимость характеризуют в равной мере (12,8 и 11,5; 18,8 и 18,3; 48,7 и 52,9). В.В. Афанасьева (2010) отделяет первичную, имманентную человеку виртуальность, виртуальные феномены, творимые людьми и воздействующие на них в реальной жизни, от вынужденной, навязанной извне технологической виртуализации сознания и личности. Очевидно, сходство приведенных выше последствий технологии не исключает различия в отношении пользователей к «вторичной» виртуальности и соответствующим субидентичностям как органичным или навязанным. На это может указывать также отсутствие значимых связей оценок истинности «вневиртуального» и «виртуального» аспектов обсуждаемого вида идентичности с показателями технологического развоплощения и воплощенности.

Гибридная идентичность с низкой оценкой истинности Я онлайн по сравнению с Я офлайн (с максимальным «зазором» между чувствами самождественности онлайн и офлайн) самая малочисленная, составляет 14,8% общей выборки.

Заключение

В существующих исследованиях виртуальной идентичности она сравнивается с реальной на основании объективных данных о пользователях и тех, которые они представляют о себе в Интернете, а также по их отчетам о характеристиках своего Я, Я-образах в реальном физическом и виртуальном мирах. В статье изучается объединяющая обе эти модальности смешанная идентичность. Авторская методика «Шкала экспресс-оценки чувства онлайн-офлайн идентичности» позволила эмпирически выделить четыре вида двумерной идентичности: со стабильным, отчетливым, целостным чувством Я онлайн и офлайн, с относительно стабильными и самостоятельными чувствами Я офлайн и онлайн, с преобладающим альтернативным

чувством Я онлайн и с преобладающим чувством Я офлайн. Виды гибридной идентичности различаются также стабильностью и отчетливостью «общих» чувств, величиной «зазора» между оценками чувств идентичности онлайн и офлайн, характером взаимосвязи оценок субидентичностей, образуемой ими структуры (наличием ядра и периферии), а также особенностями, присущими только данному гибриду.

Полученные результаты отчасти совпадают с уже имеющимися в исследованиях виртуальной идентичности. Они соответствуют представлениям о неоднородности последней как следствию различия отношений с реальной идентичностью, подтверждают взгляд на офлайн-идентичность как ведущую, сближение с ней виртуальной идентичности. В трех видах гибридной идентичности чувство идентичности офлайн оценено респондентами выше, чем соответствующее чувство онлайн, обнаружена положительная связь обеих оценок. Неразличимость и слияние аспектов обнаружены только у одного из гибридов. Преобладающими являются виды, различающиеся переживанием офлайн- и онлайн-субидентичностей. В составе одного из видов гибридной идентичности виртуальная идентичность определена как лайт-версия ее альтернативной формы времен текстового Интернета. Дано описание гибрида, онлайн аспект которого, представляющий собой дефицитарную проекцию (неудачную реконструкцию) офлайн-идентичности, обычно упускается в исследованиях виртуальной идентичности. Виды смешанной идентичности, о которых идет речь, можно рассматривать в качестве «срезов» процесса решения пользователями задачи на идентичность в условиях гибридного общества. Их сравнение свидетельствует о том, что ощущение недостаточности любой из составляющих двумерной идентичности, будь то реальное или виртуальное Я, снижает чувство истинности гибридной идентичности в целом, а также о том, что в современных условиях обе эти части являются жизненно необходимыми, нуждаются в уравнивании, сбалансированности.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на установление особенностей гибридной онлайн-офлайн идентичности у респондентов, различающихся опытом использования Интернета (в частности, у интернет-зависимых), предпочтением тех или иных его сервисов. Заслуживает внимания связь видов гибридной онлайн-офлайн идентичности с личностными характеристиками пользователей, в частности с цифровым нарциссизмом, изученность которой в эмпирическом плане явно не соответствует значению, постулируемому исследователями в качественной форме.

Литература

- Афанасьева, А. А. (2010). Homo Virtualis: психологические характеристики. *Известия Саратовского университета*, 10, 59–64.
- Бауман, З. (2005). *Индивидуализированное общество*. М.: Логос.
- Белинская, Е. П. (2016). Взаимосвязь реальной и виртуальной идентичностей пользователей социальных сетей. *Образование личности*, 2, 31–40.

- Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания*. М.: Меддум.
- Богомолова, Е. И. (2014). Личностная идентичность в условиях виртуализации бытия. *Человек. Сообщество. Управление*, 2, 104–120.
- Бронин, И. Д. (2015). Психометрические показатели четвертой версии опросника стилей идентичности. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 1(3), 86–92.
- Войскунский, А. Е., Евдокименко, А. С., Федупина, Н. Ю. (2013). Сетевая и реальная идентичность. Сравнительное исследование. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(2), 98–121.
- Жижек, С. (1998). Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия. *Искусство кино*, 1, 120–126.
- Зудилина Н. В. (2012). Манифестация идентичности в Интернете: виртуальные проекции. *Теория и практика управления социальными системами: философия, психология, педагогика, социология*, 1, 68–74.
- Кастельс, М., Алексеева, А. (2013). Кастельс: Наша жизнь – гибрид виртуального и физического пространства. В сб.: Л. Н. Верченков, Д. В. Ефременко, В. И. Тищенко (отв. ред.). *Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества* (с. 43–55). М.: ИНИОН РАН.
- Коптева, Н. В., Калугин, А. Ю., Береснева, Е. Н. (2024). Шкала экспресс-оценки чувства онлайн-офлайн идентичности: теоретическое и эмпирическое обоснование. *Сибирский психологический журнал*, 94, 41–66. doi: 10.17223/17267080/94/3
- Коптева, Н. В., Калугин, А. Ю., Дорфман Л. Я. (2021). Невоплощенность в Интернете. Сообщение 2. Психометрическая проверка инструментария. *Клиническая и специальная психология*, 10(4), 205–233. doi: 10.17759/cpse.2021100410
- Коптева, Н. В., Калугин, А. Ю., Козлова, Л. А. (2023). Психометрическая проверка уточненной версии опросника «Невоплощенность в Интернете». *Клиническая и специальная психология*, 12(3), 165–187. doi: 10.17759/cpse.2022120308
- Косенчук, Л. Ф. (2014). Концепции виртуальной или сетевой идентичности: критический анализ. *Современные проблемы науки и образования*, 5, 693–693.
- Костерина, И. В. (2008). Публичность приватных дневников: об идентичности в блогах Рунета. *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*, 3, 183–191. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/publicnost-privatnyh-dnevnikov-ob-identichnosti-v-blogah-runeta.html>
- Лепехин Н. Н., Дубко А. В. (2011). Доверие к виртуальной идентичности в интернет-среде. *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 12(4), 145–151.
- Лэйнг, Р. Д. (2017). *Расколотое «Я». Экзистенциальное исследование «нормальности» и безумия. Феноменология переживания и Райская птичка*. М.: ИОИ.
- Мальгин, В. Л., Феклисов, К. А., Антоненко, А. А., Смирнова, Е. А., Хомерики Н. С. (2011). *Интернет-зависимое поведение: критерии и методы диагностики*. М.: МГМСУ.
- Перегудина, В. А. (2021). Опыт исследования идентичности личности активных интернет-пользователей. *Вестник Самарского государственного технического университета. Сер. Психолого-педагогические науки*, 18(3). 127–144. doi: 10.17673/vsgtu-prs.2021.3.9
- Петровская М. И. (2018). Психологические особенности Я-образа интернет-пользователей, играющих в ролевые компьютерные онлайн-игры. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*, 4(48).
- Рыльская Е. А., Погорелов Д. Н. (2021). Идентичность личности в виртуальном пространстве социальных сетей и реальная идентичность: сравнительные характеристики. *Ярославский педагогический вестник*, 118(1). 105–114. doi: 10.20323/1813-145X-2021-1-118-105-114

- Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н. (2018). Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы. *Образование и наука*, 5, 105–124.
- Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Илюхина, С. Н. (2022). Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых. *Культурно-историческая психология*, 18(4), 27–37. doi: 10.17759/chp.2022180403
- Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Илюхина, С. Н. (2024). Метаморфозы идентичности человека достроенного: от цифрового донора к цифровому кентавру. *Социальная психология и общество*, 15(4), 40–57. doi: 10.17759/sps.2024150404
- Фролова, И. В. (2018). Сетевая идентичность современного человека: философская рефлексия. *Ценности и смыслы*, 2, 26–38.
- Хоружий, С. С. (1997). Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности. *Вопросы философии*, 6, 53–69.
- Эрикссон, Э. (1996). *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс.
- Яппе, Г. (1998). Развитие фрейдовского Я. В кн.: А. М. Боковиков (отв. ред.). *Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1: Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие* (с. 433 – 462). М.: Менеджмент.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

*Поступила в редакцию 05.05.2025 г.; повторно 17.11.2025 г.;
принята 17.01.2026 г.*

Коптева Наталия Васильевна – профессор кафедры практической психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, доктор психологических наук, доцент.

E-mail: kopteva@pspu.ru

Береснева Елена Николаевна – ассистент кафедры практической психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

E-mail: elena.ber2012@yandex.ru

For citation: Kopteva, N. V., Beresneva, E. N. (2026). Types of Hybrid Online-Offline Identity. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 99, 83–106. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/99/5

Types of Hybrid Online-Offline Identity

N.V. Kopteva¹, E.N. Beresneva¹

¹ Perm State Humanitarian Pedagogical University, 24 Sibirskaya Str., Perm, 614000, Russian Federation

Abstract

In cyberpsychology, there is a significant amount of research on the virtual Self, the latent hybridity of which is manifested in its discussion together with the real Self. At the same time, issues related to the interaction of both identity modalities as part of the hybrid identity that unites them, as well as the types of the latter, have not received the necessary consideration. The actual "identity problem" (Z. Bauman) is solved by a person of the digital age, in particular, subordinating both parts of his Self in one way or another. Little is known about the resulting identity hybrids, not least due to the lack of necessary diagnostic tools. To establish and describe them, the article uses the author's "Scale of express assessment of the feeling of online offline identity." The methodology is based on classical statements about the subjective dimension of identity and the sense of Self that has a certain reliability, which arises at

the peak of the integration of a multitude of private Self images into a complex Self (Ericson). These provisions have been extended from the real identity to the virtual one and the hybrid identity that unites them. Four types of hybrid identity have been identified, differing in assessments of the sense of Self-truth online and offline, the size of the "gap" between aspects of mixed identity, the nature of their relationship, the level of Internet addiction on the S.H. Chen Scale, as well as the severity of technological disembodication according to the author's method "Disembodied on the Internet."

Of the two types of mixed identity with similar assessments of the sense of Self—truth offline and online, the high ones in the first type merge into a holistic feeling, and the low ones in the second, being interconnected, retain independence as part of a two-dimensional identity. Of the remaining types of identity, the core of the third is the prevailing sense of the truth of the online Self, the alternative Self is offline, and the fourth is the feeling of the offline Self, the periphery of which is a weakly related corresponding online feeling. The first type of hybrid identity, in comparison with the second, is less characterized by a tendency to Internet addiction, a preference for technological disincarnation and non-incarnation (virtualization). According to these characteristics, types of identity with a predominance of assessment of the truth of one of the aspects of a two-part identity occupy an intermediate position.

Keywords: virtuality; identity; cyberpsychology; hybridization; diagnostics

References

- Afanasieva, A. A. (2010). Homo Virtualis: psikhologicheskie kharakteristiki [Homo Virtualis: psychological characteristics]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, 10, 59–64.
- Back, M. D., Stopfer, J. M., Vazire, S., Gaddis, S., Schmukle, S. C., Egloff, B., Gosling, S. D. (2010). Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idealization. *Psychological Science*, 21(3), 372–374. doi:10.1177/0956797609360756
- Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society]. Moscow: Logos.
- Belinskaya, E. P. (2016). Vzaimosvyaz' real'noy i virtual'noy identichnostey pol'zovateley sotsial'nykh setey [Interrelation of real and virtual identities of social network users]. *Obrazovanie lichnosti*, 2, 31–40.
- Berger, P., & Luckmann, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge]. Moscow: Medium.
- Bhabha, Homi (1994). *The Location of Culture*. Routledge, New York.
- Bogomolova, E. I. (2014). Lichnostnaya identichnost' v usloviyakh virtualizatsii bytiya [Personal identity in conditions of virtualization of existence]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 2, 104–120.
- Bronin, I. D. (2015). Psikhometricheskie pokazateli chetvertoy versii oprosnika stiley identichnosti [Psychometric indicators of the fourth version of the Identity Styles Questionnaire]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(3), 86–92.
- Castells, M., & Alekseeva, A. (2013). Kastels: Nasha zhizn' – gibrud virtual'nogo i fizicheskogo prostranstva [Castells: Our life is a hybrid of virtual and physical space]. In L. N. Verchenov, D. V. Efremenko, & V. I. Tishchenko (Eds.), *Sotsial'nye seti i virtual'nye setevye soobshchestva* [Social networks and virtual network communities] (pp. 43–55). Moscow: INION RAN.
- Erikson, E. (1996). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow: Progress.
- Frolova, I. V. (2018). Setevaya identichnost' sovremennogo cheloveka: filosofskaya refleksiya [Network identity of modern man: philosophical reflection]. *Tsennosti i smysly*, 2, 26–38.
- Hall, S. (1994). Cultural Identity and Diaspora. *Colonial Discourse and Postcolonial Theory*. Columbia University Press. 392–403.

- Jappe, G. (1998). Razvitie freydovskogo Ya [The development of the Freudian ego]. In A. M. Bokovikov (Ed.), *Entsiklopediya glubinnoy psikhologii. T. 1: Zigmund Freyd: zhizn', rabota, nasledie* [Encyclopedia of depth psychology. Vol. 1: Sigmund Freud: life, work, legacy] (pp. 433–462). Moscow: Menedzhment.
- Jiao, H., Sameer, K., & Chuan, Hu (2021). A Literature Review of Online Identity Reconstruction. *Human-Media Interaction*, 12. doi: 10.3389/fpsyg.2021.696552
- Keen, A. (2012). *Digital vertigo: how today's online social revolution is dividing, diminishing, and disorienting us*. Macmillan.
- Khoruzhiy, S. S. (1997). Rod ili nedorod? Zametki k ontologii virtual'nosti [Genus or undergrowth? Notes on the ontology of virtuality]. *Voprosy filosofii*, 6, 53–69.
- Kopteva, N. V., Kalugin, A. Yu., & Beresneva, E. N. (2024). Scale for rapid assessment of sense of online-offline identity: theoretical and empirical justification. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 94, 41–66. (In Russian). doi: 10.17223/17267080/94/3
- Kopteva, N. V., Kalugin, A. Yu., & Dorfman, L. Ya. (2021). Nevoploshchennost' v Internete. Soobshchenie 2. Psikhometricheskaya proverka instrumentariya [Disembodiment on the Internet. Part 2. Psychometric validation of the tool]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*, 10(4), 205–233. doi: 10.17759/cpse.2021100410
- Kopteva, N. V., Kalugin, A. Yu., & Kozlova, L. A. (2023). Psikhometricheskaya proverka utochnennoy versii oprosnika “Nevoploshchennost' v Internete” [Psychometric validation of the revised version of the “Disembodiment on the Internet” questionnaire]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*, 12(3), 165–187. doi: 10.17759/cpse.2022120308
- Kosenchuk, L. F. (2014). Kontseptsii virtual'noy ili setevoy identichnosti: kriticheskiy analiz [Concepts of virtual or network identity: a critical analysis]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 5, 693–693.
- Kosterina, I. V. (2008). Publichnost' privatnykh dnevnikov: ob identichnosti v blogakh Runeta [Publicity of private diaries: on identity in Runet blogs]. *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture*, 3, 183–191. Retrieved from: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/publichnost-privatnykh-dnevnikov-ob-identichnosti-v-blogah-runeta.html> (Accessed: 22nd March 2026).
- Laing, R. D. (2017). *Raskolotoe “Ya”. Ekzistentsial'noe issledovanie “normal'nosti” i bezumiya. Fenomenologiya perezhivaniya i Rayskaya ptichka* [The Divided Self. An existential study of “normality” and madness. Phenomenology of experience and The Bird of Paradise]. Moscow: IOI.
- Lasch, C. (1979). *The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations*. New York & London: W.W. Norton & Co.
- Lepekhin, N. N., & Dubko, A. V. (2011). Doverie k virtual'noy identichnosti v internet-srede [Trust in virtual identity in the Internet environment]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 12(4), 145–151.
- Malygin, V. L., Feklisov, K. A., Antonenko, A. A., Smirnova, E. A., & Khomeriki, N. S. (2011). *Internet-zavisimoe povedenie: kriterii i metody diagnostiki* [Internet-addictive behavior: criteria and diagnostic methods]. Moscow: MGMSU.
- Manago, A. M., Graham, M. B., Greenfield, P. M., & Salimkhan, G. (2008). Self-Presentation and Gender on MySpace. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 29(6), 446–458. doi: 10.1016/j.appdev.2008.07.001
- Peregudina, V. A. (2021). Opyt issledovaniya identichnosti lichnosti aktivnykh internet-pol'zovateley [Research experience on the identity of active Internet users]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser. Psikhologo-pedagogicheskie nauki*, 18(3), 127–144. doi: 10.17673/vsgtu-pps.2021.3.9
- Petrovskaya, M. I. (2018). Psikhologicheskie osobennosti Ya-obraza internet-pol'zovateley, igrayushchikh v rolevye komp'yuternye onlayn-igry [Psychological characteristics of the

- self-image of Internet users playing role-playing online computer games]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4(48).
- Ryl'skaya, E. A., & Pogorelov, D. N. (2021). Identichnost' lichnosti v virtual'nom prostranstve sotsial'nykh setey i real'naya identichnost': sravnitel'nye kharakteristiki [Personal identity in the virtual space of social networks and real identity: comparative characteristics]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, 118(1), 105–114. doi: 10.20323/1813-145X-2021-1-118-105-114
- Soldatova, E. L., & Pogorelov, D. N. (2018). Fenomen virtual'noy identichnosti: sovremennoe sostoyanie problemy [The phenomenon of virtual identity: current state of the problem]. *Obrazovanie i nauka*, 5, 105–124.
- Soldatova, G. U., Chigarkova, S. V., & Ilyukhina, S. N. (2022). Ya-real'noe i Ya-virtual'noe: identifikatsionnye matritsy podrostkov i vzroslykh [Real self and virtual self: identification matrices of adolescents and adults]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 18(4), 27–37. doi: 10.17759/chp.2022180403
- Soldatova, G. U., Chigarkova, S. V., & Ilyukhina, S. N. (2024). Metamorfozy identichnosti cheloveka dostroennogo: ot tsifrovogo donora k tsifrovomu kentavru [Metamorphoses of the identity of the augmented human: from digital donor to digital centaur]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 15(4), 40–57. doi: 10.17759/sps.2024150404
- Stone, A. R. (1996). *The war of desire and technology at the close of the mechanical age*. MIT press.
- Stratton, J. (1997). The rise and rise of email affairs. *Media International Australia*, 84(1), 28–38.
- The Cambridge History of American Literature. (2008). *Cambridge Histories Online*. Cambridge University Press.
- Turkle, S. (1995). *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. New York: Simon & Schuster.
- Voiskunskiy, A. E., Evdokimenko, A. S., & Fedunina, N. Yu. (2013). Setevaya i real'naya identichnost'. Sravnitel'noe issledovanie [Network and real identity. A comparative study]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 10(2), 98–121.
- Wilson, R. E., Gosling, S.D., Graham, L.T. (2012). A Review of Facebook Research in the Social Sciences. *Perspectives on Psychological Science*, 7(3), 203–220. doi: 10.1177/1745691612442904
- Žižek, S. (1998). Kiberprostranstvo, ili Nevynosimaya zamknutost' bytiya [Cyberspace, or the unbearable closure of being]. *Iskusstvo kino*, 1, 120–126.
- Zudilina, N. V. (2012). Manifestatsiya identichnosti v Internete: virtual'nye proektsii [Manifestation of identity on the Internet: virtual projections]. *Teoriya i praktika upravleniya sotsial'nymi sistemami: filosofiya, psikhologiya, pedagogika, sotsiologiya*, 1, 68–74.

Received 05.05.2025; Revised 17.11.2025;
Accepted 17.01.2026

Natalia V. Kopteva – Professor of the Department of Practical Psychology of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. D. Sc. (Psychol.), Associate Professor.

E-mail: kopteva@pspu.ru

Elena N. Beresneva – Assistant of the Department of Practical Psychology of the Perm State Humanitarian Pedagogical University.

E-mail: elena.ber2012@yandex.ru

УДК 159.9.072

КЛАСТЕР ЛИЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ, ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ С ЦИФРОВЫМИ ЗАВИСИМОСТЯМИ

В.П. Шейнов¹, В.А. Карпиевич²

¹ *Республиканский институт высшей школы, Республика Беларусь, 220007, Минск, ул. Московская, 15*

² *Белорусский государственный технологический университет, Республика Беларусь, 220006, Минск, ул. Свердлова, 13а*

Резюме

Цифровые зависимости – зависимость от смартфона, зависимость от социальных сетей, зависимость от видеоигр – стали серьезной проблемой современного мира. Их формирование наносит пользователям существенный вред, особенно когда эти зависимости формируются в комплексе. Цель настоящей статьи – выявление кластера личностных свойств, взаимосвязанных с цифровыми зависимостями. Основой исследования послужили результаты онлайн-тестирования 2 181 респондента (средний возраст $M = 23,5$ года, $SD = 10,6$). Использованы: 1) опросники зависимостей от смартфона (автор В.П. Шейнов), соцсетей (В.П. Шейнов, А.С. Девицын), видеоигр (адаптация В.П. Шейнова, В.А. Карпиевича); 2) шкалы интеллектуальности (Р. Кеттелл), стресса и одиночества (В.А. Абабков), эмоционального интеллекта (Э. Холл). В исследовании выявлены для мужчин и женщин одинаково направленные связи каждой из трех цифровых зависимостей (ЗС, ЗСС и ЗВИ): положительные – с ощущением одиночества и воспринимаемым стрессом (и его факторами), отрицательные – с интеллектуальностью и эмоциональным интеллектом. Показано, что 8 личностных качеств (тревожность, депрессия, ощущение одиночества, воспринимаемый стресс, проблемы со сном, продолжительность ежедневных видеоигр, интеллектуальность и эмоциональный интеллект) образуют «кластер личностных свойств, взаимосвязанных с цифровыми зависимостями». К свойствам данного кластера относятся однотипные взаимосвязи входящих в него личностных свойств с тремя положительно связанными между собой цифровыми зависимостями (зависимость от смартфона, зависимость от социальных сетей, зависимость от видеоигр). Кластер личностных свойств, взаимосвязанных с цифровыми зависимостями, имеет наднациональный характер, поскольку аналогичные связи между всеми указанными переменными установлены и в зарубежных исследованиях. Существование подобного кластера означает, что любая из цифровых зависимостей влечет «букет» неблагоприятных свойств и связей и «прокладывает дорогу» формированию новых зависимостей, поскольку может легко дополняться и расширяться двумя другими зависимостями, имеющими психологическую связь. В *практическом плане* полученные результаты помогут лучшим образом осознать механизм формирования у молодых людей цифровых зависимостей и могут быть использованы в воспитательном процессе в учебных заведениях разного уровня.

Ключевые слова: зависимость; видеоигры; смартфон; социальные сети; ощущаемое одиночество; воспринимаемый стресс; интеллектуальность; эмоциональный интеллект

Введение

Цифровые зависимости (ЦЗ) – зависимость от смартфона, зависимость от социальных сетей, зависимость от видеоигр – стали серьезной проблемой современного мира. Их формирование наносит пользователям существенный вред, особенно когда эти зависимости формируются в комплексе. Данная проблема является актуальной, и в зарубежных исследованиях последних лет имеется много публикаций, которые показывают связи каждой из этих зависимостей с ощущением одиночества, воспринимаемым стрессом, интеллектуальностью, эмоциональным интеллектом.

Действительно, показано, что существует положительная корреляция между использованием *смартфона* и *одиночеством* (Шейнов, Девицын, 2021а; Dikeç, Yalıniz, Bektaş, Turhan, Çevik, 2017; Sezer, Şenbakar, 2023). Одиночество положительно связано с аддиктивным использованием *социальных сетей* (Andreassen et al., 2016; Lawrence et al., 2022). Зависимость от *видеоигр* также положительно связана с одиночеством (Andreassen et al., 2016; Wang, Sheng., Wang, 2019; Öz, Üstün, 2022; Châtel et al., 2024; Matsushita, 2025). При этом одиночество является положительным предиктором игровой зависимости (Niazi, Gul, Niazi, 2024).

Выявлен *стресс* в результате чрезмерного использования *смартфона* (Huang et al., 2022). Те, у кого высокий уровень стресса, с большей вероятностью будут зависимы от смартфонов (Jeong, Kim, Yum, Hwang, 2016). Социальный стресс положительно влияет на аддиктивное использование смартфона (Van Deursen, Bolle, Hegner, Kommers, 2015). Зависимость от *социальных сетей* связана с более выраженным психологическим стрессом (Wong et al., 2020). Установлено, что те, кто зависел от экранов социальных сетей, испытывал на 19% больше эмоционального стресса и на 14% больше перцептивного стресса (Khalili-Mahani, Smyrnova, Kakinami, 2019). *Видеоигры* связаны со стрессом: стресс увеличивает проблемы с играми (Chamargo et al., 2024; Matsushita, 2025). Полученные результаты свидетельствуют, что степень тяжести интернет-игр связана с более выраженным психологическим стрессом (Wong et al., 2020).

Нарушение *интеллектуальности* у зависимых от смартфонов похоже на то, что обнаруживается при других химических и поведенческих зависимостях, таких как алкогольная зависимость и *игровые* расстройства (Khoury, Couto, Santos, 2019). Исследования выявили обратную связь между исполнительными функциями (совокупностью когнитивных способностей, необходимых для контроля и саморегуляции поведения) и проблемным использованием сайтов *социальных сетей* (Aydn, Obuća, Voz, Ūnal-Aydn, 2020). Результаты исследования показывают, что цифровые игры могут повлиять на текущий (подвижный) интеллект (Fikkers, Piotrowski, Valkenburg, 2019).

Между показателями *эмоционального интеллекта* и зависимостью от *смартфона* имеет место обратная связь (Morales Rodríguez, Lozano, Linares Mingorance, Pérez-Mármol, 2020). Исследования показали, что эмо-

циональный интеллект отрицательно коррелирует с зависимостью от *социальных сетей* (Jarrar, Awobamise, Nweke, Tamim, 2022; Aziz, Nallaluthan, Kanapathy, Kho, Zainal, 2022) с корреляцией $-0,198$ среди взрослых (Tyagi, Meena, 2022) и у подростков (Piccerillo, Digennaro, 2024). Исследования также выявили отрицательную связь между компонентами эмоционального интеллекта и симптоматикой расстройства *видеоигр* (Gisbert-Pere, Vadenes-Ribera, Marti-Vilar, 2024).

Все приведенные результаты получены в зарубежных исследованиях, поэтому ввиду их теоретической и практической значимости естественно проверить, имеют ли они место в русскоязычном социуме.

Цель настоящей статьи – выявление кластера личностных свойств, взаимосвязанных с цифровыми зависимостями.

Материалы и методы исследования

Основой данного эмпирического исследования послужили результаты онлайн-тестирования 2 181 респондентов (средний возраст $M = 23,5$ года, $SD = 10,6$), в том числе 722 мужчин ($M = 23,1$, $SD = 10,2$) и 1 459 женщин ($M = 23,7$, $SD = 10,8$).

В исследовании использованы: короткая версия опросника *зависимости от смартфона* (Шейнов, 2021), опросник *зависимости от социальных сетей* (Шейнов, Девицын, 2021б), адаптированный авторами статьи опросник АПА *зависимости от компьютерных игр* (Шейнов, Карпиевич, 2025а), шкала В (*интеллектуальность*) опросника 16 PF Р. Кеттелла (Оленникова, 2010), русскоязычная версия опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10» (Аббатов, Барышникова, Воронцова-Венгер, Горбунов, Водопьянова, 2009), шкала субъективного ощущения одиночества (UCLA Loneliness Scale) – тест-опросник, разработанный Д. Расселлом, Л. Пепло, М. Фергюсоном, адаптация Н.Е. Водопьяновой (Аббатов и др., 2009), опросник Э. Холла измерения эмоционального интеллекта посредством самоотчета (Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2002, с. 57–59).

Статистический анализ проводился программами из пакета SPSS-22, принят уровень статистической значимости $p = 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Проведению корреляционного анализа мы предпослали проверку выборок на предмет их соответствия нормальному закону распределения. Одновыборочный критерий Колмогорова–Смирнова показал, что асимптотическое значение p меньше критического значения 0,05 для выборок всех рассматриваемых нами переменных, кроме эмоционального интеллекта, для которого $p = 0,119$ (общая выборка), $p = 0,504$ (мужская выборка), $p = 0,333$ (женская выборка).

Поэтому в работе с данными выборками использовали непараметрический ранговый критерий Кендалла (табл. 1).

Таблица 1

**Корреляции Кендалла цифровых зависимостей с личностными качествами
(общая выборка N = 2 181)**

Корреляции Кендалла	ЗВИ	ЗСС	ЗС	ОД	Воспринимаемый стресс	IQ	ЭИ
ЗВИ	1,000	0,311**	0,273**	0,360**	0,165**	-0,207**	-0,248**
ЗСС	0,311**	1,000	0,407**	0,337**	0,204**	-0,136**	-0,231**
ЗС	0,273**	0,407**	1,000	0,283**	0,260**	-0,103**	-0,163**
ОД	0,360**	0,337**	0,283**	1,000	0,328**	-0,138**	-0,342**
Воспринимаемый стресс	0,165**	0,204**	0,260**	0,328**	1,000	-0,107**	-0,195**
IQ	-0,207**	-0,136**	-0,103**	-0,138**	-0,107**	1,000	0,139**
ЭИ	-0,248**	-0,231**	-0,163**	-0,342**	-0,195**	0,139**	1,000

Примечание. ЗВИ – зависимость от видеоигр, ЗСС – зависимость от соцсетей, ЗС – зависимость от смартфона, ОД – одиночество, ЭИ – эмоциональный интеллект. Значимость: * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$

Корреляции Пирсона и Кендалла и для мужчин, и для женщин показывают одинаково направленные связи трех цифровых зависимостей (ЗС, ЗСС и ЗВИ): положительные – с одиночеством и воспринимаемым стрессом и его факторами, отрицательные – с коэффициентом интеллекта IQ и эмоциональным интеллектом.

Ввиду имеющихся различий в цифровых зависимостях у мужчин и женщин рассмотрим наличие возможных связей для каждой из групп.

Таблицы 2 и 3 свидетельствуют, что аналогичные представленным в табл. 1 по направленности и значимости корреляции Кендалла имеют место для мужской и женской выборок.

Таблица 2

**Корреляции Кендалла цифровых зависимостей с личностными качествами
(мужская выборка N = 722)¹**

Корреляции Кендалла	ЗВИ	ЗСС	ЗС	ОД	Воспринимаемый стресс	IQ	ЭИ
ЗВИ	1,000	0,372**	0,371**	0,435**	0,239**	-0,205**	-0,321**
ЗСС	0,372**	1,000	0,386**	0,408**	0,245**	-0,190**	-0,295**
ЗС	0,371**	0,386**	1,000	0,329**	0,293**	-0,164**	-0,214**
ОД	0,435**	0,408**	0,329**	1,000	0,385**	-0,192**	-0,399**
Воспринимаемый стресс	0,239**	0,245**	0,293**	0,385**	1,000	-0,196**	-0,230**
IQ	-0,205**	-0,190**	-0,164**	-0,192**	-0,196**	1,000	0,138**
ЭИ	-0,321**	-0,295**	-0,214**	-0,399**	-0,230**	0,138**	1,000

Примечание. ЗВИ – зависимость от видеоигр, ЗСС – зависимость от соцсетей, ЗС – зависимость от смартфона, ОД – одиночество, ЭИ – эмоциональный интеллект. Значимость: * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$

**Корреляции Кендалла цифровых зависимостей с личностными качествами
(женская выборка N = 1 459)¹**

Корреляции Кендалла	ЗВИ	ЗСС	ЗС	ОД	Воспри- маемый стресс	IQ	ЭИ
ЗВИ	1,000	0,302**	0,267**	0,327**	0,171**	-0,200**	-0,199**
ЗСС	0,302**	1,000	0,420**	0,299**	0,182**	-0,108**	-0,199**
ЗС	0,267**	0,420**	1,000	0,264**	0,240**	-0,078**	-0,144**
ОД	0,327**	0,299**	0,264**	1,000	0,306**	-0,107**	-0,312**
Воспри- маемый стресс	0,171**	0,182**	0,240**	0,306**	1,000	-0,071**	-0,187**
IQ	-0,200**	-0,108**	-0,078**	-0,107**	-0,071**	1,000	0,134**
ЭИ	-0,199**	-0,199**	-0,144**	-0,312**	-0,187**	0,134**	1,000

Примечание. ЗВИ – зависимость от видеоигр, ЗСС – зависимость от соцсетей, ЗС – зависимость от смартфона, ОД – одиночество, ЭИ – эмоциональный интеллект. Значимость: * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$

Полученные результаты показывают, что личностные свойства испытуемых имеют одинаковую связь со всеми тремя цифровыми зависимостями (ЗС, ЗСС и ЗВИ) и образуют своеобразный *кластер* личностных свойств: *объединение взаимно коррелированных личностных свойств, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определёнными характеристиками. К таким характеристикам относятся однотипные взаимосвязи образующих кластер свойств – ощущения одиночества, воспринимаемого стресса, интеллектуальности и эмоционального интеллекта – со всеми тремя цифровыми зависимостями.*

Авторами уже был выделен триединый концепт (конструкт), получивший название «Проблемный комплекс цифровых зависимостей», включающий в себя «зависимость от смартфона, зависимость от социальных сетей и зависимость от видеоигр, положительно коррелирующие между собой, а также с рядом свойств личности» (Шейнов, Карпиевич, 2025б).

Анализ проведенных исследований позволяет сделать вывод о том, что 8 личностных качеств (тревожность, депрессия, проблемы со сном, продолжительность ежедневных видеоигр, ощущение одиночества, воспринимаемый стресс, интеллектуальность и эмоциональный интеллект) образуют *кластер личностных качеств, взаимосвязанных с цифровыми зависимостями* (сокращенно – *кластер*).

К *свойствам* данного кластера относятся указанные выше взаимосвязи входящих в него личностных свойств с тремя цифровыми зависимостями (зависимость от смартфона, зависимость от социальных сетей, зависимость от видеоигр) и связи между этими свойствами.

Отражаемая представленными выше корреляциями различная направленность выявленных связей позволяет выделить *два подкластера*: 1) с личност-

ными свойствами, положительно связанными с тремя цифровыми зависимостями (тревожность, депрессия, ощущение одиночества, воспринимаемый стресс и его факторы, проблемы со сном, продолжительность ежедневных видеоигр); 2) со свойствами, отрицательно связанными с цифровыми зависимостями (интеллектуальность и эмоциональный интеллект). Все эти свойства внутри подкластера положительно связаны между собой.

В то же время ЦЗ имеют между собой положительную корреляцию, а также опосредованно взаимосвязаны с выявленными проблемными свойствами личности.

Эти результаты получены нами для русскоязычных респондентов. В нашей предыдущей статье (Шейнов, Карпиевич, 2025б) было отмечено, что в ряде зарубежных исследований показаны (по отдельности) положительные связи цифровых зависимостей с тревожностью, депрессией, проблемами со сном, продолжительностью ежедневных видеоигр, что указывало на наднациональный характер «Проблемного комплекса цифровых зависимостей».

Покажем, что аналогичная ситуация имеет место для рассматриваемых в настоящей статье свойств: ощущения одиночества, воспринимаемого стресса, интеллектуальности и эмоционального интеллекта.

Действительно, показано, что существует положительная корреляция между *одиночеством* и зависимостью от *смартфона* (Dikeç G. et al., 2017; Sezer, Şenbakar, 2023). Одиночество положительно связано с аддиктивным использованием *социальных сетей* (Andreassen et al., 2016; Lawrence et al., 2022) и зависимостью от *видеоигр* (Andreassen et al., 2016; Wang, Sheng., Wang, 2019; Öz, Üstün, 2022; Châtel et al., 2024; Matsushita, 2025; Niazi, Gul, Niazi, 2024). При этом одиночество является положительным предиктором игровой зависимости.

Воспринимаемый *стресс* положительно связан с аддиктивным использованием *смартфона* (Van Deursen et al., 2015; Jeong et al., 2016; Huang et al., 2022), с зависимостью от *социальных сетей* (Khalili-Mahani, Smyrnova, Kakinami, 2019; Wong et al., 2020) и *видеоиграми* (Wong et al., 2020; Chamarro et al., 2024; Matsushita, 2025).

Исследования выявили обратную связь между *интеллектуальностью* и зависимостью от смартфонов (Khoury, Couto, 2019), проблемным использованием сайтов *социальных сетей* (Aydın et al., 2020) и *видеоиграми* (Fikkers, Piotrowski, Valkenburg, 2019).

Обратная связь имеет место и между измерениями *эмоционального интеллекта* и зависимостью от *смартфона* (Morales Rodríguez et al., 2020), зависимостью от *социальных сетей* (Jarrar et al., 2022; Tyagi, Meena, 2022; Aziz et al., 2022; Piccerillo, Digennaro, 2024) и симптоматикой расстройства *видеоигр* (Gisbert-Pere, Badenes-Ribera, Marti-Vilar, 2024).

Таким образом, все результаты, полученные в настоящем исследовании для русскоязычного социума, соответствуют аналогичными результатами, полученными в множестве исследований, проведенных в других странах.

Это дает основание утверждать, что выделенный нами кластер личностных качеств, взаимосвязанных с цифровыми зависимостями, имеет наднациональный характер. Данное утверждение касается всех входящих в кластер личностных свойств: тревожности, депрессии, стресса, переживания одиночества, проблем со сном, продолжительности игрового времени, интеллектуальности, эмоционального интеллекта.

Отметим, что показанные в табл. 1–3 взаимосвязи являются весьма устойчивыми. В частности, все установленные нами взаимосвязи воспринимаемого стресса сохраняются и для двух его компонентов: перенапряжения и противодействия стрессу.

Интерес представляет также степень выраженности изучаемых проблемных свойств у мужчин и женщин. Данные для сравнения представлены в табл. 4, где статистически значимые случаи превышения показателей у одного из полов выделены полужирным шрифтом.

Таблица 4

Сравнение средних значений личностных свойств мужчин и женщин

Свойства личности	Пол	N	Средние значения	p
Зависимость от видеоигр	Мужчины	722	2,85	0,000
	Женщины	1459	1,63	
Зависимость от соцсетей	Мужчины	722	33,74	0,792
	Женщины	1459	33,91	
Зависимость от смартфона	Мужчины	722	17,63	0,000
	Женщины	1459	19,32	
Ощущение одиночества	Мужчины	722	20,90	0,004
	Женщины	1459	19,08	
Перенапряжение	Мужчины	722	15,14	0,000
	Женщины	1459	16,56	
Противодействие стрессу	Мужчины	722	11,58	0,258
	Женщины	1459	11,39	
Воспринимаемый стресс	Мужчины	722	26,72	0,000
	Женщины	1459	27,96	
Интеллектуальность	Мужчины	722	6,77	0,004
	Женщины	1459	7,06	
Эмоциональный интеллект	Мужчины	722	23,58	0,000
	Женщины	1459	29,24	

Примечание. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые случаи превышения показателей личностных свойств у одного пола над другим

Из табл. 4 видно, что у мужчин более выраженными являются зависимость от видеоигр и ощущение одиночества, а у женщин – зависимость от смартфона, воспринимаемого стресса (и его фактора «перенапряжение»), интеллектуальности и эмоционального интеллекта.

В табл. 5 показана взаимосвязь цифровых зависимостей с возрастом пользователей.

Корреляции r Пирсона и τ Кендалла между цифровыми зависимостями и возрастом (N = 2 181)

Корреляции	ЗВИ	ЗСС	ЗС
r	-0,061**	-0,185**	-0,219**
p	0,005	0,000	0,000
τ	-0,069**	-0,076**	-0,107**
p	0,000	0,000	0,000
<i>Примечание.</i> Значимость: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$			

Таблица 5 показывает, что с возрастом в целом уменьшаются зависимости от всех трех компонентов проблемного цифрового комплекса (от смартфона, социальных сетей и видеоигр).

Выводы

Исследование выявило, что целый ряд личностных качеств – тревожность, депрессия, воспринимаемый стресс, переживание одиночества, проблемы со сном, продолжительность игрового времени, интеллектуальность и эмоциональный интеллект – образуют *кластер личностных свойств, взаимосвязанных с цифровыми зависимостями*.

К свойствам данного кластера относятся однотипные взаимосвязи входящих в него личностных свойств с тремя положительно связанными между собой цифровыми зависимостями (зависимость от смартфона, зависимость от социальных сетей, зависимость от видеоигр).

В ходе исследования удалось выявить *два подкластера* зависимостей. Первый включает в себя личностные свойства, положительно связанные с цифровым комплексом: тревожность, депрессия, воспринимаемый стресс, ощущение одиночества, проблемы со сном, продолжительность игрового времени. Второй – личностные свойства, отрицательно связанные с цифровым комплексом: интеллектуальность и эмоциональный интеллект. При этом в каждом подкластере свойства положительно взаимосвязаны между собой.

Кластер личностных свойств, взаимосвязанных с цифровыми зависимостями, имеет наднациональный характер, поскольку аналогичные связи между всеми указанными переменными установлены и в зарубежных исследованиях.

Существование подобного кластера означает, что любая из цифровых зависимостей влечет «букет» неблагоприятных свойств и связей и «прокладывает дорогу» формированию новых зависимостей, поскольку может легко дополняться и расширяться двумя другими зависимостями, имеющими психологическую связь.

В *практическом плане* полученные результаты помогут лучшим образом осознать механизм формирования у молодых людей цифровых зависимостей и могут быть использованы в воспитательном процессе в учебных заведениях разного уровня.

Имеет место статистически значимая бóльшая выраженность у мужчин зависимости от видеоигр и ощущения одиночества, а у женщин – зависимости от смартфона, воспринимаемого стресса (и его фактора «перенапряжение»), интеллектуальности и эмоционального интеллекта.

Отмечено, что с возрастом происходят изменения со всеми тремя цифровыми зависимостями в сторону уменьшения, причем у женщин это выражено сильнее.

Расширение и изучение кластера личностных свойств видятся перспективными, особенно в контексте цифровых зависимостей.

Литература

- Абабков, В. А., Барышникова, К., Воронцова-Венгер, О. В., Горбунов, И. А., Водопьянова Н. Е. (2009). *Психодиагностика стресса*. СПб.: Питер.
- Оленникова М. В. (сост.) (2010). *Лучшие психологические тесты: диагностика интеллекта, личностные опросники, шкала для самотестирования, тесты для отбора кадров*. М.: АСТ; СПб.: Сова.
- Фетискин, Н. П., Козлов, В. В., Мануйлов, Г. М. (2002). *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. М.: Изд-во Ин-та психотерапии.
- Шейнов, В. П. (2021). Короткая версия опросника «Шкала зависимости от смартфона». *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда, 1*, 97–115. doi: 10.38098/igran.orgwr.2021.18.1.005
- Шейнов, В. П., Девицын, А. С. (2021а). Личностные свойства и состояние здоровья у страдающих зависимостью от смартфона. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология, 6(1)*, 171–191. doi: 10.38098/igran.sep.2021.21.1.007
- Шейнов, В. П., Девицын, А. С. (2021б). Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей. *Системная психология и социология, 2*, 41–55. doi: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.04
- Шейнов, В. П., Карпиевич, В. А. (2025а). Адаптация в русскоязычном социуме опросника АПА зависимости от компьютерных игр. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология, 2*, 83–90.
- Шейнов, В. П., Карпиевич, В. А. (2025б). Личностные корреляты цифровых зависимостей школьников. *Сибирский психологический журнал, 95*, 61–77. doi: 10.17223/17267080/95/4

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 20.10.2025 г.; повторно 22.12.2025 г.; принята 17.01.2026 г.

Шейнов Виктор Павлович – профессор кафедры педагогического мастерства Республиканского института высшей школы, доктор социологических наук, кандидат физико-математических наук, профессор.

E-mail: sheinov1@mail.ru

Карпиевич Виктор Александрович – доцент кафедры философии и права Белорусского государственного технологического университета, кандидат исторических наук, доцент.

E-mail: karpievich68@yandex.by

For citation: Sheinov, V. P., Karpievich, V. A. (2026). A Cluster of Personality Traits Associated with Digital Addictions. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 99, 107–119. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/99/6

A Cluster of Personality Traits Associated with Digital Addictions

V.P. Sheinov¹, V.A. Karpievich²

¹ *Republican Institute of Higher Education, 15, Moskovskaya Str., Minsk, 220007, Republic of Belarus*

² *Belarusian State Technological University, 13a, Sverdlova Str., Minsk, 220006, Republic of Belarus*

Abstract

Digital addictions – smartphone addiction, social media addiction, and video game addiction – are widespread in modern society, causing significant harm to their users, especially if the user has more than one addiction. The purpose of this article is to identify a cluster of personality traits associated with these addictions. The study is based on the results of online testing of 2.181 respondents (mean age $M = 23.5$ years, $SD = 10.6$). The following were used: 1) questionnaires on addictions to: smartphones (author V.P. Sheynov), social networks (V.P. Sheynov, A.S. Devitsyn), video games (adapted by V.P. Sheynov, V.A. Karpievich); 2) scales: intelligence (Cattell), stress and loneliness (V.A. Ababkov), emotional intelligence (E. Hall). The study found similarly directed relationships for each of the three digital addictions (ZS, ZSS, and ZVI) for both men and women: positive relationships with loneliness and perceived stress (and its factors), and negative relationships with intelligence and emotional intelligence. Eight personality traits (anxiety, depression, loneliness, perceived stress, sleep problems, daily video game playing time, intelligence, and emotional intelligence) were shown to form a "cluster of personality traits interrelated with digital addictions." The properties of this cluster include uniform relationships between its constituent personality traits and three positively related digital addictions (smartphone addiction, social media addiction, and video game addiction). The cluster of personality traits interrelated with digital addictions is supranational in nature, as similar relationships between all of these variables have been established in international studies. The existence of such a cluster means that any digital addiction entails a "bouquet" of unfavorable properties and connections and "paves the way" for the formation of new addictions, as it is psychologically linked to the other two addictions and can therefore be complemented by them. In practical terms, the results obtained in this study can be used in efforts to prevent the development of digital addictions in schoolchildren and students. Disseminating the results of this study should contribute to the credibility of this educational intervention.

Keywords: addiction; video games; smartphone; social media; feelings of loneliness; perceived stress; intelligence; emotional intelligence

References

- Ababkov, V. A., Baryshnikova, K., Vorontsova-Venger, O. V., Gorbunov, I. A., & Vodopyanova, N. E. (2009). *Psikhodiagnostika stressa* [Psychodiagnostics of stress]. St. Petersburg: Piter.
- Andreassen, C. S., Billieux, J., Griffiths, M. D., Kuss, D. J., Demetrovics, Z., Mazzoni, E., & Pallesen, S. (2016). The relationship between addictive use of social media and video games and symptoms of psychiatric disorders: A large-scale cross-sectional study. *Psychology of addictive behaviors*, 30(2), 252–262. doi: 10.1037/adb0000160

- Aydın, O., Obuća, F., Boz, C., & Ünal-Aydın, P. (2020). Associations between executive functions and problematic social networking sites use. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 42(6), 634–645. doi: 10.1080/13803395.2020.1798358
- Aziz, A. A., Nallaluthan, K., Kanapathy, K., Kho, F. C. Y., Zainal, M. (2022). The digital media platforms and students emotional intelligence during covid-19 pandemic in Malaysia. *Jurnal Pendidikan Bitara UPSI*, 15(2), 1–12. doi: 10.37134/bitara.vol15.2.1.2022
- Chamarro, A., Díaz-Moreno, A., Bonilla, I., Cladellas, R., Griffiths, M. D., Gómez-Romero, M. J., & Limonero, J. T. (2024). Stress and suicide risk among adolescents: the role of problematic internet use, gaming disorder and emotional regulation. *BMC public health*, 24(1), 326. doi: 10.1186/s12889-024-17860-z
- Châtel, B. D., Janssen, J. H., Peeters, G. M., Corten, R., Tieben, R., Deen, M., ... & Rikkert, M. G. O. (2024). Social Gaming to Decrease Loneliness in Older Adults: Recruitment Challenges and Attrition Analysis in a Digital Mixed Methods Feasibility Study. *JMIR Serious Games*, 12(1), e52640. doi: 10.2196/52640
- Dikeç, G., Yalınz, T., Bektaş, B., Turhan, A., & Çevik, S. (2017). Relationship between smartphone addiction and loneliness among adolescents. *Bağımlılık Dergisi*, 18(4), 103–111.
- Fetiskin, N. P., Kozlov, V. V., & Manuylov, G. M. (2002). *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnostics of personality and small group development]. Moscow: Institute of Psychotherapy.
- Fikkers, K. M., Piotrowski, J. T., & Valkenburg, P. M. (2019). Child's play? Assessing the bidirectional longitudinal relationship between gaming and intelligence in early childhood. *Journal of Communication*, 69(2), 124–143. doi: 10.1093/joc/jqz003
- Gisbert-Perez, J., Badenes-Ribera, L., & Marti-Vilar, M. (2024). Emotional intelligence and gaming disorder symptomatology: A systematic review and meta-analysis. *Adolescent Research Review*, 9(4), 621–646. doi: 10.1007/s40894-024-00233-3
- Huang, S., Lai, X., Ke, L., Qin, X., Yan, J. J., Xie, Y., ... & Wang, Y. (2022). Smartphone stress: concept, structure, and development of measurement among adolescents. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 16(5). doi: 10.5817/CP2022-5-1
- Jarrar, Y., Awobamise, A., Nweke, G. E., & Tamim, K. (2022). Motivations for social media use as mediators in the relationship between emotional intelligence and social media addiction. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 12(4), e202243. doi: 10.30935/ojcm/12580
- Jeong, S. H., Kim, H., Yum, J. Y., & Hwang, Y. (2016). What type of content are smartphone users addicted to?: SNS vs. games. *Computers in human behavior*, 54, 10–17. doi: 10.1016/j.chb.2015.07.035
- Khalili-Mahani, N., Smyrnova, A., & Kakinami, L. (2019). To each stress its own screen: a cross-sectional survey of the patterns of stress and various screen uses in relation to self-admitted screen addiction. *Journal of Medical Internet Research*, 21(4), e11485. doi: 10.2196/11485
- Khoury, J. M., Couto, L. F. S. C., Santos, D. D. A. (2019). Bad choices make good stories: The impaired decision-making process and skin conductance response in subjects with smartphone addiction. *Frontiers in Psychiatry*, 10, 73. doi: 10.3389/fpsy.2019.00397
- Lawrence, D., Hunter, S. C., Cunneen, R., Houghton, S. J., Zadow, C., Rosenberg, M., ... & Shilton, T. (2022). Reciprocal relationships between trajectories of loneliness and screen media use during adolescence. *Journal of Child and Family Studies*, 31(5), 1306–1317. doi: 10.1007/s10826-021-02066-3
- Matsushita, S. (2025). Associations between Social Isolation, Loneliness, and Addiction. *Brain and nerve = Shinkei kenkyu no shinpo*, 77(2), 141–147. doi: 10.11477/mf.188160960770020141

- Morales Rodríguez, F. M., Lozano, J. M. G., Linares Mingorance, P., & Pérez-Mármol, J. M. (2020). Influence of smartphone use on emotional, cognitive and educational dimensions in university students. *Sustainability*, 12(16), 6646. doi: 10.3390/su12166646
- Niazi, A., Gul, M., & Niazi, Y. (2024). The Association Between Loneliness, Social Anxiety, and Gaming Addiction in Male University Students. *Bulletin of Business and Economics (BBE)*, 13(1), 901–906. doi: 10.61506/01.00304
- Olenikova, M. V. (Eds.). (2010). *Luchshie psikhologicheskie testy: diagnostika intellekta, lichnostnye oprosniki, shkala dlya samotestirovaniya, testy dlya otbora kadrov* [Best psychological tests: intelligence diagnostics, personality questionnaires, self-testing scale, personnel selection tests]. Moscow: AST; St. Petersburg: Sova.
- Öz, N. D., & Üstün, F. (2022). Investigation of the relationship between university students' mobile gaming motivations and loneliness levels. *Physical Education of Students*, 26(4), 196–206. doi: 10.15561/20755279.2022.0405
- Piccerillo, L., & Digennaro, S. (2024). Adolescent social media use and emotional intelligence: a systematic review. *Adolescent Research Review*, 201–218. doi: 10.1007/s40894-024-00245-z
- Sezer, S. Y., & Şenbakar, K. (2023). Assessment of Mobile Phone Usage and Loneliness Levels of Faculty of Sports Sciences Students. *International e-Journal of Educational Studies*, 7(15), 730–737. doi:10.31458/iejes.1344541
- Sheynov, V. P. (2021). Korotkaya versiya oprosnika “Shkala zavisimosti ot smartfona” [Short version of the “Smartphone Dependence Scale”]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda*, 1, 97–115. doi: 10.38098/ipran.opwp.2021.18.1.005
- Sheynov, V. P., & Devitsyn, A. S. (2021a). Lichnostnye svoystva i sostoyanie zdorov'ya u stradayushchikh zavisimost'yu ot smartfona [Personality traits and health status of those suffering from smartphone addiction]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 6(1), 171–191. doi: 10.38098/ipran.sep.2021.21.1.007
- Sheynov, V. P., & Devitsyn, A. S. (2021b). Razrabotka nadezhnogo i validnogo oprosnika zavisimosti ot sotsial'nykh setey [Development of a reliable and valid questionnaire for social network addiction]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya*, 2, 41–55. doi: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.04
- Sheynov, V. P., & Karpievich, V. A. (2025a). Adaptatsiya v russkoyazychnom sotsiume oprosnika APA zavisimosti ot komp'yuternykh igr [Adaptation of the APA questionnaire for computer game addiction in the Russian-speaking society]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya*, 2, 83–90.
- Sheynov, V. P., & Karpievich, V. A. (2025b). Personality correlates of digital addictions in schoolchildren. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 95, 61–77. doi: 10.17223/17267080/95/4
- Tyagi, T., & Meena, S. (2022). Online social networking and its relationship with mental health and emotional intelligence among female students. *Clinical Epidemiology and Global Health*, 17, 101131. doi: 10.1016/j.cegh.2022.101131
- Van Deursen, A. J., Bolle, C. L., Hegner, S. M., & Kommers, P. A. (2015). Modeling habitual and addictive smartphone behavior: The role of smartphone usage types, emotional intelligence, social stress, self-regulation, age, and gender. *Computers in Human Behavior*, 45, 411–420. doi: 10.1016/j.chb.2014.12.039
- Wang, J. L., Sheng, J. R., & Wang, H. Z. (2019). The association between mobile game addiction and depression, social anxiety, and loneliness. *Frontiers in Public Health*, 7, 247. doi: 10.3389/fpubh.2019.00247
- Wong, H. Y., Mo, H. Y., Potenza, M. N., Chan, M. N. M., Lau, W. M., Chui, T. K., ... & Lin, C. Y. (2020). Relationships between severity of internet gaming disorder, severity of problematic social media use, sleep quality and psychological distress. *International*

Journal of Environmental Research and Public Health, 17(6), 1879. doi: 10.3390/ijerph17061879

*Received 20.10.2025; Revised 22.12.2025;
Accepted 17.01.2026*

Viktor P. Sheinov – Professor of the Department of psychology and pedagogical skills, Republican Institute of Higher Education; Sc.D. (Sociol.). Cand. Sc. (Physic. and Mathematic.), Professor.

E-mail: sheinov1@mail.ru

Viktor A. Karpievich – Associate Professor of the Department of Philosophy and Law, Belarusian State Technological University. Cand. Sc. (Histor.), Associate Professor.

E-mail: karpievich68@yandex.by

УДК 159.9.07

ВЛИЯНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СОСТОЯНИЙ НА ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ УСПЕШНОСТЬ ОБЩЕНИЯ¹

Л.В. Артищева¹, К.Р. Валеева¹

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420021, Казань, ул. М. Межлаука, 1

Резюме

Исследование коммуникативных состояний в контексте успешности общения является значимым для понимания специфики и механизмов влияния психических состояний, возникающих в процессе коммуникации, на личностные характеристики участников взаимодействия и эффективность общения в целом. Анализ коммуникативных состояний позволяет выявить их роль в формировании успешных стратегий межличностного взаимодействия. Изучено влияние психических состояний на характеристики общения, определяющие успешность его протекания, в мужских и женских группах. В исследовании использовались контент-анализ, частотный, корреляционный, дисперсионный и структурный анализы, а также апостериорный критерий Бонферрони. В исследовании приняли участие 90 студентов 4-го курса (52 девушки и 38 юношей) в возрасте 20–23 лет (средний возраст – 21,6 лет), обучающихся по направлениям «Психология», «Программная инженерия» и «Ветеринария». Установлено, что наиболее часто в процессе общения переживаются состояния радости, заинтересованности, тревоги и спокойствия. Коммуникативному взаимодействию преимущественно сопутствуют аффективные психические состояния как положительной, так и отрицательной окрашенности различной интенсивности. Корреляционный и структурный анализы показали, что показатели успешности общения «умение понимать собеседника» и «рефлексия сферы чувств в общении» имеют наибольшее количество связей с компонентами психического состояния. Структурообразующей характеристикой психических состояний выступает категория переживания психических состояний. Выявлены различия в корреляционных структурах мужской и женской выборок: структура мужской группы является более сложной и включает большее число взаимосвязей. Дисперсионный анализ выявил, что интенсивность психического состояния в общении оказывает статистически значимое влияние на умение выстраивать межличностные границы. Показана специфика структуры взаимосвязей характеристик успешности общения с компонентами психических состояний, переживаемых в коммуникативном взаимодействии. Интенсивность психических состояний способствует развитию навыков осознания и обозначения межличностных границ, что повышает успешность коммуникативного взаимодействия.

Ключевые слова: психические состояния; общение; коммуникативные состояния; успешное общение; эмпатия, рефлексия; аффективные состояния; межличностные границы; коммуникативные навыки

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 25-28-00893 «Психология состояний общения: феноменологические и системно-структурные характеристики», <https://rscf.ru/project/25-28-00893/>

Введение

Общение рассматривается как составляющая любой деятельности и как самостоятельная деятельность (Леонтьев, 1997; Журавлев, 2020). Главной характеристикой общения является выстраивание человеком своих отношений с другими людьми. Общение выступает условием познания действительности, формирования эмоционального отклика на эту действительность и на поведение людей в ней, условием для обмена информацией, опытом, знаниями, условием для решения профессиональных и жизненных задач. Общение как коммуникативный процесс может рассматриваться в качестве центрального феномена антропологических концепций (Кошельская, Муравьева, Мареева, 2018). В образовательной среде коммуникативные трудности обучающихся и требования к их преодолению выделяются как самостоятельный фактор успешности взаимодействия (Санина, Расторгуева, 2023).

Успешность и эффективность общения обусловлены многими факторами. Ряд ученых считает, что для успешного общения нужно воспитать в людях такие качества, которые позволят им понимать состояния других (Бодалев, 1995). Общение в определенной мере формирует личность, так как в процессе общения люди влияют друг на друга, происходит обмен чувствами, эмоциями, настроением, состоянием, раскрываются их потенциал, личностные качества. Более узкие исследования направлены на изучение особенностей коммуникативных состояний и их регуляцию в различных ситуациях общения: при взаимодействии с роботом (Шимрова, 2020), в профессиональном общении (Бубнова, 2021; Сербиновская, Сербиновский, Тимохина, 2020), общении между лидером и членами команды (Robinson, 2020), общении в рамках образовательной деятельности (Буравлева, 2015), в межличностном общении (Агеева, Костюнина, 2015; Кричевец, Солодушкина, 2015; Головина, 2019; Бубнова, 2021). Все эти и многие другие исследования показали факт влияния состояний на эффективность общения. Значимость качества общения подтверждается и в прикладных контекстах: в исследованиях пациент-центрированной коммуникации показаны связи коммуникативных практик с компетентностью и исходами в сфере здоровья (Aidoo, Wood, Issaka, 2025).

Коммуникативные состояния выступают в трех ипостасях: как состояния, побуждающие человека к установлению контакта (детерминирующие коммуникативную потребность), как состояния, сопровождающие общение, и как состояния, выступающие результатом коммуникативного взаимодействия (Артищева, 2025). Психические состояния могут быть реакцией на коммуникативную ситуацию, определять ее успешность или неуспешность, а также развиваться уже после общения. Они связаны с мотивами и потребностями личности и во многом зависят от ее характеристик: эмпатии, рефлексивности, способности к саморегуляции, развитости эмоционального интеллекта и особенностей когнитивного стиля. Характер этих состояний задается ситуацией общения и накопленным у индивида опытом взаимодействия (Артищева, 2025).

Что же такое «успешность в общении», или же «коммуникативная успешность»? Понятие «коммуникативная успешность» напрямую связано с социальной адаптированностью человека, его способностью эффективно взаимодействовать с окружающими, выстраивать межличностные отношения и справляться с трудностями, возникающими в процессе общения (Lin, Lachman, 2023; Zhang, Zhao, Deng, Yuan, Yang, 2024). Это согласуется с данными о роли психологического благополучия и удовлетворенности жизнью в восприятии повседневных стрессоров и межличностных взаимодействий (Головей, Петраш, Стрижицкая, Савеньшева, Муртазина, 2018). Интерес к этому феномену в последние годы существенно вырос, о чем свидетельствуют работы О. Stavrova, D. Ren (2023), А. Merolla и соавт. (2024), S. Peng, А. Roth (2025) и других исследователей. Коммуникативную успешность можно рассматривать как показатель достижения цели общения и получения признания от партнеров по коммуникации. Т.М. Ляшенко (2016) предлагала оценивать ее как характеристику коммуникативного акта с точки зрения полезности и значимости возникающих в процессе общения феноменов для всех его участников. Не менее важным фактором является коммуникативная направленность личности. Она отражает ценностные ориентации и установки, задающие стиль взаимодействия с окружающими (Ахмадеева, Башкатов, 2021). Существенную роль в общении играет эмпатия (Merolla, Neubauer, Otmar, 2024; Liang, Grayson, Kussman, Mildner, Tamir, 2024).

Исследования М.И. Лисиной (2009) показали, что уже в детском возрасте у ребенка формируется потребность во внимании, уважении и взаимопонимании. Коммуникативная успешность рассматривается как результат коммуникативной деятельности, который обеспечивается определенным уровнем коммуникативной компетентности. Последняя, в свою очередь, является более широким понятием и включает коммуникативную успешность как один из ее элементов. На успешность протекания процесса общения влияет множество факторов, начиная с темы общения, отношения к собеседнику, настроения его участников и заканчивая личностными характеристиками людей, включенных в общение (Stavrova, Ren, 2023; Peng, Roth, 2025). К ним относятся эмпатия, рефлексия, направленность личности в общении и многие другие, затрагивающие как способность планировать и четко придерживаться «плана» общения, так и понимание индивидуального смысла общения как такового (Lin, Lachman, 2023; Liang et al., 2024; Баранова, В. А., Дубовская, Е. М., Савина, 2023).

Таким образом, успешность общения обуславливается рядом личностных характеристик, с одной стороны, и психическими состояниями – с другой. Проведенное исследование направлено на изучение взаимосвязей между коммуникативными состояниями и психологическими характеристиками, определяющими качество (конкретно – успешность) общения (эмпатия, рефлексия и т.д.).

Материалы и методы

Выборка. Исследование проводилось на базе Казанского (Приволжского) федерального университета и Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана в г. Казани. В исследовании приняли участие 90 студентов (52 девушки и 38 юношей) 4-го курса, обучающиеся по направлениям «Программная инженерия», «Психология» и «Ветеринария». Возраст испытуемых 20–23 года, средний возраст 21,6.

Методы и дизайн исследования. Для выявления связи коммуникативных состояний и характеристик успешности общения использовался комплекс методик. Все использованные методики были переведены в Google-формы.

Методики:

1. Был создан мини-опросник, где респонденты называли типичное для них психическое состояние, которое они переживают в общении.

2. Названные психические состояния оценивались по 18 шкалам методики «Рельеф психического состояния» А.О. Прохорова (краткий вариант). Методика позволяет оценить основные стороны-компоненты психического состояния: психические процессы, физиологические реакции, переживания и поведение.

3. Характеристики успешности общения измерялись с помощью методик:

– Шкала эмоционального отклика А. Меграбян, – направлена на изучение эмпатических способностей испытуемого, содержит одну основную шкалу;

– Диагностика особенностей общения В.Н. Недашковского, – изучает коммуникативные способности личности, в частности рефлексивность, эмпатию и другие характеристики, проявляющиеся или оказывающие влияние на процесс общения, содержит пятнадцать шкал;

– Диагностика уровня развития рефлексивности А.В. Карпова, – измеряет уровень развития рефлексивности у личности, содержит пять шкал.

Дизайн исследования. Испытуемым было предложено обозначить чаще переживаемые в процессе общения психические состояния и оценить их по шкалам опросника «Рельеф психического состояния». На следующем этапе исследовались характеристики, обуславливающие успешность общения.

Обработка данных. Для выявления типичных состояний в общении применялись контент-анализ и частотный анализ, на основе которых была составлена статистика частоты упоминания того или иного состояния, присущего респондентам в процессе общения. Контент-анализ частично осуществлялся с использованием онлайн платформы Webscript.ru, функция «Анализатор текста», что позволило исключить слова, состоящие из одной или двух букв, и сделать первичный частотный подсчет. Далее объединялись в одну категорию синонимичные состояния, для такой категоризации использовался «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, онлайн-версия.

Данные методик и контент-анализа были собраны в один сводный протокол. Использовались контент-анализ, частотный, корреляционный, дис-

персионный и структурный анализы, анализ с использованием апостериорного критерия Бонферрони. Методы статистической обработки информации, задействованные в исследовании: метод описательной статистики, коэффициент корреляции г-Пирсона, однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с использованием F-критерия Фишера и апостериорного критерия Бонферрони.

Для подсчета и анализа организованности структуры взаимосвязей между показателями применялся метод *подсчитывания индексов организованности структуры* (ИОС), предложенный А.В. Карповым. Формула выглядит следующим образом:

$$\text{ИОС (индекс организованности структуры)} = \text{ИКС} + \text{ИДС}, \\ \text{ИКС} = \text{ИКС1} + \text{ИКС2} + \text{ИКС3}; \text{ИДС} = \text{ИДС1} + \text{ИДС2} + \text{ИДС3}.$$

ИКС – индекс когерентности структуры, который определялся путем суммирования количества прямых корреляционных связей с учетом их значимости. ИДС – индекс дивергентности структуры, который определялся путем суммирования количества обратных корреляционных связей с учетом их значимости. Связям, значимым на уровне 5% ($p \leq 0,05$), приписывался коэффициент 1 балл (ИКС1, ИДС1); связям, значимым на уровне 1% ($p \leq 0,01$), приписывался коэффициент 2 балла (ИКС2; ИДС2); связям, значимым на уровне 0,1% ($p \leq 0,001$), приписывался коэффициент 3 балла (ИКС3, ИДС3).

На первом этапе изучались данные общей выборки респондентов. Были определены типичные состояния общения, выявлены корреляционные связи, структурообразующие показатели, организованность структуры, показано влияние зависимой переменной на независимые.

На втором этапе вся выборка была поделена на две подгруппы по половому признаку, исследовалась структура отношений психических состояний и характеристик успешности общения: корреляционные связи, индекс организованности структуры и структурообразующие показатели.

Результаты исследования

Типичные психические состояния в общении. В результате контент-анализа выявлено, что респонденты в процессе общения испытывают самые разные состояния, отличающиеся как по уровню психической активности (низкая, средняя, высокая), так и по «знаку» (положительный, отрицательный). Общее число выделенных состояний составляет 114. Исходя из полученной статистики, было выделено и описано 10 наиболее часто встречающихся состояний по всей выборке испытуемых (табл. 1). Для описания использовалась классификация, представленная А.О. Прохоровым в работе «Психология состояний».

В ходе общения респонденты чаще сталкиваются со следующими категориями состояний: положительные (радость, заинтересованность, спокойствие, вовлеченность, воодушевление), отрицательные состояния (тревога, грусть, злость, скука, страх); психическая активность охватывает все три

уровня: высокий, средний и низкий. Доминирующими состояниями, сопровождающими общение, являются радость, заинтересованность и тревога: общение связано с положительными эмоциями, познавательной активностью, но в то же время с напряжением и беспокойством.

Таблица 1

Характеристика коммуникативных состояний

№	Состояние	Частота встречаемости	Знак (+ / -)	Уровень психической активности	Категория
1	Радость	97,78%	+	Высокий	Аффективные (эмоциональные)
2	Заинтересованность	35,56%	+	Средний	Мыслительные (вербальные)
3	Тревога	33,33%	-	Высокий	Аффективные (эмоциональные)
4	Спокойствие	17,78%	+	Средний	Аффективные (эмоциональные)
5	Грусть	15,56%	-	Низкий	Волевые (мотивационные)
6	Злость	11,11%	-	Высокий	Аффективные (эмоциональные)
7	Скука	11,11%	-	Низкий	Волевые (мотивационные)
8	Страх	8,89%	-	Высокий	Аффективные (эмоциональные)
9	Вовлеченность	5,56%	+	Средний	Мыслительные (вербальные)
10	Воодушевление	4,44%	+	Высокий	Волевые (практические)

Корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции *r*-Пирсона. Для отражения особенностей взаимосвязей между коммуникативными состояниями, их составляющими и личностными характеристиками, обуславливающими успешность общения (далее – характеристики общения) были построены корреляционные плеяды для респондентов женского пола, мужского пола, а также для всей выборки. Так как анализ эмпирического материала с использованием критерия К–S Колмогорова–Смирнова показал, что данные в исследовании обладают нормальным распределением, для выполнения корреляционного анализа был выбран параметрический коэффициент корреляции *r*-Пирсона.

На рис. 1 отражена взаимосвязь коммуникативных состояний с характеристиками общения.

Коммуникативные состояния имеют значимую связь с характеристиками общения, а именно с показателями «умение понимать собеседника» и «умение строить межличностные границы». Умение понимать собеседника обусловлено рядом характеристик состояний: управляемостью поведения, оптимистичностью, подъемом переживаний и скоординированностью дви-

жений при общении. Ощущения способствуют выстраиванию межличностных границ.

Рис. 1. Связь коммуникативных состояний с характеристиками общения (общая выборка).
 — прямая связь. Полужирный шрифт – показатели, имеющие связь значимостью $p \leq 0,001$ с коммуникативными состояниями, обычный шрифт – показатели, имеющие связь значимостью $p \leq 0,01$

На рис. 2 показана взаимосвязь коммуникативных состояний с характеристиками общения в женской (а) и мужской (б) выборках.

Рис. 2. Связь коммуникативных состояний с характеристиками общения в женской (а) и мужской (б) выборках.

— прямая связь. Полужирный шрифт – показатели, имеющие связь значимостью $p \leq 0,001$ с личностными характеристиками, обычный шрифт – показатели, имеющие связь значимостью $p \leq 0,01$

Сравнение двух выборок показало, что коммуникативные состояния взаимосвязаны с различными характеристиками общения: у женщин с эмпатией, а у мужчин с рефлексией. В женской выборке коммуникативные состояния обуславливают проявление эмпатии в общении, что характеризуется протеканием мыслительных процессов и скованностью–раскованностью переживаний. В мужской выборке коммуникативные состояния обуславливают рефлекссию сферы чувств в общении, которая связана

с различными составляющими состояний: психическими процессами (мышление, представления, восприятие, речь), физиологическими реакциями (ощущения со стороны ЖКТ, координация движений) и переживаниями (сонливость–бодрость). В мужской выборке большее число показателей коммуникативных состояний имеет связь с характеристикой успешности общения.

Структурная организация отношений коммуникативных состояний и их составляющих с характеристиками успешности общения. Организованность структуры взаимосвязей компонентов коммуникативных состояний и характеристик успешности общения в общей выборке, а также в выборках женского и мужского пола представлена в табл. 2. Для подсчета организованности структуры использовался метод, предложенный А.В. Карповым.

Таблица 2

Организованность структуры взаимосвязей компонентов коммуникативных состояний и характеристик успешности общения

Выборки	$p \leq 0,05$	$p \leq 0,01$	$p \leq 0,001$	ИОС	Структурообразующие показатели
Общая выборка	42	19	3	64	<i>Характеристики общения:</i> «умение понимать собеседника», «рефлексия сферы чувств в общении». <i>Характеристики состояний:</i> переживания («опускает-поднимает»), «интенсивность протекания психического состояния» (среднее средних характеристик состояний)
Выборка женского пола	25	13	3	41	<i>Характеристики общения:</i> «проявление процесса эмпатии в общении», «адекватное понимание ситуации общения». <i>Характеристики состояний:</i> физиологические реакции («окраска кожных покровов»), переживания («опускает-поднимает»), поведение («неуправляемость-управляемость»)
Выборка мужского пола	42	15	5	62	<i>Характеристики общения:</i> «особенности посланий в общении», «рефлексия сферы чувств в общении». <i>Характеристики состояний:</i> психические процессы («представление»), поведение («неадекватность-адекватность»), «интенсивность протекания психического состояния» (среднее средних характеристик состояний)

Организованность корреляционной структуры общей выборки респондентов обусловлена связями на уровне $p \leq 0,05$. Выборка мужского пола характеризуется наибольшим количеством взаимосвязей на всех уровнях значимости в сравнении с выборкой женского пола. Структура отношений характеристик успешности общения и составляющих коммуникативных

состояний в женской выборке разрозненная, менее организованная, со слабо выраженными структурообразующими показателями (низкое число взаимосвязей), в отличие от структуры мужской выборки. Корреляционная структура в мужской выборке более сложно организована, что может быть признаком жесткой и четкой системы взаимосвязей между коммуникативными состояниями и характеристиками успешности общения.

Структурообразующими показателями в *общей выборке* из числа характеристик общения являются «умение понимать собеседника» и «рефлексия сферы чувств в общении», – эти показатели имеют наибольшее количество экстернатальных связей с компонентами коммуникативного состояния. Показатель «умение понимать собеседника» связан прямыми связями с пятью компонентами коммуникативного состояния: «ощущение», «восприятие», «тяжесть–легкость переживаний», «пассивность–активность поведения» и «интенсивность протекания психического состояния», – на уровне значимости $p \leq 0,05$. Также «умение понимать собеседника» имеет прямые связи на уровне значимости $p \leq 0,01$ с четырьмя компонентами коммуникативного состояния: «координация движений», «грустность–оптимистичность переживаний», «переживания опускают–поднимают» и «неуправляемость–управляемость поведения». Показатель «рефлексия сферы чувств в общении» имеет три прямые и одну обратную связи с компонентами коммуникативного состояния «восприятие», «температурные ощущения», «тоскливость–веселость переживаний» и «печаль–задорность переживаний» на уровне значимости $p \leq 0,05$; а также три прямые связи с компонентами коммуникативного состояния: «мышление», «речь» и «состояние мышечного тонуса» на уровне значимости $p \leq 0,01$.

Структурообразующими показателями в *общей выборке* из числа компонентов состояний имеет показатель «опускает–поднимает», относящийся к шкале переживания состояний. Данный показатель имеет две прямые связи с показателями «эмпатия» и «особенности посланий в общении» на уровне значимости $p \leq 0,05$, одну прямую связь с показателем «умение понимать собеседника» и одну обратную связь с показателем «создание межличностных границ» на уровне значимости $p \leq 0,01$. «Интенсивность протекания психического состояния» имеет две прямые экстернатальные связи с показателями «умение понимать собеседника» и «умение строить межличностные границы» на уровне значимости $p \leq 0,05$. Наибольшее число корреляций с характеристиками общения имеют следующие компоненты коммуникативных состояний: психические процессы (10 психических процессов из 10 задействуются в процессе общения) и сфера переживаний (7 характеристик переживаний из 10 актуализируются в процессе общения). Физиологические реакции и поведение в меньшей степени актуализируются в коммуникативном процессе в *общей выборке* (по 6 характеристик каждой категории из 10).

Рассмотрим далее корреляционную структуру *женской и мужской выборок*.

Структурообразующими показателями из числа характеристик общения в *выборке женского пола* являются «проявление процесса эмпатии в обще-

нии» и «адекватное понимание ситуации общения». Они имеют наибольшее количество экстернатальных связей с компонентами коммуникативных состояний. Показатель «проявление процесса эмпатии в общении» имеет три прямые связи с показателями «четкость восприятия», «речь», «интенсивность протекания психического состояния» на уровне значимости $p \leq 0,05$, одну прямую связь с показателем «мышление» на уровне значимости $p \leq 0,01$, две прямые связи с показателями «представление» и «скованность–раскованность переживаний» на уровне значимости $p \leq 0,001$. Показатель «адекватное понимание ситуации общения» имеет три обратные связи с компонентами коммуникативного состояния: «память», «расслабленность–напряженность поведения» и «неуверенность–уверенность поведения» на уровне значимости $p \leq 0,05$, одну обратную связь и одну прямую связь с показателями «представление» и «неадекватность–адекватность поведения» соответственно на уровне значимости $p \leq 0,01$.

Структурообразующие показатели в выборке женского пола из числа компонентов состояний – «окраска кожных покровов», «опускает–поднимает переживания» и «неуправляемость–управляемость поведения». Показатель «окраска кожных покровов», относящийся к категории физиологических реакций при протекании коммуникативного состояния, имеет три связи с такими характеристиками успешности общения, как «умение понимать собеседника», «особенности посланий в общении» и «проявление общей рефлексии в общении», на уровне значимости $p \leq 0,01$. Показатель «опускает–поднимает», отражающий степень переживаемости коммуникативного состояния, имеет обратную и прямую связи с показателями, относящимися к характеристикам успешности общения – «создание межличностных границ» и «ретроспективная рефлексия деятельности», на уровне значимости $p \leq 0,01$, обратную связь с показателем «рефлексия сферы чувств в общении» на уровне значимости $p \leq 0,05$. Показатель «неуправляемость–управляемость», отражающий категорию поведенческих проявлений при протекании коммуникативного состояния, имеет прямые связи со следующими показателями из числа характеристик успешности общения: «эмпатия» и «умение понимать собеседника» на уровне значимости $p \leq 0,01$; прямую связь с показателем «особенности посланий в общении» на уровне значимости $p \leq 0,05$. «Интенсивность протекания психического состояния» имеет три прямые экстернатальные связи с показателями «проявление общей рефлексии в общении», «проявление процесса эмпатии в общении» и «общая рефлексивность» на уровне значимости $p \leq 0,05$.

Характеристики успешности общения в выборке женского пола имеют наибольшее количество взаимосвязей с психическими процессами (7 психических процессов из 10 задействованы в процессе общения), переживаниями (8 характеристик переживаний из 10 актуализируются в процессе общения) и поведением (7 характеристик поведения из 10 проявляются в процессе общения). Наименьшей актуализированностью в процессе общения в женской выборке обладает сфера физиологических реакций (3 компонента из 10).

Структурообразующими показателями в выборке мужского пола являются «особенности посланий в общении» и «рефлексия сферы чувств в общении». Эти показатели имеют наибольшее количество экстернатальных связей с компонентами коммуникативных состояний: показатель «особенности посланий в общении» имеет семь обратных связей с показателями «память», «эмоциональные процессы», «координация движений», «состояние потоотделения», «напряженность–раскрепощенность переживаний», «импульсивность–размеренность поведения» и «расслабленность–напряженность поведения» на уровне значимости $p \leq 0,05$, две обратные связи с показателями «волевые процессы» и «непоследовательность–последовательность поведения» на уровне значимости $p \leq 0,01$. Показатель «рефлексия сферы чувств в общении» имеет девять прямых связей с показателями «воображение», «температурные ощущения», «состояние мышечного тонуса», «двигательная активность», «тоскливость–веселость переживаний», «опускает–поднимает переживания», «тяжесть–легкость переживаний», «скованность–раскованность переживаний» и «пассивность–активность поведения» на уровне значимости $p \leq 0,05$, шесть прямых связей с показателями «восприятие», «представление», «координация движений», «ощущения со стороны ЖКТ», «сонливость–бодрость переживаний» и «интенсивность протекания психического состояния» на уровне значимости $p \leq 0,01$, две прямые связи с показателями «мышление» (2,5) и «речь» уровне значимости $p \leq 0,001$.

Структурообразующими показателями из числа компонентов коммуникативного состояния в выборке мужского пола выступают «представление» и «неадекватность–адекватность поведения». Показатель «представление», относящийся к степени выраженности психических процессов в коммуникативном состоянии, имеет прямые связи с показателями «умение понимать собеседника» и «умение воспринимать и понимать себя» на уровне значимости $p \leq 0,05$, с показателями «рефлексия мышления в момент общения» и «рефлексия сферы чувств в общении» на уровне значимости $p \leq 0,01$, прямую связь с показателем «проявление общей рефлексии в общении» на уровне значимости $p \leq 0,001$. Показатель «неадекватность–адекватность», отражающий поведенческие проявления при протекании коммуникативного состояния, имеет обратные связи с показателями «эмпатия», «рефлексия настоящей деятельности» на уровне значимости $p \leq 0,05$ и «общая рефлексивность» на уровне значимости $p \leq 0,01$, прямую связь с показателями «рефлексия мышления в момент общения» на уровне значимости $p \leq 0,05$. Интенсивность протекания психического состояния имеет одну прямую экстернатальную связь с показателем «рефлексия сферы чувств в общении» на уровне значимости $p \leq 0,01$.

Характеристики успешности общения в выборке мужского пола имеют наибольшее количество взаимосвязей с психическими процессами (9 психических процессов из 10 задействованы в процессе общения), физиологическими реакциями (7 физиологических реакций из 10 проявляются в процессе общения) и переживаниями (8 характеристик переживаний из 10 актуализируются в процессе общения). В отличие от выборки женского пола,

в выборке мужского пола характеристики поведения в процессе общения проявляются в меньшей степени (5 компонентов из 10).

Однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с использованием F-критерия Фишера. Для определения влияния фактора (или же независимой переменной; в данном случае в качестве независимой переменной выступает среднее значение по компонентам коммуникативного состояния, или же интенсивность коммуникативного состояния) на зависимые переменные (характеристики успешности общения), был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с использованием F-критерия Фишера.

Респонденты были поделены на три равные группы (по 30 испытуемых в каждой, общее количество – 90 человек) на основании уровня интенсивности коммуникативного состояния. В первую группу с низким уровнем интенсивности коммуникативного состояния вошли испытуемые, средние значения которых по указанному признаку находились в пределах от 3,7 до 7,2. Во вторую группу со средним уровнем интенсивности коммуникативного состояния вошли испытуемые, средние значения которых по указанному признаку находились в пределах от 7,3 до 7,95. В третью группу с высоким уровнем интенсивности коммуникативного состояния вошли испытуемые, средние значения которых по указанному признаку находились в пределах от 7,97 до 9,75.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) с использованием F-критерия Фишера позволили сделать следующие выводы. Значимое влияние независимой переменной (интенсивность коммуникативного состояния) обнаружилось только на одну зависимую переменную (характеристики общения), а именно на показатель «умение строить межличностные границы» (табл. 3).

Таблица 3

**Результаты однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA)
с использованием F-критерия Фишера**

Признак (независимая переменная)	Зависимая переменная	F	Знач.
Уровень интенсивности коммуникативного состояния	Умение строить межличностные границы	3,264	0,043

Для корректировки множественных сравнений был дополнительно проведен анализ с использованием апостериорного критерия Бонферрони (табл. 4, 5).

Таблица 4

Средние значения по искомому показателю у групп с низким, средним и высоким уровнями интенсивности коммуникативных состояний

Характеристика успешного общения	Уровень интенсивности коммуникативных состояний		
	Низкий	Средний	Высокий
Умение строить межличностные границы	8,5667	9,6667	10,6333

Корректировка множественных сравнений с использованием критерия Бонферрони

Характеристика успешного общения	Уровень интенсивности коммуникативного состояния		Средняя разность (I-J)	Знач.
	Низкий	Высокий		
Умение строить межличностные границы	8,5667	10,6333	-2,06667*	0,037
<i>Примечание.</i> * различия статистически значимы при $p \leq 0,05$ с поправкой Бонферрони				

Из табл. 3–5 следует, что интенсивность коммуникативного состояния достоверно влияет на такую характеристику общения, как умение строить межличностные границы, причем достоверные различия наблюдаются между группами с низкой и высокой интенсивностью протекания коммуникативного состояния. Испытуемые, переживающие в процессе общения коммуникативные состояния высокой интенсивности, демонстрируют лучшие навыки в построении межличностных границ по сравнению с участниками, находящимися в состояниях низкой интенсивности.

Обобщенный анализ всех результатов показал следующее. Состояния высокой интенсивности влияют на умение выстраивать межличностные границы. Данная характеристика имеет значимую связь с психическими состояниями в общей выборке, но не проявлена в отдельно взятых группах и не является структурообразующей. Выявлена закономерность: характеристики успешности общения, имеющие значимую взаимосвязь с коммуникативными состояниями, также выступают и структурообразующими, что проявлено в общей выборке, отдельно в мужской и женской. В общей выборке это показатель «умение понимать собеседника», в мужской группе – «рефлексия сферы чувств в общении», в женской – «проявление процесса эмпатии в общении». В данном случае допустимо говорить о наличии механизма, способствующего успешному коммуникативному взаимодействию: определенный эмоциональный фон обуславливает взаимопонимание общающихся, что обеспечивается через переживания, поведение и физиологические проявления в общении. В женской группе данный механизм срабатывает при актуализации эмпатийных процессов, а в мужской – рефлексивных.

Обсуждение результатов

Полученные в ходе исследования результаты позволяют расширить имеющиеся представления об общении, о психических состояниях, связанных с процессом общения. Подтверждается, что общение – это не просто акт передачи информации от одного участника к другому, а более комплексное, многогранное явление, сопровождаемое разнообразием коммуникативных состояний, определяемое как разной степенью выраженности

психологических характеристик, обуславливающих успешность общения, так и полом и иными личностными качествами.

Общению свойственны как положительные, так и негативные состояния разного уровня психической активности, однако преобладающей категорией психических состояний, проявляющих себя в общении, являются аффективные (эмоциональные) состояния, что согласуется с выводами Г.М. Андреевой и А.А. Бодалева о том, что для межличностных отношений наиболее важной является их эмоциональная основа.

Ключевыми характеристиками успешности общения, связанными с коммуникативными состояниями, являются способности к рефлексии, эмпатии, построению межличностных границ и адекватному пониманию процесса общения. Это дополнительно подтверждает значимость эмпатийных и рефлексивных тенденций для установления взаимопонимания между участниками общения и их эффективного взаимодействия. Показатели, относящиеся к сфере эмпатии и рефлексии, например умение понимать собеседника, имеют большое количество связей с характеристикой коммуникативных состояний – психическими процессами (память, четкость восприятия, воображение, речь, ощущение), что говорит о том, что процесс общения требует от человека активной обработки информации и анализа контекста ситуация для достижения поставленных в общении целей и его эффективности.

Также мы можем предположить, что мужчины и женщины обладают особенностями, от которых зависят выбор коммуникативного стиля, стратегии поведения в ситуации общения и степень выраженности важных для коммуникации психологических характеристик, что может иметь культурное, историческое или иное объяснение.

Интенсивность протекания коммуникативного состояния оказывает значимое влияние на умение строить межличностные границы у собеседников: высокая эмоциональная и когнитивная вовлеченность человека в процесс общения может способствовать более четкому осознанию и восприятию своих и чужих границ, что будет помогать ему лучше распознавать свои потребности и эффективнее защищаться от нежелательного воздействия извне, о чем ранее писали А.Ж. Merolla, А.В. Neubauer, С.Д. Otmar (2024), S. Peng, A. R. Roth (2025).

Перспектива дальнейших исследований может заключаться в поиске и разъяснении причин, определяющих уровень интенсивности протекания коммуникативного состояния в общении. Данное исследование дополняет представления о роли психических состояний в общении и коммуникативной успешности в психологической науке. Полученные результаты могут быть использованы для разработки тренингов и обучающих программ по развитию коммуникативных навыков, которые будут учитывать влияние психических состояний на коммуникативное взаимодействие и обусловленность коммуникации от психологических характеристик, необходимых в успешном общении между людьми.

Заключение

В общении проявляются преимущественно аффективные (эмоциональные) психические состояния разного уровня психической активности как с положительным, так и с отрицательным знаком. Наиболее часто встречающимися в общении являются следующие психические состояния: радость, заинтересованность, тревога, спокойствие, грусть, злость, скука, страх, вовлеченность и воодушевление, которые можно отнести к коммуникативным состояниям.

Коммуникативные состояния имеют значимую связь с показателями успешности общения «умение понимать собеседника» и «умение строить межличностные границы». Характеристики успешности общения демонстрируют наличие значимых взаимосвязей со всеми составляющими коммуникативного состояния, что позволяет говорить об общении как о сложном и многоаспектном явлении, затрагивающем все компоненты психического состояния, переживаемого человеком в коммуникативном акте.

Система отношений коммуникативных состояний с характеристиками успешности общения имеет структурообразующие показатели, которые связаны с эмпатией, рефлексией и пониманием сути и целей общения. Выявлена закономерность: характеристики успешности общения, имеющие значимую взаимосвязь с коммуникативными состояниями, также выступают и структурообразующими, что проявлено в общей выборке, отдельно в мужской и женской.

Каждая из структур отношений коммуникативных состояний с характеристиками успешности общения обладает своими особенностями в зависимости от половой принадлежности. Наименее организованной структурой обладает выборка женского пола. Женская выборка, вероятно, является более гибкой, адаптивной и включает в себя дополнительные психологические характеристики, играющие важную роль для успешности процесса общения, но не рассмотренные в рамках исследования.

Выявлено непосредственное влияние уровня интенсивности протекания коммуникативного состояния на характеристики общения. Уровень интенсивности состояний достоверно влияет на умение строить межличностные границы в коммуникативном взаимодействии.

Показан механизм, способствующий успешному коммуникативному взаимодействию: компоненты психического состояния (легкость и оптимистичность переживания, управляемость поведения и физиологические проявления) создают определенное коммуникативное состояние, позволяющее достичь понимания в общении. В женской группе данный механизм срабатывает при актуализации эмпатийных процессов, а в мужской – рефлексивных.

Литература

- Агеева, Л. Г., Костюнина, Е. А. (2015). Взаимосвязь психических состояний и особенностей межличностного общения старших подростков сельской школы. *Молодой ученый*, 23(103), 864–868. URL: <https://moluch.ru/archive/103/23946>

- Артищева, Л. В. (2025). Теоретические обоснования категории «состояния общения». *Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Педагогика. Психология*, 2, 133–140. doi: 10.35634/2412-9550-2025-35-2-133-140
- Ахмадеева, Е. В., Башкатов, С. А. (2021). Личностные характеристики и структура самопредъявления студентов. *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*, 3(163), 196–217. doi: 10.25588/CSPU.2021.163.3.012
- Баранова, В. А., Дубовская, Е. М., Савина, О. О. (2023). Удовлетворенность общением подростков и молодежи во время пандемии COVID-19. *Национальный психологический журнал*, 18(2), 66–78. doi: 10.11621/nprj.2023.0205
- Бодалев, А. А. (1995). *Личность и общение*. М.: Междунар. пед. академия. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_34531/
- Бубнова, И. А. (2021). Психолингвистический подход к исследованию агрессии как специфической формы речевого общения в публичной дипломатии. *Вопросы психолингвистики*, 4(50), 38–55. doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-38-55
- Буравлева, Н. А. (2015). Развитие коммуникативной компетентности обучающихся в ходе образовательного процесса. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Педагогика, психология*, 3, 205–209. <https://vektornaukipedagogika.ru/jour/article/download/544/494>
- Головей, Л. А., Петраш, М. Д., Стрижицкая, О. Ю., Савеньшева, С. С., Муртазина, И. Р. (2018). Роль психологического благополучия и удовлетворенности жизнью в восприятии повседневных стрессоров. *Консультативная психология и психотерапия*, 26(4), 8–26. doi: 10.17759/cpp.2018260402
- Головина, Н. М. (2019). Парламентские «непарламентские выражения»: речевая агрессия как риторическая стратегия в парламентском дискурсе. *Вопросы психолингвистики*, 3(41), 200–215. doi: 10.30982/2077-5911-2019-41-3-200-215
- Журавлев, И. В. (2020). Теория речевого общения Е. Ф. Тарасова: методология и перспективы развития. *Вопросы психолингвистики*, 2(44), 16–26. doi: 10.30982/2077-5911-2020-44-2-16-26
- Кошельская, Т. В., Муравьева, О. И., Мареева, Л. В. (2018). Коммуникация как центральный феномен современных антропологических концепций. *Сибирский психологический журнал*, 67, 77–88. doi: 10.17223/17267080/67/6
- Кричевец, А. Н., Солодушкина, М. В. (2015). Отношение «Я–Другой» в одной специальной ситуации общения. *Консультативная психология и психотерапия*, 23(5), 290–306. doi: 10.17759/cpp.2015230513
- Леонтьев, А. А. (1997). *Психология общения* (2-е изд., испр. и доп.). М.: Смысл. URL: <https://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=ru&blang=ru&page=Book&id=49891>
- Лисина, М. И. (2009). *Формирование личности ребенка в общении*. СПб.: Питер. URL: <https://www.litres.ru/book/m-i-lisina/formirovanie-lichnosti-rebenka-v-obschenii-4471176/>
- Ляшенко, Т. М. (2016). Коммуникативная успешность как характеристика коммуникативного акта. *Педагогика и просвещение*, 1, 106–113. doi: 10.7256/2306-434X.2016.1.17688
- Санина, С. П., Расторгуева, М. Д. (2023). Коммуникативные трудности в обучении младших школьников. *Психологическая наука и образование*, 28(5), 142–153. doi: 10.17759/pse.2023280511
- Сербиновская, Н. В., Сербиновский, Б. Ю., Тимохина, С. С. (2020). Повышение эффективности речевого общения оператора в состоянии эмоционального напряжения: серия и методика. *Вестник науки и образования Северо-Запада России*, 6(3), 35–44.
- Шимрова, Л. А. (2020). Коммуникативные состояния при взаимодействии человека с роботом. В сб.: Н. В. Борисова, М. И. Воловикова, А. Л. Журавлева (ред.). *Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления* (с. 488–494). М.: Когито-Центр. doi: 10.38098/univ.2020.55.72.037

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

*Поступила в редакцию 17.11.2025 г.; повторно 17.01.2026 г.;
принята 20.01.2026 г.*

Артищева Лира Владимировна – доцент кафедры общей психологии Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: ladylira2013@yandex.ru

Валеева Ксения Рустемовна – ассистент кафедры общей психологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: xenia.valeeva@bk.ru

For citation: Artishcheva, L. V., Valeeva, K. R. (2026). The Impact of Communicative States on Personal Characteristics Ensuring Communication Success. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 99, 120–139. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/99/7

The Impact of Communicative States on Personal Characteristics Ensuring Communication Success¹

L.V. Artishcheva¹, K.R. Valeeva¹

¹ *Kazan (Volga Region) Federal University, 1, M. Mezhlauka St., Kazan, 420021, Russian Federation*

Abstract

The study of communicative states in the context of communication success is important for understanding the specific features and mechanisms through which mental states arise in the communication process that influence the personal characteristics of interacting participants and the overall effectiveness of communication. The analysis of communicative states makes it possible to identify their role in the formation of successful strategies of interpersonal interaction. The present study aims to examine the influence of mental states on communication characteristics that determine the success of communicative interaction in male and female groups. The study employed content analysis, frequency analysis, correlational analysis, analysis of variance (ANOVA), and structural analysis, as well as post hoc analysis using the Bonferroni correction. The sample consisted of 90 fourth-year university students (52 females and 38 males) ages 20–23 (mean age = 21.6), enrolled in Psychology, Software Engineering, and Veterinary Medicine programs. It was found that the mental states most frequently experienced in communication include joy, interest, anxiety, and calmness. Communicative interaction was predominantly accompanied by affective mental states of both positive and negative valence and varying intensity. Correlational and structural analyses demonstrated that the communication success indicates ability to understand the interlocutor and reflection of the emotional sphere in communication have the greatest number of associations with the components of mental states. The experiential dimension of mental states was identified as the structure-forming characteristic. Differences were revealed between the correlational structures of the male and female samples: the correlational structure of the male group was more complex and included a greater number of interrelations. Analysis of variance showed that the intensity of mental states during communication has a statistically significant effect on the ability to establish interpersonal boundaries. The study reveals the specific structure of relationships between communication success characteristics and the components

¹ The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (No. 25-28-00893), “Psychology of communication states: phenomenological and system-structural characteristics”, <https://rscf.ru/project/25-28-00893/>

of mental states experienced in communicative interaction. The intensity of mental states contributes to the development of skills related to awareness and articulation of interpersonal boundaries, thereby enhancing the success of communicative interaction.

Keywords: mental states; communication; communicative states; communication success; empathy; reflection; affective states; interpersonal boundaries; communicative skills

References

- Ageeva, L. G., & Kostyunina, E. A. (2015). Vzaimosvyaz' psikhicheskikh sostoyaniy i osobennostey mezhlichnostnogo obshcheniya starshikh podrostkov sel'skoy shkoly [The relationship between mental states and features of interpersonal communication in older adolescents from rural schools]. *Molodoy uchenyy*, 103, 864–868. Retrieved from: <https://moluch.ru/archive/103/23946> (Accessed: 22nd March 2026).
- Aidoo, E. A. K., Wood, S. F., Issaka, B., et al. (2025). Patient-centered communication and its impact on minority health competence and outcomes in the United States. *Scientific Reports*, 15, 11885. doi: 10.1038/s41598-025-97536-9
- Akhmadeeva, E. V., & Bashkatov, S. A. (2021). Lichnostnye kharakteristiki i struktura samopred'yavleniya studentov [Personal characteristics and structure of self-presentation in students]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, 163, 196–217. doi: 10.25588/CSPU.2021.163.3.012
- Artishcheva, L. V. (2025). Teoreticheskie obosnovaniya kategorii "sostoyaniya obshcheniya" [Theoretical justifications of the category "states of communication"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Pedagogika. Psikhologiya*, 2, 133–140. doi: 10.35634/2412-9550-2025-35-2-133-140
- Baranova, V. A., Dubovskaya, E. M., & Savina, O. O. (2023). Udovletvorennost' obshcheniem podrostkov i molodezhi vo vremya pandemii COVID-19 [Satisfaction with communication among adolescents and youth during the COVID-19 pandemic]. *Natsional'nyy psikhologicheskyy zhurnal*, 18(2), 66–78. doi: 10.11621/npj.2023.0205
- Bodalev, A. A. (1995). *Lichnost' i obshchenie* [Personality and communication]. Moscow: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya. Retrieved from: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_34531/ (Accessed: 22nd March 2026).
- Bubnova, I. A. (2021). Psikholingvisticheskiy podkhod k issledovaniyu agressii kak spetsificheskoy formy rechevogo obshcheniya v publichnoy diplomatii [Psycholinguistic approach to the study of aggression as a specific form of verbal communication in public diplomacy]. *Voprosy psikholingvistiki*, 50, 38–55. doi: <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-50-4-38-55>
- Buravleva, N. A. (2015). Razvitiye kommunikativnoy kompetentnosti obuchayushchikhsya v khode obrazovatel'nogo protsessa [Development of communicative competence of students during the educational process]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogika, psikhologiya*, 3, 205–209. Retrieved from: <https://vektornaukipedagogika.ru/jour/article/download/544/494> (Accessed: 22nd March 2026).
- Golovey, L. A., Petrash, M. D., Strizhitskaya, O. Yu., Savenysheva, S. S., & Murtazina, I. R. (2018). Rol' psikhologicheskogo blagopoluchiya i udovletvorennosti zhizn'yu v vospriyatii povsednevnykh stressorov [The role of psychological well-being and life satisfaction in the perception of daily stressors]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 26(4), 8–26. doi: 10.17759/cpp.2018260402
- Golovina, N. M. (2019). Parlamentskie "neparlamentskie vyrazheniya": rechevaya agressiya kak ritoricheskaya strategiya v parlamentskom diskurse [Parliamentary "non-parliamentary expressions": verbal aggression as a rhetorical strategy in parliamentary discourse]. *Voprosy psikholingvistiki*, 41, 200–215. doi: 10.30982/2077-5911-2019-41-3-200-215

- Koshelskaya, T. V., Muravieva, O. I., & Mareeva, L. V. (2018). Communication as a central phenomenon in modern anthropological concepts. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 67, 77–88. doi: 10.17223/17267080/67/6
- Krichevets, A. N., & Solodushkina, M. V. (2015). Otnoshenie “Ya–Drugoy” v odnoy spetsial'noy situatsii obshcheniya [The “I–Other” relationship in a special communication situation]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 23(5), 290–306. doi: 10.17759/cpp.2015230513
- Leontiev, A. A. (1997). *Psikhologiya obshcheniya* [Psychology of communication] (2nd ed.). Moscow: Smysl.
- Liang, N., Grayson, S. J., Kussman, M. A., Mildner, J. N., & Tamir, D. I. (2024). In-person and virtual social interactions improve well-being during the COVID-19 pandemic. *Computers in Human Behavior Reports*, 15, 100455. doi: 10.1016/j.chbr.2024.100455
- Lin, X. Y., & Lachman, M. E. (2023). Diversity of network communication mode and interpersonal interactions: Relationship with social support and well-being. *Journal of Social and Personal Relationships*, 40(10), 3367–3391. doi: 10.1177/02654075231173928
- Lisina, M. I. (2009). *Formirovanie lichnosti rebenka v obshchenii* [Formation of a child's personality in communication]. St. Petersburg: Piter.
- Lyashenko, T. M. (2016). Kommunikativnaya uspeshnost' kak kharakteristika kommunikativnogo akta [Communicative success as a characteristic of the communicative act]. *Pedagogika i prosveshchenie*, 1, 106–113. doi: 10.7256/2306-434X.2016.1.17688
- Merolla, A. J., Neubauer, A. B., & Otmar, C. D. (2024). Responsiveness, social connection, hope, and life satisfaction in everyday social interaction: An experience sampling study. *Journal of Happiness Studies*, 25, Article 7. doi: 10.1007/s10902-024-00710-5
- Peng, S., & Roth, A. R. (2025). Quality over quantity: The association between daily social interactions and loneliness. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 22(9), 1411. doi: 10.3390/ijerph22091411
- Robinson, G. (2020). Workplace communication: Examining leader–member exchange theory, uncertainty avoidance, and social styles (Doctoral dissertation). *Electronic Theses, Projects, and Dissertations*. 1064. Retrieved from: <https://scholarworks.lib.csusb.edu/etd/1064/>
- Sanina, S. P., & Rastorgueva, M. D. (2023). Kommunikativnye trudnosti v obuchenii mladshikh shkol'nikov [Communicative difficulties in the education of primary school children]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 28(5), 142–153. doi: 10.17759/pse.2023280511
- Serbinovskaya, N. V., Serbinovskiy, B. Yu., & Timokhina, S. S. (2020). Povyshenie effektivnosti rechevogo obshcheniya operatora v sostoyanii emotsional'nogo napryazheniya: seriya i metodika [Improving the effectiveness of verbal communication of an operator in a state of emotional tension: series and methodology]. *Vestnik nauki i obrazovaniya Severo-Zapada Rossii*, 6(3), 35–44.
- Shimrova, L. A. (2020). Kommunikativnye sostoyaniya pri vzaimodeystvii cheloveka s robotom [Communicative states in human-robot interaction]. In N. V. Borisova, M. I. Volovikova, & A. L. Zhuravleva (Eds.), *Individual'noe, natsional'noe i global'noe v soznanii sovremennogo cheloveka: novye idei, problemy, nauchnye napravleniya* [The individual, national and global in the mind of modern man: new ideas, problems, scientific directions] (pp. 488–494). Moscow: Kogito-Tsentr. doi: 10.38098/univ.2020.55.72.037
- Stavrova, O., & Ren, D. (2023). Alone in a crowd: Is social contact associated with less psychological pain of loneliness in everyday life? *Journal of Happiness Studies*, 24, 1841–1860. doi: 10.1007/s10902-023-00661-3
- Zhang, J., Zhao, S., Deng, H., Yuan, C., & Yang, Z. (2024). Influence of interpersonal relationship on subjective well-being of college students: The mediating role of psychological capital. *PLOS ONE*, 19(9), e0293198. doi: 10.1371/journal.pone.0293198
- Zhuravlev, I. V. (2020). Teoriya rechevogo obshcheniya E. F. Tarasova: metodologiya i perspektivy razvitiya [E. F. Tarasov's theory of verbal communication: methodology and

prospects for development]. *Voprosy psikhologvistik*, 44, 16–26. doi: 10.30982/2077-5911-2020-44-2-16-26

*Received 17.11.2025; Revised 17.01.2026;
Accepted 20.01.2026*

Lira V. Artishcheva – Associate Professor, Department of General Psychology, Kazan Federal University, Cand. Sc. (Psychol.), Associate Professor.

E-mail: ladylira2013@yandex.ru

Xenia R. Valeeva – Assistant, Department of General Psychology, Kazan Federal University.

E-mail: xenia.valeeva@bk.ru

УДК 159.9.072.59

ВАЛИДИЗАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ «МНОГОМЕРНОЙ МЕТОДИКИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО СМЫСЛА»¹

Н.Н. Емельянчук^{1,2}, Д.А. Леонтьев¹

¹ НИУ ВШЭ, Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

² НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Россия, 121170, Москва, Кутузовский пр., 34, стр. 14

Резюме

Смысл жизни имеет многомерную структуру и является одним из важнейших факторов благополучия. **Цель** данного исследования – изучение конструктивной валидности субшкал «Многомерной методики экзистенциального смысла (ММЭС)» (Multidimensional Existential Meaning Scale; MEMS). **Методы.** Опросник переведен на русский язык и протестирован на выборках: (1) участников международного исследования психологического совладания с угрозой COVID-19 в возрасте от 25–67 лет (N = 116; M = 45,1; SD = 9,79; 92,24% – женщины); (2) студентов 1-го курса ВШЭ в возрасте от 17–24 лет (N = 293; M = 18,8; SD = 1,21; 93,13% – женщины). Конвергентная валидность проверялась с помощью корреляционного и регрессионного анализа. Субшкалы ММЭС («суждения о смысле жизни», «связность», «целенаправленность» и «значимость») сопоставлялись с методиками, измеряющими показатели благополучия, мотивации и самодерминации. Использовались опросник PERMA-Profilер, шкала депрессии, тревоги и стресса (DASS-21), опросник «Жизненная позиция личности» (ЖПЛ), спектр психологического здоровья (СПЗ), шкала позитивных и негативных аффектов (ШПАНА), тест смысловых ориентаций (СЖО), Российский опросник каузальных ориентаций (РОКО) и шкала удовлетворенности жизнью (ШУДЖ). **Результаты.** Все субшкалы ММЭС, а также введенный нами суммарный балл ММЭС значимо и положительно коррелируют со всеми показателями благополучия и отрицательно с отрицательными эмоциональными состояниями и безличной мотивацией. Наибольшую корреляцию с осмысленностью жизни (общий балл СЖО) демонстрируют общий балл ММЭС ($r = 0,765, p < 0,001$) и субшкала «суждения о смысле жизни» ($r = 0,700, p < 0,001$), что подтверждает внешнюю валидность ММЭС. Когнитивный компонент смысла жизни – субшкала «связность» – является единственным значимым предиктором для показателя социального благополучия и удовлетворенности жизнью. Мотивационный компонент смысла жизни – «целенаправленность» – демонстрирует наиболее сильную связь со шкалой «цели» СЖО ($r = 0,765, p < 0,001$). **Выводы.** ММЭС может быть использована как инструмент, измеряющий общий показатель осмысленности жизни, а также его когнитивные и мотивационные компоненты, представленные шкалами «связности» и «целенаправленности». Эмпирическое выделение аффективного компонента смысла жизни – «значимости» – требует дополнительного исследования.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта «Личностные ресурсы совладания и благополучия: структура и диагностика» № 24-28-01602.

Ключевые слова: смысл жизни; конструктивная валидность; целенаправленность; связность; значимость; благополучие

Введение

Смысл жизни является сложным, многомерным феноменом, интерес к которому возрастает от года к году, что отражается в динамике научных публикаций: по данным Google Scholar, в 2024 г. по запросу *meaning in life* индексировалось около 12 900 научных работ, тогда как в 2025 г. это количество составило уже порядка 13 300 публикаций. Осмысленность жизни является важным фактором психологического благополучия (MacKenzie, Baumeister, 2014; Butler, Kern, 2016) и ресурсом совладания со стрессом и жизненными невзгодами (Eisenbeck et al., 2022; He et al., 2023). Большое внимание уделяется структуре смысла жизни, особенно после публикации статьи, в которой впервые был предложен взгляд на смысл как на трехмерную структуру (Martela, Steger, 2016). Количество ее цитирований превышает 1 000, а другая работа, в которой описана методика для измерения трех компонентов смысла (George, Park, 2016), цитировалась уже свыше 300 раз. Рассмотрим данную методику подробнее.

«Многомерная шкала экзистенциального смысла» (The Multidimensional Existential Meaning Scale, MEMS) опубликована в 2016 г. (George, Park, 2016). Авторы рассматривают смысл жизни как конструкт, состоящий из трех измерений. Первое измерение относится к наличию у человека лично значимой цели. Отметим, что самый первый опросник, посвященный измерению смысла жизни, назывался «Цель в жизни» (Purpose in life) (Crumbaugh, Maholick, 1964). Широкий обзор литературы, посвященной рассмотрению смысла в самых разных его аспектах, также показывает, что «наиболее общие инвариантные характеристики смысла: контекстуальность (смысл чего-либо определяется всегда через отнесение к более широкому контексту) и интенциональность (смысл чего-либо указывает на предназначение, целевую направленность или направление движения)» (Леонтьев, 1999, с. 105). Второе измерение смысла жизни отражает понимание связей между событиями жизни, полученным жизненным опытом. Отметим, что сам смысл может определяться как «сеть связей, пониманий и интерпретаций, которые помогают нам осмысливать наш опыт и формулировать планы, направляющие нашу энергию на достижение желаемого будущего. Смысл дает нам ощущение того, что наша жизнь имеет значение, что она понятна и что она представляет собой больше, чем просто сумма наших секунд, дней и лет» (Steger, 2012, p. 165). Третье измерение смысла жизни связано с переживанием экзистенциальной значимости собственной жизни и отражает субъективное ощущение того, что жизнь человека имеет ценность и значение не только для него самого, но и в более широком контексте. Данное измерение отвечает на вопрос о том, имеет ли существование человека смысл и значимость не только для него самого и для мира (George, Park, 2016). Таким образом, человек может ощущать осмыслен-

ность жизни через призму трех измерений: 1) ощущения того, что его жизнь направляется значимыми целями (субшкала «целенаправленность» опросника MEMS); 2) ощущения того, что жизнь и ее события понимаемы, упорядочены и согласованы (субшкала «связность»); 3) ощущения своей жизни как значимой, важной, имеющей ценность (субшкала «значимость»). В каждую субшкалу MEMS входит по 5 пунктов, один пункт, относящийся к «значимости», является обратным. Конструктивная валидность методики определялась через соотнесение «целенаправленности» (Purpose) с методикой Behavioral Inhibition Scale / Behavioral Activation Scale (BIS/BAS), измеряющей индивидуальные различия в реакции на поощрения и наказания (Carver, White, 1994), «связности» (Comprehension) – с ясностью Я-концепции (Self-concept clarity), выражающейся в согласованности и ясности убеждений о себе (Campbell, Trapnell, Heine, Katz, Lavallee, Lehman, 1996), «значимости» – со шкалой сакральности тела А. Махони (Sacred Qualities of the Body Scale) (Mahoney et al., 2005).

Первоначальная версия методики MEMS не была лишена недостатков. Так, V. Costin, V. Vignoles (2020) обращают внимание на неоднородность субшкал «связности» и «экзистенциальной значимости», они содержат близкие по смыслу пункты. Например, пункт 1, относящийся к субшкале «связности» («Моя жизнь имеет смысл») содержательно близок к пункту 13, относящемуся к субшкале «значимости» («Я уверен(-а), что моя жизнь имеет значение»). Также V. Costin, V. Vignoles (2020) отмечают, что оригинальная методика MEMS практически не содержит обратных пунктов, что может приводить к возникновению систематической ошибки acquiescence bias, которая заключается в склонности респондентов давать утвердительные ответы, соглашаться с предложенными утверждениями. Наконец, авторами была поставлена задача изучить с помощью лонгитюдного дизайна исследования, какой компонент смысла жизни («связность», «целенаправленность» или «значимость») является наиболее значимым предиктором осмысленности жизни. Для решения обозначенных выше задач была создана новая версия «Многомерной методики экзистенциального смысла», включившая 4 симметричных с точки зрения количества прямых и обратных пунктов субшкалы: к «связности», «целенаправленности», «значимости» добавилась субшкала «суждения о смысле жизни» (meaning in life judgments), которая определяется как субъективная оценка осмысленности жизни. Таким образом, методика включает как субшкалу, отражающую общий уровень осмысленности жизни, так и отдельные субшкалы, направленные на оценку ее структурных компонентов. Подобный дизайн опросника, по замыслу авторов, облегчает проведение лонгитюдных исследований, уточняющих характер взаимодействия компонентов смысла жизни между собой. Так, было определено, что главным предиктором осмысленности жизни в первую очередь является ощущение экзистенциальной значимости (Costin, Vignoles, 2020). Именно исследованию конструктивной валидности данной версии «Многомерной методики экзистенциального смысла» и посвящено настоящее исследование.

Отметим, что полученные V. Costin, V. Vignoles (2020) результаты оказались зависимыми от культурного контекста. Так, в исследовании (Li, Liu, Peng, Hicks, Gou, 2021) авторы указывают, что предложенное ранее определение экзистенциальной значимости через оценку ощущения значимости своей жизни для мира и Вселенной является слишком широким и не позволяет в достаточной степени дифференцировать различные источники переживания значимости. Таким образом, Z. Li и соавт. (2021) было принято решение ограничить определение масштабами общества (а не мира в целом) и выделить два отдельных измерения: «внутреннюю значимость», понимаемую как переживание ценности жизни для самого себя, и «внешнюю значимость», отражающую субъективную оценку важности жизни человека для общества. На необходимость оценивать экзистенциальную значимость в контексте общества, а не Вселенной, указывают и авторы адаптации методики MEMS из Таиланда (Napatpong, Dudsdeemaytha, 2023). Проведенное лонгитюдное исследование продемонстрировало, что для жителей Китая ключевым предиктором смысла жизни является вовсе не экзистенциальная значимость, а целенаправленность (Li et al., 2021).

F. Martela, M. Steger (2022) разрабатывают свою версию методики по оценке трех измерений смысла жизни. Авторы указывают, что хоть «внутренняя значимость» (significance) и «внешняя значимость» (mattering) различимы эмпирически, вероятнее всего, они являются не отдельными измерениями, как утверждают Z. Li и соавт. (2021), а, скорее, подуровнями одного более общего измерения. Авторы вышедшего в 2025 г. систематического обзора литературы, посвященной смыслу жизни, заключают, что разделение трех видов экзистенциальной значимости (ощущения значимости жизни для мира, для общества и для самого себя) является важной задачей и требует создания отдельного психометрического инструмента (Alsaadi, Maldonado, Erfanikia, Molinario, Moyano, 2025).

На сегодняшний день на русский язык не адаптирована ни одна из перечисленных выше многомерных методик. Настоящая статья является второй в цикле работ, посвященных адаптации «Многомерной методики экзистенциального смысла» версии V. Costin, V. Vignoles (2020). Первая статья была посвящена анализу структуры опросника и на момент подачи данной рукописи проходит этап рецензирования. Цель данной работы – изучение конструктивной валидности «Многомерной методики экзистенциального смысла» (ММЭС) на примере соотношения ее субшкал с показателями благополучия, мотивации и самодетерминации.

Материалы и методы

Опросник «Многомерная методика экзистенциального смысла» (Costin, Vignoles, 2020) переведен экспертом в области психологии смысла с помощью прямого перевода (процедура обратного перевода не производилась по причине принципиальной сложности с переводимостью терминов, относящихся к смыслу). Методика состоит из 4 субшкал: связность (coherence),

целенаправленность (purpose), значимость (mattering), суждения о смысле жизни (meaning in life judgements). Связность определяется как упорядоченность и осмысленность собственного опыта. Целенаправленность рассматривается как наличие жизненной цели, организующей и направляющей целенаправленное поведение. Значимость оценивает степень, в которой человек ощущает свою жизнь ценной и важной как в личном, так и в более широком социальном или экзистенциальном контексте. Субшкала «Суждения о смысле жизни» описывает субъективную оценку человеком своей жизни как осмысленной. Каждая из шкал содержит 2 прямых и 2 обратных вопроса. Пункты методики оцениваются по шкале Ликерта от 1 до 7.

Выборка и процедура исследования

Конструктивная валидность проверялась на трех выборках. Первая собиралась в рамках международного исследования психологического совладания с угрозой COVID-19 в октябре–ноябре 2020 г. (Леонтьев, Рассказова, Тараненко, Кошелева, 2022; Eisenbeck et al., 2022), второй срез которой включал в себя переведенные вопросы шкалы MEMS в редакции V. Costin, V. Vignoles (2020) (возраст от 25 до 67 лет, N = 116, M = 42,4, SD = 9,19; 107 женщин, 9 мужчин). В дальнейшем в тексте статьи данная выборка будет обозначаться как Выборка 1.

Также в исследовании использовались данные двух выборок студентов первых курсов НИУ ВШЭ: в 2023 г. (N = 175, M = 18,7, SD = 1,34; 164 женщины, 11 мужчин) и в 2024 г. (N = 118, M = 19,2, SD = 3,20; 99 женщин, 19 мужчин). Все участники исследования предоставили информированное согласие на участие. Эти две выборки являются гомогенными по возрасту (критерий Левеня: $F = 2,15$, $p = 0,143$), а различия средних значений возраста между ними не достигают уровня статистической значимости ($t(291) = -1,79$, $p = 0,074$) Их можно было бы рассматривать как одну выборку, однако в них для конструктивной валидации применялись разные дополнительные методики, поэтому мы рассматриваем их здесь по отдельности, обозначая соответственно как Выборка 2 и Выборка 3

Результаты исследования структурной валидности методики ММЭС

Структурная валидность опросника «Многомерная методика экзистенциального смысла» была исследована авторами данной статьи. На основании данных КФА и кластерного анализа был исключен один из обратных пунктов субшкалы «связности» (п. 8. оригинальной методики). С помощью SEM и применения статистики MLM построены модели; индексы соответствия модели данным для Выборки 1 оказались неудовлетворительными: $\chi^2(81) = 199^{***}$, CFI = 0,836, TLI = 0,788, SRMR = 0,065, RMSEA = 0,112 (90% CI: 0,095; 0,129, $p < 0,001$), а для Выборки 2 (более однородной) индексы соответствия модели демонстрировали хорошие и приемлемые значения: $\chi^2(81) = 175^{***}$, CFI = 0,960, TLI = 0,949, SRMR = 0,039, RMSEA = 0,064 (90% CI: 0,053; 0,075, $p = 0,016$). Исследование многомерности методики производилось с помощью построения бифакторных моделей. Анализ статистики I-ECV (Item-level Explained Common Variance) показал, что субшкала «суждения о смысле жизни» является более общей по отношению к «связ-

ности», «целенаправленности», «значимости». Построение и анализ бифакторных моделей, содержащих 3, а не 4 субшкалы, позволили сделать вывод о потенциальной многомерности опросника ММЭС.

Методики

Для изучения конвергентной и дискриминантной валидности использовались методики, отражающие разные аспекты психологического благополучия:

1. PERMA-Profilер (Выборки 1 и 2). Методика разработана австралийскими исследователями J. Butler, M. Kern (2016) на основе модели благополучия М. Селигмана, адаптация О.М. Исаевой, А.Ю. Акимовой, Е.Н. Волковой (2022). В число переменных методики входят положительные эмоции, вовлеченность, отношения, смысл и достижения, а также здоровье, отрицательные эмоции, счастье и общий показатель процветания. В данном исследовании использовалась еще не адаптированная версия опросника, переведенная на русский язык в 2020 г. О.А. Тараненко и Д.А. Леонтьевым. Она показала удовлетворительные показатели надежности (табл. 1 в разделе «Результаты исследования») и имеет близкое сходство с опубликованной адаптированной версией.

2. DASS-21 (Выборка 1). Методика разработана австралийскими исследователями P.F. Lovibond, S.H. Lovibond (1995) и адаптирована на русскоязычной выборке А.А. Золотаревой (2020). Методика дает показатели депрессии, тревожности и переживания стресса. В данном исследовании использовалась еще не адаптированная версия опросника, переведенная на русский язык в 2020 г. О.А. Тараненко и Д.А. Леонтьевым. Она показала удовлетворительные показатели надежности (см. табл. 1 в разделе «Результаты исследования») и имеет близкое сходство с опубликованной адаптированной версией.

3. Жизненная позиция личности (ЖПЛ) (Леонтьев, Шильманская, 2019) (Выборка 2). Оригинальный опросник выявляет три аспекта отношения субъекта к собственной жизни: осознанность жизни в целом, активность по отношению к ней и гармонию с собственной жизнью.

4. Спектр психологического здоровья (СПЗ) (Выборка 3). Методика разработана К. Кизом в 2009 г., адаптирована на русскоязычной выборке Е.Н. Осиным (Осин, Леонтьев, 2020). Данный инструмент выявляет разные аспекты благополучия: эмоциональное, психологическое и социальное благополучие, а также общий показатель психологического здоровья.

5. Шкала позитивных и негативных аффектов (ШПАНА) (Выборка 3). Методика разработана Д. Уотсоном и соавт. в 1988 г. и адаптирована на русскоязычной выборке Е.Н. Осиным (2012).

6. Тест смысловых ориентаций (СЖО) (Выборки 2 и 3). Модификация теста Purpose-in-Life Test (PIL) (Crumbaugh, Maholick, 1964), разработана Д.А. Леонтьевым в 1992 г., факторная структура опросника уточнена в 2020 г. (Осин, Кошелева, 2020).

7. Российский опросник каузальных ориентаций РОКО (Дергачева, Дорфман, Леонтьев, 2008) (Выборка 2). Адаптация теста каузальных ориентаций Э. Деси и Р. Райана. Диагностирует соотношение трех мотивационных под-

систем с разным «локусом каузальности» – внутренней с доминированием собственного автономного выбора, внешней с доминированием опоры на поддержку или давление других и безличной с нарушенной связью между мотивацией и усилиями и порождающей хаотичное поведение.

8. Шкала удовлетворенности жизнью (ШУДЖ) Э. Динера в адаптации Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева (2020) (Выборка 2).

Обработка данных проводилась с помощью программ статистической обработки данных Jamovi 2.6.12, корреляционный анализ проводился с помощью непараметрического критерия Спирмена.

Результаты исследования

Описательные статистики шкал и показатели надежности шкал используемых методик для всех выборок представлены в табл. 1.

Таблица 1

Описательные статистики и показатели надежности шкал в исследуемых выборках

Субшкалы	N	M	SD	As	Ex	α	ω
Выборка 1 (N = 116)							
ММЭС: Общий балл	116	89,53	17,07	-1,20	1,36	0,93	0,94
ММЭС: Суждения о смысле жизни	116	24,25	4,30	-1,97	4,17	0,91	0,92
ММЭС: Связность	116	22,28	4,36	-0,75	-0,22	0,73	0,76
ММЭС: Целенаправленность	116	22,61	5,41	-1,51	1,93	0,89	0,90
ММЭС: Значимость	116	20,39	6,21	-0,75	-0,35	0,89	0,89
DASS21: Тревожность	110	12,67	8,86	0,75	-0,31	0,83	0,83
DASS21: Депрессия	111	11,2	8,13	1,08	0,78	0,87	0,87
DASS21: Стресс	109	9,73	7,68	1,04	0,29	0,90	0,90
PERMA: Общий показатель	115	62,7	13,03	-0,24	-0,76	0,87	0,87
PERMA: Положительные эмоции	116	11,26	3,46	-0,50	-0,35	0,78	0,80
PERMA: Вовлеченность	116	12,89	3,32	-1,03	0,99	0,59	0,65
PERMA: Отношения	116	12,49	3,72	-0,81	0,34	0,79	0,81
PERMA: Смысл	116	13,12	3,49	-0,59	-0,39	0,78	0,78
PERMA: Достижения	116	12,59	2,9	-0,77	0,94	0,75	0,78
PERMA: Здоровье	115	11,43	3,63	-0,63	0,06	0,88	0,89
PERMA: Негативные эмоции	115	7,20	3,49	0,48	-0,66	0,71	0,71
PERMA: Одиночество	96	2,84	1,68	0,41	-1,06	-	-
PERMA: Счастье	116	4,17	1,20	-0,52	-0,27	-	-
Выборка 2 и 3 (N = 293)							
ММЭС: Общий балл	280	80,49	18,49	-0,52	-0,18	0,92	0,92
ММЭС: Суждения о смысле жизни	280	22,00	5,75	-1,0	0,42	0,92	0,92
ММЭС: Связность	280	21,10	4,32	-0,67	0,79	0,70	0,71
ММЭС: Целенаправленность	280	20,80	5,84	-0,86	0,11	0,89	0,89
ММЭС: Значимость	280	16,50	7,63	-0,12	-1,18	0,92	0,92
СЖО: Общая шкала	268	99,30	18,33	-0,24	-0,47	0,89	0,90
СЖО: Цели	268	24,60	6,50	-0,45	-0,45	0,83	0,84
СЖО: Процесс	268	24,00	5,90	-0,59	0,35	0,84	0,85
СЖО: Результат	268	20,00	4,91	-0,53	0,02	0,77	0,77
СЖО: Локус контроля	268	20,80	4,04	-0,42	-0,28	0,59	0,67

Окончание табл. 1

Субшкалы	N	M	SD	As	Ex	α	ω
Выборка 2 (N = 175)							
PERMA: Общий показатель	156	76,84	12,56	-0,37	-0,31	0,88	0,89
PERMA: Положительные эмоции	156	14,62	3,39	-0,50	0,19	0,78	0,80
PERMA: Вовлеченность	156	15,30	3,19	-0,66	-0,63	0,59	0,65
PERMA: Отношения	156	15,83	3,78	-0,44	-0,49	0,79	0,81
PERMA: Смысл	156	15,15	3,53	-0,60	0,21	0,78	0,78
PERMA: Достижения	156	15,95	2,51	-0,58	1,30	0,75	0,78
PERMA: Здоровье	156	14,17	3,98	0,049	-0,44	0,88	0,89
PERMA: Негативные эмоции	156	12,83	3,22	-0,83	-0,38	0,71	0,71
PERMA: Одиночество	156	3,76	1,72	-0,87	-1,06	-	-
PERMA: Счастье	156	5,08	1,21	-0,07	0,99	-	-
РОКО: автономность	157	149,0	17,39	-1,18	2,94	0,84	0,87
РОКО: контроль	157	99,0	17,25	-0,25	-0,31	0,78	0,78
РОКО: безличная ориентация	157	94,3	19,21	0,03	0,03	0,78	0,78
ЖПЛ: Гармония с жизнью	157	13,8	2,59	-0,64	1,11	0,74	0,77
ЖПЛ: Осознанность жизни	157	17,9	2,22	-1,18	1,30	0,67	0,71
ЖПЛ: Активность жизненной позиции	157	15,2	2,33	0,21	0,18	0,49	0,67
ШУДЖ: Удовлетворенность жизнью	157	15,8	4,90	0,75	1,11	0,75	0,78
Выборка 3 (N = 118)							
СПЗ: Общий показатель психологического здоровья	118	45,7	10,46	-0,08	-0,74	0,88	0,89
СПЗ: Показатель эмоционального благополучия	118	11,1	2,91	-0,37	-0,91	0,86	0,87
СПЗ: Показатель социального благополучия	118	14,3	3,85	0,11	-0,50	0,63	0,64
СПЗ: Показатель психологического благополучия	118	16,9	4,31	-0,19	-0,58	0,82	0,83
ШПАНА: Позитивный аффект	112	28,7	7,00	0,03	-0,88	0,89	0,89
ШПАНА: Негативный аффект	112	24,0	6,98	0,14	-0,38	0,86	0,86
<i>Примечание.</i> M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; As – асимметрия распределения; Ex – эксцесс распределения; α – альфа Кронбаха; ω – омега Макдональда							

Тест нормальности распределения Шапиро–Уилкса демонстрирует, что практически все шкалы имеют распределение, отличное от нормального, в связи с этим было принято решение при проведении корреляционного анализа использовать непараметрический критерий Спирмена.

На начальном этапе нами исследованы связи субшкал ММЭС с уровнем депрессии, тревоги и стресса (табл. 2).

Субшкалы ММЭС демонстрируют умеренную отрицательную корреляцию с показателями депрессии, тревоги и стресса (DASS-21). Построенные регрессионные модели, в которых в качестве зависимых переменных взяты депрессия ($F(3, 112) = 2,99, p < 0,034, R^2 = 0,074$), тревога ($F(3, 112) = 8,29, p < 0,001, R^2 = 0,182$) и стресс ($F(3, 112) = 6,14, p < 0,001, R^2 = 0,141$), а в качестве независимых переменных – субшкалы ММЭС, демонстрируют, что главным негативным предиктором переменных депрессии, тревоги и стресса является субшкала «целенаправленности». Полученные резуль-

таты отличаются от результатов, полученных L. George, C. Park (2016), в которых все три субшкалы DASS-21 определялись прежде всего «связностью». Также полученные результаты отличаются от результатов, полученных при адаптации методики MEMS на испанском языке, в рамках которой на клинической выборке показано, что главным предиктором тревоги и депрессии является «экзистенциальная значимость» (Marco, García-Alandete, Pérez Rodríguez, Guillén, Baños, Tormo-Irun, 2022). Предположительно, такое различие в результатах связано со спецификой контекста исследования: участники данного исследования сталкивались с высокой неопределенностью будущего в условиях пандемии. При нарушении жизненных целей, невозможности реализовывать планы «экзистенциальная значимость» может оказываться наиболее значимым предиктором эмоционального дистресса.

Таблица 2

Корреляции и регрессионные коэффициенты между субшкалами ММЭС и уровнями депрессии, тревоги и стресса, Выборка 1 (N = 116)

Субшкалы	r	β	p
Депрессия			
Связность	-0,146*	0,080	0,580
Целенаправленность	-0,259**	-0,281	0,026
Значимость	-0,226*	-0,078	0,521
R ²	–	0,074	0,034
Тревога			
Связность	-0,267**	0,041	0,760
Целенаправленность	-0,390***	-0,372	0,002
Значимость	-0,330***	-0,139	0,225
R ²	–	0,182	< 0,001
Стресс			
Связность	-0,213*	0,041	0,766
Целенаправленность	-0,354***	-0,360	0,003
Значимость	-0,231*	-0,080	0,494
R ²	–	0,141	< 0,001
<i>Примечание.</i> r – коэффициент корреляции Спирмена; β – стандартизированный регрессионный коэффициент; R ² – доля объясненной дисперсии; p – уровень значимости; * p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001			

Изначально методика ММЭС вариации V. Costin, V. Vignoles (2020) состояла из 4 субшкал. По результатам изучения структуры опросника с помощью бифакторных моделей была выдвинута гипотеза о целесообразности введения общего балла ММЭС, который бы отражал общий показатель осмысленности жизни и рассчитывался как сумма всех пунктов опросника. Было проведено сопоставление результатов корреляций между таким общим баллом, субшкалами ММЭС и показателями благополучия методики PERMA для выборки участников исследования совладания с угрозой COVID-19 и выборки студентов ВШЭ 2023 г. Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Сопоставление результатов корреляций общего балла и субшкал ММЭС и показателей благополучия PERMA, Выборка 1 (N = 116) / Выборка 2 (N = 175), коэффициент корреляции Спирмена

Субшкалы	N	Общий балл ММЭС	Суждения о смысле жизни	Связность	Целенаправленность	Значимость
Общий показатель благополучия / PERMA	116/ 167	0,682***/ 0,634***	0,634***/ 0,680***	0,581***/ 0,580***	0,645***/ 0,532***	0,478***/ 0,337***
Положительные эмоции	116/ 167	0,477***/ 0,410***	0,512***/ 0,539***	0,400***/ 0,465***	0,436***/ 0,221**	0,327***/ 0,193*
Отрицательные эмоции	116/ 167	-0,309***/ -0,347***	-0,362***/ -0,343***	-0,280**/ -0,285***	-0,292**/ -0,218**	-0,248**/ -0,234**
Вовлечённость	116/ 167	0,546***/ 0,463***	0,432***/ 0,457***	0,416***/ 0,449***	0,468***/ 0,473***	0,474***/ 0,204*
Достижения	116/ 156	0,549***/ 0,454***	0,405***/ 0,549***	0,446***/ 0,434***	0,579***/ 0,424***	0,340***/ 0,254**
Отношения	116/ 156	0,540***/ 0,421***	0,447***/ 0,588***	0,500***/ 0,338***	0,512***/ 0,336***	0,364***/ 0,214**
Смысл	116/ 156	0,679***/ 0,685***	0,607***/ 0,656***	0,591***/ 0,579***	0,652***/ 0,654***	0,475***/ 0,393***
Здоровье	116/ 156	0,252**/ 0,163*	0,226**/ 0,247**	0,211*/ 0,290**	0,317***/ 0,139	0,115/ -0,040
Одиночество	116/ 156	-0,280**/ -0,425***	-0,412***/ -0,373***	-0,248**/ -0,247**	-0,383***/ -0,324***	-0,101/ -0,257**
Счастье	116/ 156	0,587***/ 0,414***	0,510***/ 0,617***	0,512***/ 0,378***	0,527***/ 0,296***	0,408***/ 0,174*

Примечание. * p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001

Как можно видеть из табл. 3, результаты корреляционного анализа между двумя разными выборками сопоставимы. Корреляции между основными составляющими благополучия («положительные эмоции», «вовлечённость», «отношения», «смысл», «достижения») и субшкалами ММЭС носят умеренный и сильный характер. Наиболее сильные корреляции наблюдаются между общим баллом ММЭС, общим показателем благополучия и субшкалой смысла PERMA. Также высокие значения корреляций демонстрируются между субшкалой «суждения о смысле жизни» и общим показателем благополучия PERMA. Такое сходство данных корреляций объясняется прежде всего тем, что субшкала «суждения о смысле жизни» по определению является более общей по отношению к «связности», «целенаправленности», «значимости», систематическая дисперсия ее пунктов в наибольшей степени объяснялась вкладом общего, а не специфического фактора. Обращают на себя внимание корреляции субшкалы «целенаправленность» ММЭС и «здоровье» PERMA. Для выборки участников исследования совладания с угрозой COVID-19 эта связь значима, в то время как как выборка студентов ВШЭ значимой связи не демонстрирует. Предположительно, это обусловлено тем, что для участников Выборки 1 здоровье

является актуальной и значимой целью, в то время как для студенческой выборки здоровье не занимает существенного положения в структуре жизненных целей. Также примечательной является связь между экзистенциальной «значимостью» ММЭС и «счастьем» PERMA. Участники Выборки 1 демонстрируют умеренную силу связи, в то время как у участников Выборки 2 данная связь носит слабый характер. Это может быть объяснено тем, что в условиях изоляции и угрозы пандемии ощущение счастья в большей степени основывается на переживании экзистенциальной значимости собственной жизни, нежели на внешних факторах благополучия.

Помимо исследования корреляций со шкалами благополучия PERMA нами были рассмотрены корреляции субшкал ММЭС в Выборке 2 со шкалами методики «Жизненная позиция личности», каузальными ориентациями (РОКО), удовлетворенности жизнью (ШУДЖ), а также положительного и отрицательного аффекта (ШПАНА). Результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4

Корреляции между общим баллом и субшкалами ММЭС и показателями опросника ЖПЛ, РОКО, ШПАНА, Выборка 2 (N = 175), коэффициент корреляции Спирмена

Субшкалы	N	Общий балл ММЭС	Суждения о смысле жизни	Связность	Целенаправленность	Значимость
Гармония в жизни / ЖПЛ	156	0,444***	0,515***	0,411***	0,315***	0,220**
Осознанность	156	0,372***	0,300***	0,335***	0,282***	0,268***
Активность жизненной позиции	156	0,326***	0,220**	0,261***	0,256**	0,266***
Автономная мотивация / РОКО	156	0,373***	0,356***	0,340***	0,268***	0,227**
Контролируемая мотивация	156	0,063	0,114	0,057	0,045	-0,011
Безличная мотивация	156	-0,405***	-0,235**	-0,174*	-0,382***	-0,416***
Удовлетворенность жизнью / ШУДЖ	156	0,441***	0,522***	0,456***	0,338***	0,176*
Положительный аффект / ШПАНА	111	0,582***	0,574***	0,443***	0,355***	0,440***
Негативный аффект	110	-0,346**	-0,319***	-0,264**	-0,181	-0,294**

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

Корреляции общего балла и субшкал ММЭС с субшкалами методики «Жизненная позиция личности» значимы и носят умеренный характер. Наиболее сильная корреляция наблюдается между «гармонией» (ЖПЛ) и «суждениями о смысле жизни» ($r = 0,515$, $r < 0,001$) и между «гармонией» (ЖПЛ) и «связностью» ($r = 0,414$, $p < 0,001$). Таким образом, субъектное отношение к своей жизни, которое выражается в осознанности, активной жизненной позиции, ощущении гармонии положительно коррелирует со всеми субшкалами ММЭС. По методике РОКО субшкалы ММЭС значимо и положительно коррелируют с автономной мотивацией, отрицательно – с безличной мотивацией, и не показывают значимой корреляции с контро-

лируемой мотивацией. Большая автономность, ориентация на внутренние критерии ожидаемо положительно связаны с осмысленностью, тогда как беспомощность связана отрицательно. Действия же, основанные на внешнем давлении, ожиданиях окружения (контролируемая мотивация) могут являться как осмысленными, так и нет.

Обратим более детальное внимание на полученные результаты корреляций удовлетворенности жизнью (ШУДЖ) и субшкал ММЭС. Все корреляции значимые, положительные и имеют умеренную силу. Построение же регрессионной модели, в рамках которой «удовлетворенность жизнью» выступит в качестве зависимой переменной, а субшкалы ММЭС – независимых переменных, позволяет выделить уникальное поведение субшкалы связности (табл. 5).

Таблица 5

**Результаты корреляционного и регрессионного анализа субшкал ММЭС
со шкалой ШУДЖ, Выборка 2 (N = 175)**

Субшкалы	г	β	р
Связность	0,456***	0,371	< 0,001
Целенаправленность	0,338***	0,085	0,370
Значимость	0,176*	0,063	0,500
R ²	–	0,593	< 0,001

Примечание. г – коэффициент корреляции Спирмена; β – стандартизированный регрессионный коэффициент; R² – доля объясненной дисперсии; р – уровень значимости; * р < 0,05; ** р < 0,01; *** р < 0,001; полужирным шрифтом выделены показатели, отражающие конструктивную валидность субшкалы

В данной регрессионной модели ($F(3, 153) = 12,3, p < 0,001, R^2 = 0,593$) были выявлены нарушения гомоскедастичности остатков регрессии (тест Бройша–Пагана $BP(3) = 9,7, p = 0,02$), значимость коэффициентов оценивалась с использованием робастных стандартных ошибок, устойчивых к возможной гетероскедастичности остатков (НСЗ). Признаков автокорреляции остатков и мультиколлинеарности предикторов не выявлено. Единственным значимым предиктором является «связность» ММЭС. Этот результат соотносится с результатами, полученными С.Л. Park, Л.С. George и А.Л. Ai (2020), где связность как когнитивный компонент смысла жизни, отражающий ощущение упорядоченности и понятности жизненного опыта, выступает единственным значимым предиктором такого рефлексивно-оценочного компонента субъективного благополучия, как «удовлетворенность жизнью».

Важной частью работы было соотнесение опросника ММЭС с уже известной, валидизированной методикой, направленной на измерение осмысленности жизни – тестом смысложизненных ориентаций (СЖО). В табл. 6 представлены коэффициенты корреляции Спирмена между шкалами СЖО и субшкалами ММЭС, а также приведены стандартизированные регрессионные коэффициенты моделей, в которых субшкалы ММЭС («связность», «целенаправленность», «значимость») являются предикторами для каждой из шкал СЖО.

**Результаты корреляционного и регрессионного анализа субшкал ММЭС
со шкалами СЖО, Выборки 2 и 3 (N = 293)**

Субшкалы	г	β	р
Общий балл СЖО			
Связность	0,565***	0,304	< 0,001
Целенаправленность	0,681***	0,461	< 0,001
Значимость	0,466***	0,238	< 0,001
R ²	—	0,593	< 0,001
Процесс			
Связность	0,392***	0,228	< 0,001
Целенаправленность	0,449***	0,235	< 0,001
Значимость	0,433***	0,306	< 0,001
R ²	—	0,332	< 0,001
Цель			
Связность	0,500***	0,207	< 0,001
Целенаправленность	0,750***	0,615	< 0,001
Значимость	0,407***	0,154	< 0,001
R ²	—	0,634	< 0,001
Результат			
Связность	0,474***	0,306	< 0,001
Целенаправленность	0,456***	0,279	< 0,001
Значимость	0,265***	0,110	0,092
R ²	—	0,296	< 0,001
Локус контроля			
Связность	0,510***	0,287	< 0,001
Целенаправленность	0,506***	0,284	< 0,001
Значимость	0,351***	0,159	0,004
R ²	—	0,312	< 0,001
<i>Примечание.</i> г – коэффициент корреляции Спирмена; β – стандартизированный регрессионный коэффициент; R ² – доля объясненной дисперсии; р – уровень значимости; * р < 0,05; ** р < 0,01; *** р < 0,001; полужирным шрифтом выделены показатели, отражающие конструктивную валидность субшкалы			

Каждая субшкала ММЭС является значимым предиктором для каждой шкалы теста СЖО. Особое внимание привлекает модель, в которой в качестве зависимой переменной выступает шкала «цели» СЖО, которая, в свою очередь, определяется как наличие у человека жизненных целей, намерений и устремлений, которые придают жизни направленность и временную перспективу. Сильная корреляция между «целенаправленностью» ММЭС и шкалой цели СЖО, отражающий аспект осмысленности жизни, проистекающий из наличия перспективных целей, вплоть до сильного пересечения этих двух переменных ($r = 0,750$, $p < 0,001$), служит свидетельством конвергентной валидности данной субшкалы. В рамках данной регрессионной модели ($F(3, 264) = 152$, $p < 0,001$, $R^2 = 0,634$), построенной с учетом гетероскедастичности остатков ($BP(3) = 13$, $p = 0,005$), среди субшкал ММЭС именно «целенаправленность» вносит наибольший вклад в объяснение дисперсии зависимой переменной «цели» (СЖО).

Коэффициент корреляции общего балла ММЭС и общего балла СЖО, достигающий значения $r = 0,765$ ($p < 0,001$), также указывает на сильное пересечение данных конструктов. Корреляция между субшкалой «суждения о смысле жизни» и общим баллом СЖО также высока ($r = 0,700$, $p < 0,001$).

Наконец, был проведен корреляционный и регрессионный анализ, в котором показатели благополучия по методике «Спектр психологического здоровья» К. Киза были выбраны в качестве зависимой переменной, а субшкалы ММЭС – в качестве независимой переменной. Результаты представлены в табл. 7.

Таблица 7

Результаты корреляционного и регрессионного анализа субшкал ММЭС с показателями психологического благополучия, Выборка 3 (N = 118)

Субшкалы	r	β	p
Общий показатель психологического здоровья			
Связность	0,496***	0,319	< 0,001
Целенаправленность	0,396***	0,182	0,036
Значимость	0,425***	0,291	< 0,001
R ²	–	0,348	< 0,001
Показатель эмоционального благополучия			
Связность	0,355***	0,226	0,017
Целенаправленность	0,279**	0,106	0,269
Значимость	0,344***	0,256	0,007
R ²	–	0,195	< 0,001
Показатель социального благополучия			
Связность	0,419***	0,349	< 0,001
Целенаправленность	0,196*	0,040	0,677
Значимость	0,247**	0,148	0,115
R ²	–	0,188	< 0,001
Показатель психологического благополучия			
Связность	0,453***	0,255	0,003
Целенаправленность	0,420***	0,194	0,026
Значимость	0,468***	0,339	0,047
R ²	–	0,344	< 0,001
<i>Примечание.</i> r – коэффициент корреляции Спирмена; β – стандартизированный регрессионный коэффициент; R ² – доля объясненной дисперсии; p – уровень значимости; * p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001; полужирным шрифтом выделены показатели, отражающие конструктивную валидность субшкалы			

В данных регрессионных моделях не выявлено статистически значимых отклонений распределения остатков от нормального, а также признаков автокорреляции, мультиколлинеарности, гетероскедастичности. Общий показатель психологического здоровья значимо связан со всеми субшкалами ММЭС, регрессионная модель ($F(3, 109) = 19,4$, $p < 0,001$, $R^2 = 0,348$) демонстрирует, что все три компонента смысла жизни значимо предсказывают общий показатель психологического здоровья. В модели, где в качестве зависимой переменной взят показатель социального благополучия ($F(3, 109) = 8,41$, $p < 0,001$, $R^2 = 0,188$), единственным значимым предикто-

ром оказалась субшкала «связность». Это может быть объяснено тем, что социальное благополучие предполагает переживание включенности в социальный контекст, ощущение качества и предсказуемости межличностных отношений, а также субъективное восприятие социальной среды как осмысленной и непротиворечивой (Осин, Леонтьев, 2020). Таким образом, именно когнитивный компонент смысла жизни, отвечающий за осмысленность и интерпретируемость жизненного опыта, оказывается более значимым предиктором ощущения социального благополучия. Вместе с тем разные компоненты смысла вполне сопоставимы по своему вкладу.

Обсуждение результатов

Данная статья является продолжением предыдущей работы, целью которой было детальное изучение структуры смысла жизни на примере «Многомерной методики экзистенциального смысла» в версии В. Костина и В. Виньолеза. В рамках настоящего исследования основное внимание уделено анализу конвергентной валидности субшкал ММЭС, проверке того, в какой мере выделяемые компоненты смысла жизни различимы эмпирически при соотнесении их со шкалами, измеряющими показатели благополучия, мотивации и самодетерминации. Все шкалы ММЭС значимо и довольно высоко коррелируют практически со всеми мерами позитивных состояний и характеристик личности (благополучие, положительные эмоции, автономная мотивация, субъектность) и значимо отрицательно – с отрицательными эмоциональными состояниями и безличной мотивацией. Это ожидаемый результат, отражающий общую закономерность положительных корреляций всего хорошего между собой.

Подтверждением внешней валидности ММЭС служит крайне высокое значение корреляции общего балла ММЭС с общим баллом СЖО – 0,765, что намного выше, чем значения корреляций с другими переменными. Это говорит о том, что обе методики измеряют фактически одну и ту же характеристику.

Там, где есть возможность сравнить две выборки (методика PERMA), значения корреляций для студенческой выборки, как правило, выше, чем значения корреляций для выборки международного коронавирусного исследования, что объясняется различиями в размерах этих выборок, а также в степени благополучия общего фона, на котором проходило исследование.

Корреляции шкалы «Суждения о смысле жизни» с другими переменными почти не отличаются от корреляций с ними суммарного балла ММЭС, что подтверждает наше предположение о том, что эта шкала отражает не специфическое измерение смысла, а глобальную его оценку, и, соответственно, не рядоположена остальным субшкалам методики.

С помощью регрессионных моделей удалось продемонстрировать специфическое поведение субшкал «связности» и «целенаправленности». «Связность» в отличие от других субшкал ММЭС значимо предсказывает конструкторы, связанные с когнитивной интерпретацией жизненного и соци-

ального опыта, тогда как вклад «целенаправленности» и «экзистенциальной значимости» в этих моделях оказывается статистически незначимым. Субшкала «целенаправленность» сильнее всего связана со шкалой «цели» СЖО ($r = 0,750, p < 0,001$). В построенной регрессионной модели «целенаправленность» является не единственным, но самым существенным предиктором шкалы «цели», что может также свидетельствовать о валидности данной субшкалы. Иначе обстоят дела с субшкалой «экзистенциальная значимость». В рамках данного исследования не удалось с помощью показателей благополучия измерить уникальное поведение данной субшкалы. Для решения этой задачи понадобится исследование корреляций со шкалами, связанными с духовностью, ощущением того, что действия человека приносят пользу окружающим людям (Martela, Steger, 2022). Однако это не решит более глобальную задачу эмпирического разделения «внутренней значимости» (ощущения экзистенциальной значимости жизни для самого себя), «внешней значимости» (ощущения того, что жизнь человека экзистенциально значима для других) и «глобальной значимости», которая описывается как ощущение того, что жизнь человека значима в рамках мира и Вселенной (Alsaadi et al., 2025).

Таким образом, «Многомерная методика экзистенциального смысла» может быть использована как инструмент, измеряющий общий показатель осмысленности жизни, а также его когнитивные и мотивационные компоненты, представленные шкалами «связность» и «целенаправленность». Эмпирическое выделение аффективного компонента смысла жизни требует дополнительного исследования.

Литература

- Дергачева, О. Е., Дорфман, Л. Я., Леонтьев, Д. А. (2008). Русскоязычная адаптация опросника каузальных ориентаций. *Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология*, 3, 91–106.
- Золотарева, А. А. (2020). Систематический обзор психометрических свойств Шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21). *Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева*, 2, 26–37. doi: 10.31363/2313-7053-2020-2-26-37
- Исаева, О. М., Акимова, А. Ю., Волкова, Е. Н. (2022). Опросник благополучия PERMA-Profilер: апробация русскоязычной версии. *Социальная психология и общество*, 13(3), 116–133. doi: 10.17759/sps.2022130308
- Леонтьев, Д. А. (1999). *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. М.: Смысл.
- Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И., Тараненко, О. В., Кошелева, Н. В. (2022). Изменение субъективного благополучия в ситуации пандемии: роль копинг-стратегий и реакции на пандемию. В сб.: Е. В. Тихомирова, А. Г. Самохвалова (сост.). *Психология стресса и совладающего поведения: устойчивость и изменчивость отношений, личности, группы в эпоху неопределенности: материалы VI Международной научной конференции* (с. 9–13). Кострома: Изд-во КГУ.
- Леонтьев, Д. А., Шильманская, А. Е. (2019). Жизненная позиция личности: от теории к операционализации. *Вопросы психологии*, 1, 90–100.
- Осин, Е. Н. (2012). Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(4), 91–110.

- Осин, Е. Н., Кошелева, Н. В. (2020). Тест смысложизненных ориентаций: новые данные о структуре и валидности. *Вопросы психологии*, 66(6). С. 150–163.
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2020). Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1, 117–142. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.06

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Приложение

Адаптированная версия «Многокомпонентной шкалы экзистенциального смысла» (версия В. Костина и В. Виньолеза)

Инструкция. Пожалуйста, укажите степень Вашего согласия с приведенными утверждениями от 1 = «Совершенно не согласен» до 7 = «Полностью согласен».

1. Моя жизнь в целом имеет смысл.
2. Все мое существование наполнено смыслом.
3. Моя жизнь бессмысленна.
4. Мое существование лишено смысла.
5. Я могу понять смысл того, что происходит в моей жизни.
6. Когда я смотрю на мою жизнь в целом, многое кажется мне понятным.
7. Я не могу найти смысл в событиях моей жизни.
8. У меня есть ясное ощущение того, чего я пытаюсь достичь в жизни.
9. У меня есть определенные жизненные цели, побуждающие меня двигаться вперед.
10. Я не знаю, чего я пытаюсь достичь в жизни.
11. У меня нет убедительных жизненных целей, которые заставляют меня двигаться вперед.
12. Факт моей жизни важен даже в масштабе Вселенной.
13. Даже учитывая, насколько велика Вселенная, могу сказать, что моя жизнь имеет значение.
14. Мое существование не имеет ценности на фоне глобальных процессов.
15. Учитывая необъятность Вселенной, моя жизнь не имеет значения.

Обратные пункты: 3, 4, 7, 10, 11, 14, 15.

Ключи (для подсчета баллов требуется инвертировать обратные пункты и сложить их вместе с прямыми пунктами):

Суждения о смысле жизни = 1, 2, 3, 4

Связность = 5, 6, 7

Целенаправленность = 8, 9, 10, 11

Значимость = 12, 13, 14, 15

Поступила в редакцию 15.12.2025 г.; принята 30.12.2025 г.

Емельянчук Николай Николаевич – стажер-исследователь Международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации НИУ ВШЭ, магистр психологических наук, преподаватель кафедры психологии личности и дифференциальной психологии Московского института психоанализа.

E-mail: emelianchuk@gmail.com

Леонтьев Дмитрий Алексеевич – заведующий Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации НИУ ВШЭ, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: dleontiev@hse.ru

For citation: Emelianchuk, N. N., Leontiev, D. A. (2026). Validation of Russian Version of the Multidimensional Existential Meaning Scale. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 99, 140–160. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/99/8

Validation of Russian Version of the Multidimensional Existential Meaning Scale¹

N.N. Emelianchuk^{1,2}, D.A. Leontiev¹

¹ HSE University, Moscow, 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

² Moscow Institute of Psychoanalysis, 34, Build. 14, Kutuzovskiy Ave., Moscow, 121170, Russian Federation

Abstract

Meaning in life has a multidimensional structure and represents one of the key determinants of well-being. The aim of the present study was to examine the construct validity of subscales of the *Multidimensional Existential Meaning Scale* (MEMS). **Methods.** The questionnaire was translated into Russian and tested on two samples: (1) participants of an international study on psychological coping with the COVID-19 threat aged 25–67 years (N = 116; M = 45.1; SD = 9.79; 92.24% women), and (2) first-year undergraduate students of HSE University aged 17–24 years (N = 291; M = 18.8; SD = 1.21; 93.13% women). Convergent validity was assessed using correlational and regression analyses. The MEMS subscales ("meaning in life judgments", "coherence", "purpose", and "mattering") were compared with measures of well-being, motivation, and self-determination. The following instruments were used: the PERMA-Profiler, the Depression Anxiety Stress Scales (DASS-21), the Personal Life Position Questionnaire, the Mental Health Continuum, the Positive and Negative Affect Schedule, the Noetic Orientations Test, the Russian Causality Orientations Questionnaire, and the Satisfaction with Life Scale. **Results.** All MEMS subscales, as well as the total MEMS score introduced in this study, showed significant positive correlations with all indicators of well-being and significant negative correlations with negative emotional states and impersonal motivation. The strongest associations with meaning in life (total NOT score) were observed for the total MEMS score ($r = 0.765$, $p < 0.001$) and the "meaning in life judgments" subscale ($r = 0.700$, $p < 0.001$), supporting the external validity of the MEMS. The cognitive component of meaning in life, represented by the "coherence" subscale, emerged as the only significant predictor of social well-being and life satisfaction. The motivational component, "purpose", demonstrated the strongest association with the "goals" subscale of the NOT ($r = 0.765$, $p < 0.001$). **Conclusions.** The MEMS can be used as an instrument for assessing overall meaning in life as well as its cognitive and motivational components, represented by the "coherence" and "purpose" subscales. The empirical differentiation of the affective component of meaning in life, represented by "mattering," requires further investigation.

Keywords: meaning in life; construct validity; purpose; coherence; mattering; well-being

References

Alsaadi, F., Maldonado, M. A., Erfanikia, M., Molinario, E., & Moyano, M. (2025) Systematic review of search for meaning in life assessment tools: highlighting the need for a quest for significance scale. *Front. Psychol.* 16:1513720. doi: 10.3389/fpsyg.2025.1513720

¹ The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 24-28-01602, "Personality resources of coping and well-being: structure and assessment".

- Butler, J., & Kern, M. L. (2016). The PERMA-Profilер: A brief multidimensional measure of flourishing. *International Journal of Wellbeing*, 6(3), 1–48. doi: 10.5502/ijw.v6i3.526
- Campbell, J. D., Trapnell, P. D., Heine, S. J., Katz, I. M., Lavallee, L. F., & Lehman, D. R. (1996). Self-concept clarity: Measurement, personality correlates, and cultural boundaries. *Journal of Personality and Social Psychology*, 70, 141–156. doi: 10.1037/0022-3514.70.1.141
- Carver, C. S., & White, T. L. (1994). Behavioral inhibition, behavioral activation, and affective responses to impending reward and punishment: The BIS/BAS scales. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67(2), 319–333. doi: 10.1037/0022-3514.67.2.319
- Costin, V., & Vignoles, V. L. (2020). Meaning is about mattering: Evaluating coherence, purpose, and existential mattering as precursors of meaning in life judgments. *Journal of Personality and Social Psychology*, 118(4), 864–884. doi: 10.1037/pspp0000225
- Crumbaugh, J. C., & Maholick, L. T. (1964). An experimental study in existentialism: The psychometric approach to Frankl's concept of noogenic neurosis. *Journal of Clinical Psychology*, 20(2), 200–207.
- Dergacheva, O. E., Dorfman, L. Ya., & Leontiev, D. A. (2008). Russkoyazychnaya adaptatsiya oprosnika kauzal'nykh orientatsiy [Russian-language adaptation of the General Causality Orientations Scale]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 3, 91–106.
- Eisenbeck, N., et al. (2022). An international study on psychological coping during COVID-19: Towards a meaning-centered coping style. *International Journal of Clinical and Health Psychology*, 22. doi: 10.1016/j.ijchp.2021.100256
- George, L. S., & Park, C. L. (2016). The Multidimensional Existential Meaning Scale: A tripartite approach to measuring meaning in life. *The Journal of Positive Psychology*, 11(6), 613–627. doi: 10.1080/17439760.2016.1209546
- Haputpong, L., & Dudsdeemaytha, J. (2023). The Tripartite Meaning in Life Scale: Assessing Meaning in Life in Three Dimensions. *Procedia of Multidisciplinary Research*, 1(3), 8.
- He, X.-X., Wang, X.-Q., Steger, M. F., Ji, L.-J., Jing, K., Liu, M.-F., & Ye, B.-J. (2023). Meaning in life and psychological distress: A meta-analysis. *Journal of Research in Personality*, 104, 104381. doi: 10.1016/j.jrp.2023.104381
- Isaeva, O. M., Akimova, A. Yu., & Volkova, E. N. (2022). Oprosnik blagopoluchiya PERMA-Profilер: aprobatsiya russkoyazychnoy versii [PERMA-Profilер well-being questionnaire: validation of the Russian version]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 13(3), 116–133. doi: 10.17759/sps.2022130308
- Leontiev, D. A. (1999). *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovy real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of meaning reality]. Moscow: Smysl.
- Leontiev, D. A., & Shilmanskaya, A. E. (2019). Zhiznennaya pozitsiya lichnosti: ot teorii k operatsionalizatsii [Life stance of personality: from theory to operationalization]. *Vo-prosy psikhologii*, 1, 90–100.
- Leontiev, D. A., Rasskazova, E. I., Taranenko, O. V., & Kosheleva, N. V. (2022). Izmenenie sub"ektivnogo blagopoluchiya v situatsii pandemii: rol' koping-strategiy i reaksii na pandemiyu [Changes in subjective well-being in the pandemic situation: the role of coping strategies and reactions to the pandemic]. In E. V. Tikhomirova & A. G. Samokhvalova (Eds.), *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: ustoychivost' i izmenchivost' otosheniya, lichnosti, gruppy v epokhu neopredelennosti* [Psychology of stress and coping behavior: stability and variability of relationships, personality, group in an era of uncertainty] (pp. 9–13). Kostroma: KSU.
- Li, Z., Liu, Y., Peng, K., Hicks, J. A., & Gou, X. (2021). Developing a quadripartite existential meaning scale and exploring the internal structure of meaning in life. *Journal of Happiness Studies*, 22(2), 887–905. doi: 10.1007/s10902-020-00256-2

- Lovibond, P. F., & Lovibond, S. H. (1995). The structure of negative emotional states: Comparison of the Depression Anxiety Stress Scales (DASS) with the Beck Depression and Anxiety Inventories. *Behavior Research and Therapy*, 33(3), 335–343.
- MacKenzie, M. J., & Baumeister, R. F. (2014). Meaning in life: Nature, needs, and myths. In A. Batthyany & P. Russo-Netzer (Eds.), *Meaning in positive and existential psychology* (pp. 25–37). Springer. doi: 10.1007/978-1-4939-0308-5
- Mahoney, A., Carels, R. A., Pargament, K. I., Wachholtz, A., Leeper, L. E., Kaplar, M., & Frutchey, R. (2005). The sanctification of the body and behavioral health patterns of college students. *International Journal for the Psychology of Religion*, 15(3), 221–238. DOI: 10.1207/s15327582ijpr1503_3
- Marco, J. H., García-Alandete, J., Pérez Rodríguez, S., Guillén, V., Baños, R. M., & Tormo-Irun, M. P. (2022). Spanish validation of the Multidimensional Existential Meaning Scale: which dimension of meaning in life is more associated with psychopathology in people with mental disorders? *Frontiers in Psychiatry*, 13, 832934. doi: 10.3389/fpsy.2022.832934
- Martela, F., & Steger, M. F. (2016). The three meanings of meaning in life: Distinguishing coherence, purpose, and significance. *The Journal of Positive Psychology*, 11(5), 531–545. doi: 10.1080/17439760.2015.1137623
- Martela, F., & Steger, M. F. (2022). The role of significance relative to the other dimensions of meaning in life: An examination utilizing the three-dimensional meaning in life scale (3DM). *The Journal of Positive Psychology*, 18(4), 606–626. doi: 10.1080/17439760.2022.2070528
- Osin, E. N. (2012). Izmerenie pozitivnykh i negativnykh emotsiy: razrabotka russkoyazychnogo analoga metodiki PANAS [Measurement of positive and negative emotions: development of a Russian-language analogue of the PANAS]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 9(4), 91–110.
- Osin, E. N., & Kosheleva, N. V. (2020). Test smyslozhiznennykh orientatsiy: novye dannye o strukture i validnosti [The Purpose-in-Life Test: new data on structure and validity]. *Voprosy psikhologii*, 66(6), 150–163.
- Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2020). Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub"ektivnogo blagopoluchiya: psikhometricheskie kharakteristiki i sravnitel'nyy analiz [Brief Russian-language scales for assessing subjective well-being: psychometric properties and comparative analysis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 1, 117–142. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.06
- Park, C. L., George, L. S., & Ai, A. L. (2020). Measuring three distinct aspects of meaning in life: The multidimensional existential meaning scale (MEMS). In *Assessing spirituality in a diverse world* (pp. 117–140). Cham: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-030-52140-0_6
- Steger, M. F. (2012). Experiencing meaning in life: Optimal functioning at the nexus of spirituality, psychopathology, and well-being. In P. T. P. Wong (Ed.), *The Human Quest for Meaning: Theories, Research, and Applications* (2nd ed., pp. 165–184). New York, NY: Routledge.
- Zolotareva, A. A. (2020). Sistematischeskiy obzor psikhometricheskikh svoystv Shkaly depressii, trevogi i stressa (DASS-21) [A systematic review of the psychometric properties of the Depression, Anxiety and Stress Scale (DASS-21)]. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii im. V. M. Bekhtereva*, 2, 26–37. doi: 10.31363/2313-7053-2020-2-26-37

Nikolai N. Emelianchuk – Research Intern at the International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, HSE University; MSc in Psychology; Lecturer at the Department of Personality Psychology and Differential Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis.

E-mail: emelianchuk@gmail.com

Dmitry A. Leontiev – head of the International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, HSE University, Dr. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: dleontiev@hse.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 37.015.31

ИГРОВАЯ И ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ: УСЛОВИЯ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ РАЗВИТИЕ¹

А.Н. Веракса^{1,2}, В.А. Плотникова^{1,2}, Н.Е. Веракса¹, Н.Н. Вересов³

¹ *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1*

² *Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 9/4.*

³ *Публичный исследовательский университет «Университет Монаша», Австралия, Викториа, Клейтон, Веллингтон-роуд, 3800*

Резюме

В условиях изменения специфики современного детства возрастает интерес к разработке и исследованию эффективных методов поддержки развития детей. Особенно актуальными становятся практики, способствующие формированию регуляторных и речевых компетенций. В настоящем исследовании изучалось влияние степени субъектной позиции ребенка и глубины его погружения в мнимую ситуацию – как ключевых характеристик игровой и проектной деятельности – на развитие саморегуляции и речи в дошкольном возрасте. Гипотезами исследования стали предположения о том, что: 1) чем выше степень субъектности позиции ребенка в образовательной ситуации, тем сильнее эффект развития речи; 2) в то время как чем больше ребенок погружен в мнимую ситуацию, тем больше эффект развития саморегуляции. В выборку вошли 215 дошкольников ($M = 69,7$ мес., $SD = 4,28$ мес.), участвовавших в слепом контролируемом эксперименте, включавшем три этапа: пре-тест, реализацию развивающих занятий, пост-тест. Дети были распределены в четыре экспериментальные группы (Игровые миры, Свободная игра, Творческий проект, Исследовательский проект) и одну контрольную. Методики включали батарею заданий NEPSY-II, тест «Сортировка карточек», тест «Статуя» для оценки регуляторных функций, а также инструмент MAIN для оценки связной речи. Результаты показали, что наибольший прогресс в развитии саморегуляции достигнут в группе Игровые миры, а именно зафиксировано развитие рабочей памяти ($p = 0,021$) и физического сдерживающего контроля ($p = 0,018$). Развитие речи оказалось наиболее выраженным у участников Творческого проекта ($p < 0,05$). Таким образом, показано, что погружение в мнимую ситуацию в первую очередь способствует развитию саморегуляции, в то время как высокая степень субъектности позиции ребенка – развитию речи. Результаты поддерживают положения культурно-исторического подхода и под-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 23-18-00506-П «Сопоставление игровой и проектной деятельности».

черкивают важность активного участия ребенка в образовательных практиках. Полученные данные имеют высокую практическую значимость для проектирования развивающих практик в дошкольном образовании.

Ключевые слова: культурно-исторический подход; проектная деятельность; сюжетно-ролевая игра; субъектность; мнимая ситуация; саморегуляция; связная речь; регуляторные функции

Введение

Современное детство претерпевает существенные изменения, связанные с трансформацией социокультурной среды. Исследования фиксируют ухудшение навыков саморегуляции и рост речевых трудностей у детей, которые связывают с растущим экранным временем (Uzundağ, Altundal, Keşşafoglu, 2022; Ponti, 2023; Matsuo, Matsumoto, Mitsuhashi, Yorifuji, 2024). В ответ на изменение специфики современного детства растет интерес к эффективным методам поддержки развития детей. Наиболее популярными в дошкольных образовательных учреждениях среди них являются игровая и проектная деятельность.

Сюжетно-ролевая игра – ведущая деятельность детей дошкольного возраста (Эльконин, 2022). В сюжетно-ролевой игре дети в условных ситуациях воспроизводят социальные отношения «мира взрослых», принимая на себя игровые роли и следуя правилам, диктуемым ролями. Современные исследования показывают, что сюжетно-ролевая игра является эффективным способом развития саморегуляции и речи в дошкольном возрасте (Stagnitti, Bailey, Hudspeth Stevenson, Reynolds, Kidd, 2016; Yogman, Garner, Hutchinson, Hirsh-Pasek, Golinkoff, 2018). Проектная деятельность – это форма взаимодействия взрослого и ребенка, основанная на поддержке самостоятельной активности и инициативы дошкольника и ориентированная на создание продукта и его презентацию в социуме (Helm et al., 2023). Исследования показывают, что проектная деятельность способствует когнитивному и речевому развитию детей (Кузнецова, 2020; Can, Yıldız-Demirtaş, Altun, 2017). Несмотря на то, что существует значительное количество исследований, рассматривающих влияние игровой и проектной деятельности на развитие дошкольников, большинство из них посвящено оценке результатов развития. Однако существует ограниченное понимание, какие именно условия и механизмы игровой и проектной деятельности способствуют изменениям в развитии; в частности, ключевые развивающие компоненты игровой и проектной деятельности и их взаимосвязь с развитием детей остаются недостаточно изученными.

С точки зрения культурно-исторического подхода развитие происходит в результате переживания ребенком определенных элементов социальной ситуации, которые преломляются через субъективный, эмоционально пережитый опыт ребенка (Выготский, 1983). Развивающий потенциал социальной ситуации либо реализуется, либо нет в зависимости от того, включается ли эмоционально и осмысленно ребенок в социальный контекст.

В этой связи особую значимость приобретает изучение механизмов разных видов деятельности, доступных детям дошкольного возраста, и их влияния на реализацию возможностей социальной ситуации развития.

Субъектность позиции ребенка в образовательной ситуации как механизм развития. Становление ребенка как личности происходит во взаимодействии с социальным окружением (Выготский, 1983; Поддьяков, 2021), в котором ребенок выступает не как объект воздействия, а как активный субъект взаимоотношений со своей личностной позицией по отношению к окружающему миру, со своей картиной мира и особенностями ее переживания (Веракса, Туребаев, 2018). Понятие субъектности включает два существенных признака: самопричинность и переживаемость. Иными словами, понятие субъектности подчеркивает, с одной стороны, что деятельность человека носит активный, а не реактивный характер, с другой стороны, что эта внутренняя активность переживается, ощущается человеком. Субъектность позиции ребенка охватывает эмоциональную, когнитивную и поведенческую сферы. Однако недостаточное владение культурными формами и средствами деятельности ограничивает возможности ребенка в проявлении субъектности.

Согласно Л.С. Выготскому, именно освоение культуры трансформирует поведение ребенка из натурального в культурное, делая его субъектом собственной активности. Овладение культурными средствами деятельности позволяет ребенку, с одной стороны, быть активным участником социальных отношений, с другой стороны, быть в них личностно значимым. Личностная значимость выражается не в том, что ребенок подражает или помогает взрослому, а в том, что он делает что-то уникальное, ценное и важное для окружающих. Таким образом, субъектность позиции ребенка в образовательной ситуации характеризуется активностью, социальной значимостью и рефлексией (переживаемостью) своей активности.

Традиционное обучение или нормативная ситуация (Веракса, Веракса, Ощепкова, Плотникова, 2025) предполагает низкую степень субъектности ребенка. Освоение культурных действий с артефактами и значений, выработанных в ходе исторического развития общества, предполагает усвоение от взрослого предписанных способов действий, культурных форм. Ребенок занимает позицию ученика, а взрослый – позицию учителя. Поэтому традиционному обучению свойственна низкая степень как личностной активности ребенка, так и социальной ценности его действий.

В игровой деятельности степень субъектности позиции ребенка выше, чем в обучении. Если пространство культуры определяется в первую очередь направленностью на освоение операционального состава действий, за которым стоит система значений, то игровая деятельность предполагает освоение смысловой стороны культуры (Леонтьев, 1997). В игре реализуются игровые действия, направленные на построение отношений к культуре, освоение смысловой стороны действия и «мира взрослых». Такое освоение происходит в значительной степени ребенком самостоятельно, здесь помощь взрослого ограничена. При этом игровая деятельность обладает

выраженной направленностью на процесс (Веракса, Веракса, Плотникова, 2023). Поэтому игра часто рассматривается взрослыми как «развлечение», что снижает социальную ценность игровых действий ребенка. Так, игровая деятельность предполагает высокую степень активности ребенка, однако не способствует укреплению социальной значимости его действий.

В проектной деятельности наиболее выражена субъектность позиции ребенка. Проектная деятельность направлена на реализацию индивидуального замысла ребенка через создание уникального продукта (Веракса и др., 2023; Helm et al., 2023). В этом случае новый продукт через свою уникальность выражает или передает детскую индивидуальность. В проектной деятельности взрослый способствует рефлексии замыслов ребенка и позитивной социальной презентации проекта. Так, проектная деятельность предполагает высокую личностную активность ребенка, рефлексивность своих переживаний и действий, направленность на создание продукта, отражающего социальную значимость и ценность действий ребенка.

Таким образом, можно рассматривать степень выраженности субъектности позиции ребенка в образовательном процессе как континуум, на котором располагаются различные виды деятельности, доступные дошкольникам. В традиционном обучении и нормативных ситуациях ребенок осваивает культурные значения, при этом степень его субъектности наименее выраженная. В игровой деятельности ребенок осваивает культурные смыслы, реализуя личностную активность и получая большую степень субъектности. В проектной деятельности ребенок получает наибольшую степень субъектности, порождая смыслы и реализуя их в социально значимом продукте.

Мнимая ситуация как механизм развития. «Мнимая ситуация» – термин, традиционно относящийся к игровой деятельности и понимаемый как воображаемый контекст, в котором ребенок принимает условную роль и действует, удерживая воображаемый план и реальный план действительности (Смирнова, 2014). Удержание воображаемого и реального планов действительности требует от ребенка постоянного переключения между ними на уровне действий, общения, смыслов. В психологическом плане мнимая ситуация переводит ребенка в условное «как будто» состояние, отделяя символы от реальности, в котором ребенок реализует нереализуемые желания (Выготский, 2017). Поэтому мнимую ситуацию можно определить прежде всего как пространство переживания и сопереживания (Fragkiadaki, Fleer, Rai, 2021), и это усиливает интерес к тому, чтобы рассматривать ее как возможный контекст развития ребенка. Возникновение мнимой ситуации обеспечивает высокий уровень мотивации и вовлеченности ребенка в деятельность (Schmidt, Vandewater, 2008). Учитывая, что игра является ведущей деятельностью детей дошкольного возраста (Эльконин, 2022), можно предположить, что мнимую ситуацию можно создать и в других видах деятельности.

Традиционное обучение не предполагает погружения ребенка в мнимую ситуацию. Несмотря на распространенность использования игровых

средств в обучении дошкольников, большинство из них носит внешний характер по отношению к содержанию обучения (Цукерман, Шибанова, 2019). Традиционное обучение предполагает использование внешних игровых элементов: например, когда яркий слоник показывают ребенку букву «эс». Однако такие игровые средства лишь в незначительной степени способствуют созданию мнимой ситуации и, соответственно, вовлечению детей в деятельность.

В проектной деятельности степень погружения в мнимую ситуацию может варьировать в зависимости от содержания и типа проекта. Как и в традиционном обучении, в проектной деятельности возможно использование внешних игровых средств. Например, можно вовлечь детей в реализацию проблемной ситуации через создание мотивации помощи игрушке. В то же время содержание проектной деятельности может предполагать наличие мнимой ситуации за счет использования символических средств, которые объединяют в себе реальный план действия и воображаемый (Рябкова, Шеина, 2023). Например, возникновение мнимой ситуации в проектной деятельности может быть связано с реализацией таких проектов, как создание спектакля, новой игры для группы детского сада, домика для эмоций и т.д.

В игровой деятельности степень погружения в мнимую ситуацию наиболее выраженная, так как именно мнимая ситуация является критерием возникновения сюжетно-ролевой игры у дошкольников (Выготский, 2017). Однако богатая и хорошо организованная игра требует от ребенка разнообразных умений: навыков планирования, выбора подходящих атрибутов, организации игрового пространства, решения конфликтов между участниками, поддержания драматической линии и т.д. Поскольку все эти способности лежат в зоне ближайшего развития ребенка, руководство взрослого является ключевым условием их актуализации (Samuelsson, 2020). Результаты исследований (Samuelsson, 2020) показывают, что именно взрослый помогает поддерживать вовлеченность ребенка в мнимую ситуацию.

Таким образом, степень погружения ребенка в мнимую ситуацию в образовательном процессе можно также рассматривать как континуум, на котором располагаются различные виды деятельности, доступные дошкольникам. В традиционном обучении и нормативных ситуациях ребенок сталкивается с внешними игровыми средствами, поэтому степень погружения в мнимую ситуацию в таком случае наименее выраженная. Погружение в мнимую ситуацию в проектной деятельности зависит от содержания проекта и использования в нем символических средств. Так, творческий проект открывает большие возможности для погружения в мнимую ситуацию, чем исследовательский проект. В игровой деятельности степень погружения в мнимую ситуацию наибольшая, однако она может варьировать в зависимости от участия взрослого в игре.

Гипотезы исследования. Проблема настоящего исследования заключается в выявлении специфики влияния степени субъектной позиции ребенка и глубины его погружения в мнимую ситуацию как ключевых компонентов игровой и проектной деятельности на развитие ключевых сфер до-

школьного возраста – саморегуляции, речи и социально-эмоциональной компетентности. Учитывая специфику игровой и проектной деятельности (Выготский, 2017; Helm, Katz, Wilson, 2023), а также положения культурно-исторического подхода к детскому развитию (Выготский, 1983; Поддьяков, 2021), авторами были выдвинуты следующие гипотезы: (1) чем более выражена степень субъектности ребенка в образовательной ситуации, тем более значимо развитие речи; (2) чем больше ребенок погружен в мнимую ситуацию в рамках образовательного процесса, тем более значимо развитие саморегуляции.

Материалы и методы

Участники исследования. В исследование были включены 215 дошкольников 5–6 лет ($M = 69,7$ мес., $SD = 4,28$ мес.), среди которых 108 мальчиков (50,2%). Каждый ребенок посетил не менее половины развивающих занятий и минимум две из трех встреч на этапе пост-теста. Все участники посещали государственные дошкольные образовательные учреждения г. Москвы. Участие детей в исследовании осуществлялось на основании добровольного информированного согласия их родителей (законных представителей). Исследование было одобрено Этическим комитетом факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Процедура исследования. На первом этапе была проведена индивидуальная оценка регуляторных функций (РФ), речевого и социально-эмоционального развития детей. Диагностика проводилась в тихом знакомом ребенку помещении детского сада и включала 3 встречи по 20 минут. На втором этапе с учетом пола дети были пропорционально распределены в пять условий: четыре экспериментальные группы – Игровые миры, Свободная игра, Творческий проект, Исследовательский проект, и одну контрольную группу. Группы не различались по ключевым диагностическим параметрам на этапе пре-теста (ANOVA, $p > 0,05$). В каждой группе было проведено 22 занятия по 20–30 минут. Занятия проводились дважды в неделю в подгруппах по 10–12 человек. На третьем этапе был проведен пост-тест, аналогичный начальной диагностике.

Методики

Диагностика саморегуляции. Саморегуляция в современных психологических исследованиях часто рассматривается через призму регуляторных функций – совокупности когнитивных процессов, обеспечивающих контроль поведения и адаптацию к новым условиям (Diamond, 2013). Согласно широко распространенной модели А. Мияке, ключевыми компонентами РФ являются рабочая память, когнитивная гибкость и сдерживающий контроль (Miyake, Friedman, Emerson, Witzki, Howerter, Wager, 2000). Компоненты РФ были продиагностированы с помощью заданий из батареи NEPSY-II (Davis, Matthews, 2010), адаптированной для русскоязычных детей (Веракса, Алмазова, Бухаленкова, 2020). Зрительная рабочая память

оценивалась с помощью субтеста «Память на конструирование», предполагающего запоминание изображений и их расположения в условиях временного ограничения и стимулов-дистракторов. Слухоречевая рабочая память определялась по результатам выполнения субтеста «Повторение предложений», где ребенку необходимо было воспроизвести за взрослым постепенно усложняющиеся грамматически и лексически предложения. Когнитивный сдерживающий контроль был оценен с помощью субтеста «Торможение». В данном задании ребенку сначала предлагается называть фигуры, изображенные на поле (например, квадраты и круги). На следующем этапе требуется произносить противоположное название: например, при предъявлении круга называть квадрат и наоборот. Физический сдерживающий контроль был оценен с помощью методики «Статуя», в которой необходимо сохранять неподвижную позу в течение 75 секунд при наличии отвлекающих факторов. Когнитивная гибкость оценивалась с применением методики «Сортировка карточек по изменяемому признаку», включающей сортировку стимулов: сначала по цвету, затем по форме, далее по правилу, зависящему от наличия или отсутствия рамки на картинке (Zelazo, 2006).

Диагностика речевого развития. Для оценки уровня речевого развития дошкольников была использована методика анализа связной речи (нарративов) Multilingual Assessment Instrument for Narratives (MAIN) (Gagarina et al., 2019). На этапе пре- и пост-теста детям предъявлялись эквивалентные по структуре и сложности серии картинок «Гнездо» и «Козлята» соответственно. Каждая серия включала шесть сюжетных картинок, сгруппированных в три эпизода. Иллюстрации были распечатаны и оформлены в виде книжки-раскладки. Ребенку предъявлялась следующая инструкция: «Сейчас я покажу тебе комиксы. Ты любишь комиксы? Смотри. Что здесь случилось? Расскажи, чтобы получилась настоящая история. Рассказывай как можно подробнее». Все нарративы фиксировались на диктофон, после чего проводились расшифровка и последующий анализ. Аудиозаписи нарративов были расшифрованы и оценены независимым экспертом, не осведомленным о цели исследования и не участвовавшим в других его процедурах. Оценка речевых высказываний включала анализ макро- и микроструктуры нарративов. Макроструктура (макс. 10 баллов) включала две субшкалы: программирование рассказа (полнота, логичность и структурная целостность) и смысловую адекватность (соответствие сюжету и понимание причинно-следственных связей). Микроструктура (макс. 10 баллов) оценивалась по двум субшкалам: лексическая оформленность и грамматико-синтаксическая организация.

Экспериментальные условия. В группе Игровые миры использовалась технология организации сюжетно-ролевой игры на основе литературного сюжета с активным участием взрослого в качестве партнера по игре «Игровые миры» (Fleer, 2022). В качестве сюжетной основы были использованы сокращенные версии сказок «Буратино» и «Волшебник Изумрудного

города». После коллективного чтения сказки организовывались обсуждения, распределение ролей (одну из которых брал на себя взрослый), затем дети через специальный «портал» попадали в игровой мир, где в символическом виде взрослым уже были подготовлены основные локации отрывка книги. Точного следования исходному сюжету не требовалось. Взрослый из выбранной роли поддерживал идеи детей по развитию и изменению сюжета, добавлял драматические коллизии в сюжетно-ролевую игру.

В группе Свободная игра взрослый организовывал обсуждение выбора темы и ролей игры, после чего не вмешивался в ход игры. Среда была насыщена неигровыми предметами (ленточки, ткани, коробки и др.) идентичными тем, что были подобраны для группы Игровые миры. Наличие открытых игровых предметов стимулировало развитие различных игровых сюжетов.

В группе Творческий проект было реализовано два проекта по детской инициативе: поделка-макет о космосе и спектакль собственного сочинения. Экспериментатор создавал проблемные ситуации, связанные с темами космоса и театра, решения которых предлагали дети. В ходе обсуждения и демонстрации эскизов своих идей с помощью голосования дети выбирали идею для реализации. Далее экспериментатор, следуя за детской инициативой и поддерживая ее, организовывал этап непосредственного создания продукта проекта: подготовка материалов, планирование, помощь в организации обсуждений, операционально-техническая поддержка, рефлексия содержания продукта и т.д. Результаты проектов были представлены в формате публичной презентации в детском саду.

В группе Исследовательский проект под руководством взрослого дети реализовывали два проекта: о космосе и электричестве. Экспериментатор создавал проблемную ситуацию, стимулирующую формулирование исследовательского вопроса, например: «Как построить дом для кукол, в котором можно будет включать и выключать свет?» Совместно с детьми обсуждались пути поиска ответов, планировалась работа, подбирался информационный материал, создавался продукт, отражающий ответ на поставленный вопрос, например плакат со схемой подключения электричества к кукольному домику. Проекты были также публично представлены в детском саду.

Статистические критерии. На первом этапе анализа данных были проведены анализ описательных статистик и проверка однородности групп с помощью χ^2 -критерия. Для оценки эффективности различных условий использовался дисперсионный анализ повторных измерений (RM-ANOVA), а также однофакторный дисперсионный анализ для приростов. Независимой переменной во всех моделях выступал тип условия (экспериментальная или контрольная группа). В случаях выявления значимых эффектов использовались апостериорные множественные сравнения с поправкой Тьюки. Во всех анализах уровень статистической значимости устанавливался на уровне $p < 0,05$. Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы Jamovi версии 2.5.7.

Результаты

Описательные статистики и предварительный анализ

В финальной выборке ($n = 215$) в экспериментальных и контрольной группах было сохранено пропорциональное распределение участников по полу ($\chi^2(4) = 3, p = 0,557$). На этапе пре-теста группы не демонстрировали статистически значимых различий по большинству диагностируемых показателей (ANOVA, $p > 0,05$), за исключением показателей когнитивного сдерживающего контроля (ANOVA, $F(4; 206) = 4, p = 0,004$) и слухоречевой рабочей памяти (ANOVA, $F(4; 210) = 9,36, p < 0,001$). В связи с этим при дальнейшем анализе для указанных переменных применялся анализ различий прироста баллов по изучаемым показателям. Описательные статистики и результаты проверки однородности дисперсий представлены в таблице.

Описательные статистики диагностируемых показателей на этапах пре- и пост-теста (экспериментальные и контрольная группы)

Условия / Показатели	Зрительная рабочая память	Слухоречевая рабочая память	Когнитивная гибкость	Когнитивный сдерживающий контроль	Физический сдерживающий контроль	Макроструктура нарратива	Микроструктура нарратива
M ± SD							
Пре-тест							
Игровые миры	67,4 ± 16,6	19,3 ± 3,51	21,2 ± 2,2	10,2 ± 3,08	27,4 ± 2,96	4,89 ± 1,45	4,68 ± 1,39
Свободная игра	71,4 ± 22,3	19,2 ± 3,36	20,2 ± 3,57	9,61 ± 3,31	27,3 ± 3,35	4,67 ± 1,11	4,48 ± 1,09
Творческий проект	72,7 ± 18,5	19,4 ± 3,09	20,5 ± 2,67	11 ± 2,8	25,2 ± 4,12	4,59 ± 1,64	4,71 ± 1,45
Исследовательский проект	71,6 ± 24,2	19,4 ± 3,55	20,2 ± 3,02	11,8 ± 3	26,5 ± 3,9	4,63 ± 1,21	4,85 ± 1,03
Контрольная группа	65,3 ± 18,6	16,5 ± 3,15	19,7 ± 2,7	9,38 ± 3,35	26,3 ± 4,22	4,74 ± 1,44	5,02 ± 1,42
Оценка групповых различий (ANOVA)	$F(4;85,2) = 1,327, p = 0,267$	$F(4;85,2) = 9,512, p < 0,001$	$F(4;85,9) = 1,915, p = 0,115$	$F(4;86,9) = 4,112, p = 0,004$	$F(4;86,1) = 2,027, p = 0,098$	$F(4;77,5) = 0,2, p = 0,938$	$F(4;78,2) = 0,981, p = 0,423$
Пост-тест							
Игровые миры	95,9 ± 18,6	21,7 ± 3,21	22,2 ± 2,27	11,6 ± 3,08	29,5 ± 0,84	6,03 ± 1,16	5,98 ± 1,15
Свободная игра	89,5 ± 19,1	21,4 ± 2,75	21,3 ± 2,73	11,1 ± 3,34	27,4 ± 3,29	5,47 ± 1,1	5,07 ± 1,06
Творческий проект	90,8 ± 18,9	19,2 ± 2,1	21,9 ± 2,1	12,2 ± 2,88	26 ± 4,46	6,03 ± 1,01	6,04 ± 0,966
Исследовательский проект	88,8 ± 22,2	18,9 ± 4,4	20,7 ± 2,83	11,9 ± 3,8	25,8 ± 3,95	4,33 ± 1,27	4,61 ± 1,19

Окончание таблицы

Условия / Показатели	Зрительная рабочая память	Слухоречевая рабочая память	Когнитивная гибкость	Когнитивный сдерживающий контроль	Физический сдерживающий контроль	Макроструктура нарратива	Микроструктура нарратива
Контрольная группа	84,7 ± 19,9	17,6 ± 3	20,7 ± 3,06	11 ± 3,06	26,7 ± 4,33	3,79 ± 1,2	4,57 ± 1,47
Оценка групповых различий (ANOVA)	F(4;58,9) = 1,41, p = 0,242	F(4;51,5) = 10,149, p < 0,001	F(4;77,1) = 2,195, p = 0,077	F(4;50,7) = 0,549, p = 0,701	F(4;58,1) = 13,99, p < 0,001	F(4;31,9) = 11,132, p < 0,001	F(4;33,7) = 6,29, p < 0,001

Анализ эффективности игровой и проектной деятельности

Для анализа эффективности игровой и проектной деятельности был проведен дисперсионный анализ повторных измерений с апостериорным тестом для показателей зрительной рабочей памяти, когнитивной гибкости, физического сдерживающего контроля, макроструктуры нарратива, микроструктуры нарратива. Для когнитивного сдерживающего контроля и слухоречевой рабочей памяти был проведен дисперсионный анализ дифференциальных различий пре- и пост-теста.

Регуляторные функции. Для зрительной рабочей памяти был зафиксирован основной эффект времени (RM-ANOVA, $F(1; 135) = 125,86$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,155$) и эффект взаимодействия времени и условия (RM-ANOVA, $F(4; 135) = 2,62$, $p = 0,038$, $\eta^2 = 0,013$). Анализ попарных сравнений показал, что во всех группах, кроме Исследовательского проекта (Post Hoc, $t(135) = -2,87$, $p_{Tukey} = 0,124$), дети продемонстрировали значимый рост зрительной рабочей памяти (рис. 1, а). Различий между экспериментальными и контрольной группами не зафиксировано.

Для слухоречевой рабочей памяти обнаружены значимые различия по приросту баллов между группами (ANOVA, $F(4; 106) = 3,03$, $p = 0,021$). Дети из Игровых миров показали значимо больший прирост баллов по слухоречевой рабочей памяти, чем дети из Творческого проекта ($t(106) = 2,71$, $p_{Tukey} = 0,015$; рис. 1, б).

Для когнитивной гибкости был зафиксирован только основной эффект времени (RM-ANOVA, $F(1; 158) = 12,844$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,025$). Однако анализ попарных сравнений показал отсутствие значимых изменений от пре-теста к пост-тесту внутри групп и различий между группами на пост-тесте (рис. 1, в).

Для когнитивного сдерживающего контроля значимых различий и / или изменений не обнаружено (рис. 1, г).

Для физического сдерживающего контроля были зафиксированы основной эффект времени (RM-ANOVA, $F(1; 149) = 8,02$, $p = 0,005$, $\eta^2 = 0,007$) и эффект взаимодействия времени и условия (RM-ANOVA, $F(4; 149) = 3,07$,

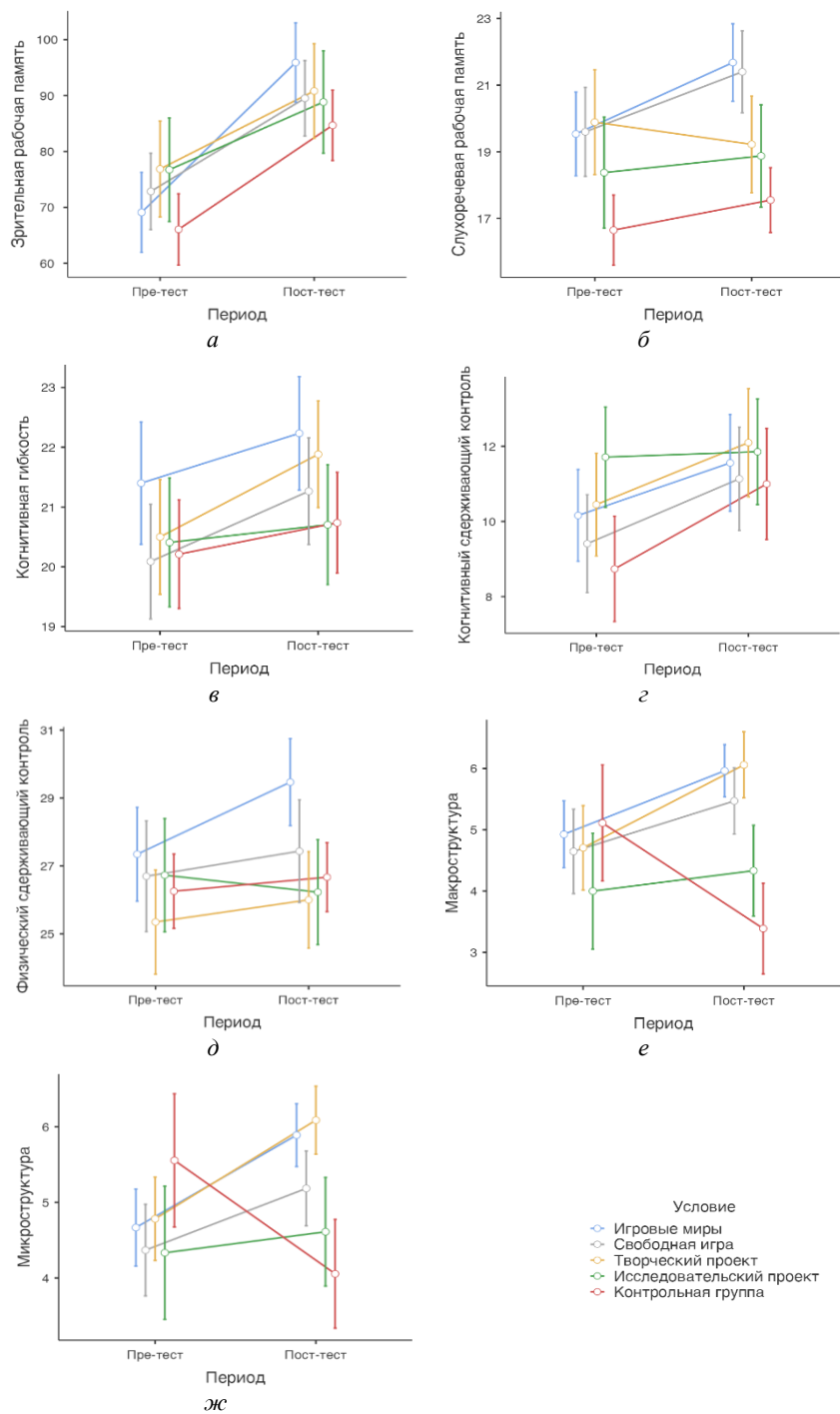

Рис. 1. Показатели регуляторных функций и связной речи на пре- и пост-тесте

$p = 0,018$, $\eta^2 = 0,011$). Анализ попарных сравнений показал, что в Игровых мирах произошел значимый рост данного показателя от пре-теста к пост-тесту (Post Hoc, $t(149) = -4,19$, $p_{Tukey} = 0,002$). На пост-тесте дети из Игровых миров справились с заданием на физический сдерживающий контроль значительно лучше, чем дети из Творческого проекта (Post Hoc, $t(149) = 3,57$, $p_{Tukey} = 0,016$), Исследовательского проекта (Post Hoc, $t(149) = 3,18$, $p_{Tukey} = 0,053$) и контрольной группы (Post Hoc, $t(149) = 3,38$, $p_{Tukey} = 0,03$) (рис. 1, д).

Речевое развитие. Для макроструктуры нарратива был обнаружен значимый эффект взаимодействия времени и условия (RM-ANOVA, $F(4;87) = 6,9$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,099$). Анализ попарных сравнений показал, что в Игровых мирах (Post Hoc, $t(87) = -3,6$, $p_{Tukey} = 0,019$) и Творческом проекте (Post Hoc, $t(87) = -3,7$, $p_{Tukey} = 0,014$) произошел значимый рост данного показателя от пре-теста к пост-тесту. В контрольной группе зафиксировано значимое снижение баллов макроструктуры (Post Hoc, $t(87) = 3,4$, $p_{Tukey} = 0,031$). Дети из Игровых миров (Post Hoc, $t(87) = 5,97$, $p_{Tukey} < 0,001$), Свободной игры (Post Hoc, $t(87) = 4,52$, $p_{Tukey} < 0,001$) и Творческого проекта (Post Hoc, $t(87) = 5,8$, $p_{Tukey} < 0,001$) показали более высокие результаты на пост-тесте по данному параметру, чем дети из контрольной группы (рис. 1, е). Дети из Игровых миров (Post Hoc, $t(87) = 3,7$, $p_{Tukey} = 0,01$) и Творческого проекта (Post Hoc, $t(87) = 3,75$, $p_{Tukey} = 0,012$) показали более высокие результаты на пост-тесте по данному параметру, чем дети из Исследовательского проекта.

Для микроструктуры нарратива были зафиксированы основной эффект времени (RM-ANOVA, $F(1; 87) = 5,19$, $p = 0,025$, $\eta^2 = 0,021$) и эффект взаимодействия времени и условия (RM-ANOVA, $F(4; 87) = 6,23$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,102$). Анализ попарных сравнений показал, что в Игровых мирах (Post Hoc, $t(87) = -4,06$, $p_{Tukey} = 0,004$) и Творческом проекте (Post Hoc, $t(87) = -4$, $p_{Tukey} = 0,005$) произошел значимый рост данного показателя от пре-теста к пост-тесту. Дети из Игровых миров (Post Hoc, $t(87) = 4,39$, $p_{Tukey} = 0,001$) и Творческого проекта (Post Hoc, $t(87) = 4,76$, $p_{Tukey} < 0,001$) показали более высокие результаты на пост-тесте по данному параметру, чем дети из контрольной группы (рис. 1, ж). Дети из Творческого проекта (Post Hoc, $t(87) = 3,46$, $p_{Tukey} = 0,027$) показали более высокие результаты на пост-тесте по данному параметру, чем дети из Исследовательского проекта.

Для количества слов в нарративе на уровне тенденции обнаружен значимый эффект времени (RM-ANOVA, $F(1; 87) = 3,8$, $p = 0,055$, $\eta^2 = 0,014$). Апостериорные тесты показали, что в Творческом проекте на пост-тесте дети составили рассказ со значительно большим количеством слов, чем дети в Исследовательском проекте (Post Hoc, $t(87) = 3,29$, $p_{Tukey} = 0,047$).

Обсуждение результатов

Целью данного исследования было выявление специфики влияния степени субъектной позиции ребенка и глубины его погружения в мнимую

ситуацию как ключевых компонентов игровой и проектной деятельности на развитие саморегуляции и речи дошкольников. Результаты демонстрируют, что наиболее значимое развитие саморегуляции произошло в группе Игровые миры: дети показали рост слухоречевой и зрительной рабочей памяти, физического сдерживающего контроля. На развитие речи повлияли занятия в Игровых мирах, Свободной игре и Творческом проекте. Наименее выраженным эффект оказался для детей из Свободной игры: они показали более высокие баллы по макроструктуре речи на пост-тесте, чем дети из контрольной группы. В Игровых мирах отмечено развитие как макро-, так и микроструктуры нарратива. Наиболее выраженные результаты были достигнуты в Творческом проекте: дети показали значимый рост показателей макро- и микроструктуры нарратива, а также на пост-тесте составили нарратив с наибольшим количеством слов. Подчеркнем, что дошкольники из контрольной группы показали значимое снижение семантической связанности речи к пост-тесту.

Полученные результаты согласуются с положениями культурно-исторического подхода: дети становятся активными субъектами своего развития по мере усвоения социальных норм и правил (Выготский, 1983; Подъяков, 2021; Веракса и др., 2023). В исследовании показано, что чем выше субъектная позиция ребенка в деятельности, тем интенсивнее развивается его речь. Дети, выступавшие «авторами» проектов, реализовывали в социально одобряемых продуктах свои уникальные идеи, рефлексивные переживания. Творческая проектная деятельность стимулировала детей самостоятельно генерировать идеи, обсуждать их с партнерами и планировать действия, что активизировало внутренний и внешний речевой план. Когда ребенок действует как субъект в игре – иницируя диалог, пересказывая сюжет, эмоционально отзываясь на ход события, он постоянно использует речь как средство регулирования своего поведения и взаимодействия. Как в сюжетно-ролевой игре со взрослым, так и в творческом проекте ключевую роль играет поддержка инициативы ребенка взрослым, что оказывает положительное влияние на развитие речевых навыков.

Отметим также, что более глубокое погружение ребенка в мнимую ситуацию сопровождалось лучшим развитием саморегуляции. Мнимая ситуация задает «правила поведения» и рамки для действий, которым необходимо следовать. Данные показывают: чем глубже ребенок погружается в мнимую ситуацию, тем легче ему контролировать импульсы и управлять своим поведением, что согласуется с предыдущими исследованиями (Zakharova, Machinskaya, 2023). Мнимая ситуация структурирует действия ребенка и мотивирует его к достижению общей цели. Иными словами, мнимая ситуация создает уникальную «микросреду развития», где исполняются элементы саморегуляции (внешняя и внутренняя речь, задержка активности, планирование), что согласуется с идеей о «драматическом переживании» как триггере развития регуляторных функций (Veresov, 2017).

Основным ограничением настоящего исследования следует считать частичное выбытие участников из эксперимента, что обусловило нарушение эквивалентности экспериментальных групп по ряду исследуемых показателей на этапе первичного измерения (пре-теста). Данное обстоятельство может представлять угрозу внутренней валидности исследования и затруднять интерпретацию различий, зафиксированных на последующих этапах, однако в целях компенсации на стадии статистической обработки данных были применены корректирующие процедуры.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что степень субъектной позиции ребенка и глубина погружения в мнимую ситуацию являются значимыми факторами, способствующими развитию саморегуляции и речи в дошкольном возрасте. Именно данные факторы могут выступать ключевыми механизмами, определяющими развитие ребенка в игровой и проектной деятельности. Перспективным представляется дальнейшее исследование взаимосвязи между степенью субъектной позиции ребенка и его уровнем саморегуляции и речевого развития. Необходимо уточнить, какие именно аспекты субъектности (инициативность, автономность, произвольность речевого и поведенческого планирования) в наибольшей степени способствуют психическому развитию. Кроме того, требуется более детальное изучение характера и структуры мнимой ситуации, а также параметров, определяющих глубину погружения ребенка в нее. Практическая значимость исследования заключается в разработке и апробации образовательных форматов, способствующих развитию регуляторных функций и речи дошкольников. Полученные данные могут быть использованы при проектировании развивающих программ в системе дошкольного образования, а также в подготовке педагогов к организации субъектно насыщенной игровой и проектной деятельности.

Литература

- Веракса, А. Н., Алмазова, О. В., Бухаленкова, Д. А. (2020). Диагностика регуляторных функций в старшем дошкольном возрасте: батарея методик. *Психологический журнал*, 41(6), 108–118.
- Веракса, А. Н., Веракса, Н. Е., Ощепкова, Е. С., Плотникова, В. А. (2025). Взаимосвязь позиции ребенка в образовательной ситуации и развития связной речи. *Культурно-историческая психология*, 21(1), 42–54. doi: 10.17759/chp.2025210105
- Веракса, Н. Е., Веракса, А. Н., Плотникова, В. А. (2023). Сюжетно-ролевая игра и проектная деятельность как факторы развития детей дошкольного возраста. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Психология и педагогика*, 20(3), 431–445. doi: 10.22363/2313-1683-2023-20-3-431-445
- Веракса, Н. Е., Туребаев, Д. А. (2018). Эмпирическое исследование развития субъектности детей дошкольного возраста в контексте репрезентации нормативных, преобразующих и неопределенных ситуаций. *Социальные и гуманитарные науки: теория и практика*, 1(2), 575–587.

- Выготский, Л. С. (1983). *Собрание сочинений. Т. 3. М.: Педагогика.*
- Выготский, Л. С. (2017). Игра и ее роль в психическом развитии ребенка. *Альманах института коррекционной педагогики*, 28, 1–33.
- Кузнецова, Е. В. (2020). Развитие связной речи детей старшего дошкольного возраста средствами проектной деятельности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Сер. Гуманитарные и общественные науки*, 4(3), 198–206. doi: 10.21603/2542-1840-2020-4-3-198-206
- Леонтьев, А. Н. (1997). К вопросу о сознательности учения. *Психологическая наука и образование*, 2(1). Ст. 2.
- Подъяков, Н. Н. (2021). *Психическое развитие и саморазвитие ребенка-дошкольника. Ближние и дальние горизонты.* СПб.: Образовательные проекты.
- Рябкова, И. А., Шеина, Е. Г. (2023). Об игре ребенка и актера: к вопросу о «превращениях» переживания. *Национальный психологический журнал*, 18(3), 137–146. doi: 10.11621/prj.2023.0313
- Смирнова, Е. О. (2014). Виды игры дошкольника. *Современное дошкольное образование*, 6, 74–78.
- Цукерман, Г. А., Шибанова, Н. А. (2019). Игра и учебная деятельность: пограничные конфликты. *Психолого-педагогические исследования*, 11(4), 22–35.
- Эльконин, Д. Б. (2022). *Психология игры.* М.: RUGRAM.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 09.09.2025г.; принята 09.10.2025 г.

Веракса Александр Николаевич – заведующий кафедрой психологии образования и педагогики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; заведующий лабораторией психологии детства и цифровой социализации Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: veraksa@yandex.ru

Плотникова Валерия Андреевна – научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований; аспирант факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: ler.shinelis@yandex.ru

Веракса Николай Евгеньевич – профессор кафедры психологии образования и педагогики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор психологических наук, академик РАО.

E-mail: neveraksa@gmail.com

Вересов Николай Николаевич – ведущий научный сотрудник факультета образования Университета Монаша (Австралия), доктор философии, профессор.

E-mail: nikolai.veresov@monash.edu

For citation: Veraksa, A. N., Plotnikova, V. A., Veraksa, N. E., Veresov, N. N. (2026). Play and Project Activities in Preschool Children: Conditions that Ensure Development. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 99, 161–179. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/99/9

Play and Project Activities in Preschool Children: Conditions that Ensure Development¹

A.N. Veraksa^{1,2}, V.A. Plotnikova^{1,2}, N.E. Veraksa^{1,2}, N.N. Veresov³

¹ Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation

² Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Researches, 9, bld. 4, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation

³ Monash University, 3800, Wellington Road, Clayton, Victoria, Australia

Abstract

In the context of changes in the nature of modern childhood, there is a growing interest in developing and researching effective methods for supporting child development. Practices that promote the formation of regulatory and speech competencies are becoming particularly relevant. The present study examined the influence of the degree of a child's subject position and the depth of immersion in an imagined situation—considered as key characteristics of play and project-based activities—on the development of self-regulation and speech in preschool age. The research hypotheses proposed that (1) the higher the degree of a child's subject position in the educational situation, the stronger the effect on speech development, and (2) the deeper the child's immersion in the imagined situation, the greater the effect on the development of self-regulation. The sample included 215 preschoolers ($M = 69.7$ months, $SD = 4.28$) who participated in a blinded controlled experiment consisting of three stages: pre-test, intervention, and post-test. Children were assigned to four experimental groups (Imaginary Worlds, Free Play, Creative Project, Research Project) and one control group. The assessment battery included tasks from NEPSY-II, the Card Sorting Test, and the Statue Test to evaluate regulatory functions, as well as the MAIN instrument for assessing narrative skills. The greatest progress in self-regulation was observed in the Imaginary Worlds group, specifically in working memory ($p = 0.021$) and physical inhibitory control ($p = 0.018$). Speech development was most pronounced in the Creative Project group ($p < 0.05$). The findings suggest that immersion in an imaginary situation primarily facilitates the development of self-regulation, while a high degree of subjectivity in the child's position promotes speech development. The results support the principles of the cultural-historical approach and emphasize the importance of active child participation in educational practices. The data obtained are of high practical value for designing effective developmental practices in early childhood education.

Keywords: cultural-historical approach; project-based activity; socio-dramatic play; agency; imaginary situation; self-regulation; narrative speech; executive functions

References

- Can, B., Yıldız-Demirtaş, V., & Altun, E. (2017). The effect of project-based science education programme on scientific process skills and conceptions of kindergarten students. *Journal of Baltic Science Education*, 16(3), 395–413. Retrieved from <https://oaji.net/articles/2017/987-1497964232.pdf>
- Davis, J. L., & Matthews, R. N. (2010). NEPSY-II Review: Korkman, M., Kirk, U., & Kemp, S. (2007). NEPSY—Second Edition (NEPSY-II). San Antonio, TX: Harcourt Assessment. *Journal of Psychoeducational Assessment*, 28(2), 175–182. doi: 10.1177/0734282909346716

¹ This research was funded by Russian Science Foundation grant number 23-18-00506-P “Comparison of play and project activities”.

- Diamond, A. (2013). Executive functions. *Annual Review of Psychology*, 64, 135–154. doi: 10.1146/annurev-psych-113011-143750
- Elkonin, D. B. (2022). *Psikhologiya igry* [Psychology of Play]. Moscow: RUGRAM.
- Fleer, M. (2022). How conceptual playworlds create different conditions for children's development across cultural age periods: A programmatic study overview. *New Ideas in Child and Educational Psychology*, 2(1–2), 3–29. doi: 10.11621/nicep.2022.0201
- Fragkiadaki, G., Fleer, M., & Rai, P. (2021). Collective imagining: The early genesis and development of a sense of collectiveness during infancy. *Cultural-Historical Psychology*, 17(3), 84–94. doi: 10.17759/chp.2021170312
- Gagarina, N., Klop, D., Kunnari, S., Tantele, K., Välimaa, T., Bohnacker, U., & Walters, J. (2019). MAIN: Multilingual assessment instrument for narratives–Revised. *ZAS Papers in Linguistics*, 63, 1–36. doi: 10.21248/zaspil.63.2019.516
- Helm et al. (2023). *Young investigators: The project approach in the early years* (3rd ed.). New York: Teachers College Press.
- Kuznetsova, E. V. (2020). Razvitiye svyaznoy rechi detey starshego doshkol'nogo vozrasta sredstvami proektnoy deyatelnosti [Development of coherent speech in older preschool children through project activities]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 4(3), 198–206. doi: 10.21603/2542-1840-2020-4-3-198-206
- Leontiev, A. N. (1997). K voprosu o soznatel'nosti ucheniya [On the question of conscious learning]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2(1), Article 2.
- Matsuo, R., Matsumoto, N., Mitsuhashi, T., & Yorifuji, T. (2024). COVID-19 pandemic and language development in children at 18 months: A repeated cross-sectional study over a 6-year period in Japan. *Archives of Disease in Childhood*, 109(2), 158–164. doi: 10.1136/archdischild-2023-325926
- Miyake, A., Friedman, N. P., Emerson, M. J., Witzki, A. H., Howerter, A., & Wager, T. D. (2000). The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis. *Cognitive Psychology*, 41(1), 49–100. doi: 10.1006/cogp.1999.0734
- Poddyakov, N. N. (2021). *Psikhicheskoe razvitiye i samorazvitiye rebenka-doshkol'nika. Blizhnie i dal'nie gorizonty* [Mental development and self-development of the preschool child. Near and far horizons]. St. Petersburg: Obrazovatel'nye proekty.
- Ponti, M. (2023). Screen time and preschool children: Promoting health and development in a digital world. *Paediatrics & Child Health*, 28(3), 184–192. doi: 10.1093/pch/pxac125
- Ryabkova, I. A., & Sheina, E. G. (2023). Ob igre rebenka i aktera: k voprosu o “prevrashcheniyakh” perezhivaniya [On the play of the child and the actor: on the issue of “transformations” of experience]. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal*, 18(3), 137–146. doi: 10.11621/npj.2023.0313
- Samuelsson, R. (2020). Guiding preschool play for cultural learning: Preschool design as cultural niche construction. *Frontiers in Psychology*, 11, 545846. doi: 10.3389/fpsyg.2020.545846
- Schmidt, M. E., & Vandewater, E. A. (2008). Media and attention, cognition, and school achievement. *The Future of Children*, 18(1), 63–85.
- Smirnova, E. O. (2014). Vidy igry doshkol'nika [Types of play in preschoolers]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie*, 6, 74–78.
- Stagnitti, K., Bailey, A., Hudspeth Stevenson, E., Reynolds, E., & Kidd, E. (2016). An investigation into the effect of play-based instruction on the development of play skills and oral language. *Journal of Early Childhood Research*, 14(4), 389–406. doi: 10.1177/1476718X15579741
- Tsukerman, G. A., & Shibanova, N. A. (2019). Igra i uchebnaya deyatelnost': pogranichnyye konflikty [Play and learning activity: boundary conflicts]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya*, 11(4), 22–35.

- Uzundağ, B. A., Altundal, M. N., & Keşşafoglu, D. (2022). Screen media exposure in early childhood and its relation to children's self-regulation. *Human Behavior and Emerging Technologies*, 2022, Article 4490166. doi: 10.1155/2022/4490166
- Veraksa, A. N., Almazova, O. V., & Bukhalenkova, D. A. (2020). Diagnostika regulyatornykh funktsiy v starshem doshkol'nom vozraste: batareya metodik [Diagnostics of executive functions in older preschool age: a battery of methods]. *Psikhologicheskiy zhurnal*, 41(6), 108–118.
- Veraksa, A. N., Veraksa, N. E., Oshchepkova, E. S., & Plotnikova, V. A. (2025). Vzaimosvyaz' pozitsii rebenka v obrazovatel'noy situatsii i razvitiya svyaznoy rechi [The relationship between the child's position in the educational situation and the development of coherent speech]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 21(1), 42–54. doi: 10.17759/chp.2025210105
- Veraksa, N. E., & Turebaev, D. A. (2018). Empiricheskoe issledovanie razvitiya sub"ektnosti detey doshkol'nogo vozrasta v kontekste reprezentatsii normativnykh, preobrazuyushchikh i neopredelennykh situatsiy [An empirical study of the development of agency in preschool children in the context of representation of normative, transformative and uncertain situations]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika*, 1(2), 575–587.
- Veraksa, N. E., Veraksa, A. N., & Plotnikova, V. A. (2023). Syuzhetno-rolevaya igra i proektnaya deyatelnost' kak faktory razvitiya detey doshkol'nogo vozrasta [Role-play and project activity as factors in the development of preschool children]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Psikhologiya i pedagogika*, 20(3), 431–445. doi: 10.22363/2313-1683-2023-20-3-431-445
- Veresov, N. (2017). The concept of *perezhivanie* in cultural-historical theory: Content and contexts. In N. N. Veresov (Ed.), *Perezhivanie, emotions and subjectivity: Advancing Vygotsky's legacy* (pp. 47–70). Singapore: Springer.
- Vygotskiy, L. S. (1983). *Sobranie sochineniy. T. 3* [Collected works. Vol. 3]. Moscow: Pedagogika.
- Vygotskiy, L. S. (2017). Igra i ee rol' v psikhicheskom razvitiy rebenka [Play and its role in the mental development of the child]. *Al'manakh instituta korrektsionnoy pedagogiki*, 28, 1–33.
- Yogman, M., Garner, A., Hutchinson, J., Hirsh-Pasek, K., & Golinkoff, R. M. (2018). The power of play: A pediatric role in enhancing development in young children. *Pediatrics*, 142(3), e20182058. doi: 10.1542/peds.2018-2058
- Zakharova, M. N., & Machinskaya, R. I. (2023). Voluntary control of cognitive activity in preschool children: Age-dependent changes from ages 3–4 to 4–5. *Psychology in Russia: State of the Art*, 16(3), 122–131. doi: 10.11621/pir.2023.0309
- Zelazo, P. D. (2006). The dimensional change card sort (DCCS): A method of assessing executive function in children. *Nature Protocols*, 1(1), 297–301. doi: 10.1038/nprot.2006.46

Received 09.09.2025; Accepted 09.10.2025

Alexander N. Veraksa – Head of the Department of Educational Psychology and Pedagogy, Lomonosov Moscow State University; Head of the Laboratory of Childhood Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: veraksa@yandex.ru

Valeria A. Plotnikova – Researcher, Laboratory of Childhood Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Center for Psychological and Multidisciplinary Research; PhD student, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: ler.shinelis@yandex.ru

Nikolay E. Veraksa – Professor, Department of Educational Psychology and Pedagogy, Lomonosov Moscow State University, D. Sc. (Psychol.), Academician of the Russian Academy of Education.

E-mail: neveraksa@gmail.com

Nikolai N. Veresov – Senior Research Fellow, Faculty of Education, Monash University (Australia), D. Sc. (Philosoph.), Professor.

E-mail: nikolai.veresov@monash.edu

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 159.9.072

ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАЗВИТИИ САМООРГАНИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ

М.И. Шашкова¹, Э.Ф. Зеер¹, М.А. Волконский¹

¹ *Уральский государственный педагогический университет, Россия, 620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26*

Резюме

Рассматриваются возможности искусственного интеллекта (ИИ) в развитии самоорганизации студентов. Несмотря на существующие трудности в управлении временем и учебной деятельностью, использование ИИ в образовательном процессе может помочь преодолеть некоторые из этих проблем. Студенты уже применяют ИИ для учебных целей и сотрудничества, хотя не всегда осознают это с точки зрения развития своей автономии. **Цель исследования** – определить возможности искусственного интеллекта в развитии самоорганизации студентов. **Выборка исследования**, проводившегося в мае 2025 г., включала 220 человек в возрасте от 17 до 24 лет. **Методы исследования**: авторская анкета по использованию искусственного интеллекта студентами, «Опросник самоорганизации деятельности» (ОСД). Применялись методы математической статистики: описательная статистика, факторный анализ. **Результаты** проведенного факторного анализа позволили выявить три ключевых компонента самоорганизации студентов в условиях использования искусственного интеллекта: ядро личностной регуляции деятельности – фундаментальный компонент, отражающий зрелую самоорганизацию через показатели целеустремленности, планомерности и настойчивости; цифрово-когнитивный регулятор – компонент, характеризующий использование внешних цифровых инструментов (включая ИИ) для управления вниманием и поддержания фокуса; временной локус контроля – компонент, отражающий ориентацию на текущий момент и влияющий на распределение усилий при решении задач. Исследование показало, что самоорганизация студентов в цифровой среде представляет собой многокомпонентную структуру, где традиционные личностные характеристики органично сочетаются с новыми формами регуляции, опосредованными использованием искусственного интеллекта. При этом все компоненты относительно независимы друг от друга, что подтверждает их самостоятельную значимость в общей структуре самоорганизации. Результаты: искусственный интеллект является инструментом ситуационного внешнего контроля, способствует регуляции внимания и временной концентрации, оказывая поддержку когнитивных и регуляторных процессов, при этом не затрагивая мотивационно-волевую сферу. Результаты исследования можно объяснить в рамках интегративной модели, сочетающей культурно-историческую психологию и философию техники. ИИ в данной парадигме – не просто вспомогательный инструмент, а активный агент формирования новых когнитивных практик.

Ключевые слова: самоорганизация; искусственный интеллект; тайм-менеджмент; учебная деятельность; студенты; цифровое образование; самоэффективность; учебная успеваемость

Введение

Современное образование переживает качественный сдвиг, обусловленный широким внедрением цифровых технологий и интеллектуальных систем. Особое место в этой трансформации занимает искусственный интеллект (ИИ), который уже сегодня активно используется для адаптивного тестирования, персонализированного обучения и анализа учебной активности студентов. Однако вопрос о влиянии ИИ на самоорганизацию студентов остается открытым и недостаточно изученным (Ingkavara, Panjaburee, Srisawasdi, Sajjaranroj, 2022). С одной стороны, ИИ способен усиливать мотивацию, структурировать учебный процесс и предоставлять обратную связь. С другой – он может формировать зависимость, снижать автономность и критическое мышление учащихся. Настоящее исследование направлено на выявление механизмов, с помощью которых ИИ влияет на самоорганизацию студентов, и оценку его роли в повышении учебной продуктивности и удовлетворенности. В фокусе анализа находятся психологические аспекты взаимодействия человека и ИИ в образовательной среде.

Методологическая основа исследования

Теоретическая рамка исследования включает междисциплинарное сочетание подходов:

– психолого-педагогического подхода, акцентирующего внимание на развитии учебной автономии, мотивации, ответственности;

– теории самоэффективности А. Bandura (1982), объясняющей, как внешняя поддержка (в том числе технологическая) может усиливать или ослаблять уверенность в собственных силах;

– цифровой педагогики как новой области, описывающей взаимодействие обучающегося с ИИ-системами и цифровыми помощниками (Ropenici, Kerr, 2017);

– парадигмы человеко-машинного сотрудничества, в рамках которой ИИ рассматривается не как инструмент контроля, а как равноправный участник образовательного процесса (Hemmer, Westphal, Schemmer, Vetter, Vössing, Satzger, 2023).

Самоорганизация как центральный элемент личностно ориентированной парадигмы образования предполагает наличие у обучающегося комплекса умений, включающих целеполагание, планирование, временное структурирование задач, самоконтроль, саморегуляцию и рефлекссию (Мирошкина, 2014). В условиях цифровой образовательной среды, где традиционные формы внешней педагогической регуляции во многом нивелируются, именно эти навыки становятся определяющими для успешного освоения учебного материала. Однако в силу разнообразия индивидуальных стратегий учебного поведения и различий в когнитивных стилях студентов акту-

альной становится необходимость гибкой технологической поддержки процессов самоорганизации. Здесь и возникает вопрос о потенциале искусственного интеллекта как медиатора между структурой образовательного контента и субъектной активностью обучающегося (Babayev, 2025). Технологии ИИ, внедряемые в образовательную практику, охватывают широкий спектр функций – от интеллектуальных рекомендательных систем до чат-ботов, выполняющих тьюторскую и консультативную роль. Одной из концептуально значимых форм взаимодействия обучающегося с ИИ является так называемое делегирование задач, при котором система самостоятельно принимает решение о передаче выполнения определенных заданий студенту на основе анализа его предыдущих достижений, стиля работы и уровня компетентности (Hemmer et al., 2023). Таким образом, ИИ выступает не только в роли поставщика информации или автоматизированного оценщика, но и в роли своеобразного цифрового менеджера, способного формировать индивидуальные траектории учебной активности (Ingkavara et al., 2022). Подобное взаимодействие наделяет обучающегося чувством ответственности и признания, формируя установку на успех, усиливая внутреннюю мотивацию и укрепляя представление о собственной эффективности.

Одним из центральных психологических механизмов, объясняющих эффективность ИИ в поддержке самоорганизации, является самоэффективность – уверенность индивида в способности справиться с задачами в конкретной предметной области (Леонтьев, 2005; Bandura, 1982). Ряд исследований в области когнитивной психологии подтверждает, что оптимально организованное делегирование заданий, соответствующих зоне ближайшего развития обучающегося, ведет к повышению уровня его самооценки, улучшению продуктивности и росту удовлетворенности учебным процессом (Шадриков, 2019). Однако необходимо учитывать, что эффективность данной модели во многом определяется тем, как сам студент воспринимает цифровую систему: как помощника, партнера или контролирующий механизм (Hopfenbeck, Zhang, Sun, Robertson, McGrane, 2023). Позитивный эффект делегирования может нивелироваться при наличии недоверия к системе, отсутствии цифровой грамотности или при доминировании внешней мотивации в структуре учебной активности (Ingkavara et al., 2022).

Технологии ИИ, внедряемые в образовательную практику, охватывают широкий спектр функций – от интеллектуальных рекомендательных систем, адаптирующих содержание обучения к индивидуальному темпу студента, до чат-ботов, выполняющих тьюторскую и консультативную роль в режиме реального времени. Подобное многообразие форм говорит о том, что искусственный интеллект постепенно перестает быть вспомогательным инструментом и все больше укореняется в образовательном процессе.

Одной из концептуально значимых форм взаимодействия обучающегося с ИИ является так называемое делегирование задач, при котором система самостоятельно принимает решение о передаче выполнения определенных заданий студенту на основе анализа его предыдущих достижений,

стиля работы и уровня компетентности. Подобный механизм предполагает непрерывный мониторинг учебной деятельности и ее своевременную корректировку, что существенно отличается от традиционных форм педагогического взаимодействия. Таким образом, ИИ выступает не только в роли поставщика информации или автоматизированного оценщика, но и в роли своеобразного цифрового менеджера, способного формировать индивидуальные траектории учебной активности. Подобное взаимодействие наделяет обучающегося чувством ответственности и признания, поскольку система реагирует на конкретные действия, а не работает по шаблону, формируя тем самым установку на успех, усиливая внутреннюю мотивацию и укрепляя представление о собственной эффективности (Ingkavara et al., 2022).

Параллельно с возможностями следует рассматривать и риски, обусловленные чрезмерной автоматизацией образовательных процессов. Угроза заключается в том, что при высоком уровне зависимости от искусственного интеллекта студент может утратить навыки критической оценки, самостоятельного анализа информации и инициативности в обучении (Fan et al., 2024). Подмена активной когнитивной деятельности пассивным следованием подсказкам алгоритма способствует снижению глубины обработки информации и поверхностному усвоению содержания. В таких условиях возникает опасность деформации образовательной субъектности, когда обучение начинает восприниматься как внешне управляемый процесс, не требующий усилий, планирования и целеполагания со стороны самого обучающегося.

Важно отметить, что роль ИИ в развитии самоорганизации студентов не является однозначной и требует педагогически осмысленного сопровождения и гибкой технологической поддержки процессов самоорганизации в силу разнообразия индивидуальных стратегий учебного поведения и различий в когнитивных стилях студентов (Vabayev, 2025). Интеграция искусственного интеллекта в образовательный процесс должна быть направлена не на замену человеческого взаимодействия или устранение неопределенности, а на создание условий для постепенного развития самостоятельности обучающегося (Ясвин, 2001; Hopfenbeck et al., 2023). Цифровые ассистенты, рекомендательные платформы и интеллектуальные системы делегирования задач могут эффективно выполнять функцию внешней опоры, способствуя формированию привычки к структурированию времени, выработке стратегии решения задач и формированию устойчивых метакогнитивных паттернов (Zimmerman, 2002). Однако лишь при условии, что студент остается активным субъектом своего обучения, принимающим решения и способным к осмысленной рефлексии, ИИ может стать ресурсом развития, а не фактором зависимого поведения.

Таким образом, искусственный интеллект в образовательной среде выполняет двойственную функцию. С одной стороны, он может стать катализатором развития самоорганизации, обеспечивая гибкую, адаптивную и персонализированную поддержку учебной деятельности. С другой стороны, при неумелом или чрезмерном использовании он способен подорвать

основания субъектной позиции, подменяя самостоятельность автоматизмом. В связи с этим задачей современной педагогики становится поиск таких моделей взаимодействия с ИИ, которые бы сохраняли принцип приоритета личности, ее автономии и внутренней мотивации. Только в этом случае технологии искусственного интеллекта будут способствовать не деградации, а прогрессивному развитию образовательного потенциала личности.

Материалы и методы

Организация исследования. Сбор данных проходил анонимно и асинхронно посредством онлайн-сервиса Google-forms. Участники – 220 человек в возрасте от 17 до 24 лет ($\bar{x} = 20,45$; $SD = 1,84$), 119 девушек и 101 юноша. Возрастной диапазон, охватывающий раннюю взрослость, представляет собой ключевой период развития субъектной позиции личности, становления профессиональной идентичности и формирования устойчивых стратегий самоорганизации, что делает данную выборку репрезентативной для анализа психологических аспектов взаимодействия студента с цифровыми технологиями, включая искусственный интеллект. Метод сбора данных: авторская анкета о применении искусственного интеллекта в своей деятельности и «Опросник самоорганизации деятельности» (ОСД) – авторская методика, разработанная Е.Ю. Мандриковой (2010). Методика предназначена для диагностики сформированности навыков стратегического целеполагания, тактического планирования, а также особенностей структурирования деятельности. Обработка данных проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics 22, а также пакета Microsoft Excel.

Результаты

Описательный анализ

Полученные результаты позволяют выявить несколько существенных тенденций, указывающих на характерные трудности студентов в области самоорганизации, и те формы участия ИИ, которые уже находят применение в их учебной практике. Прежде всего, 53% респондентов признали, что испытывают трудности с самоорганизацией и управлением временем (включая категории «определенно да» и «иногда»), тогда как только 10% сообщили о их полном отсутствии. Это свидетельствует о достаточно распространенной неустойчивости регуляторных механизмов у современной студенческой аудитории. Данный феномен может быть интерпретирован через призму психологии развития: молодые люди находятся в стадии перехода от внешней к внутренней регуляции, и процессы планирования, целеполагания, самоконтроля еще не обрели устойчивых автоматизмов.

Анализ субъективных факторов (рис. 1), вызывающих затруднения в самоорганизации, подтверждает мультифакторную природу проблемы. Наиболее выраженными причинами оказались отвлекающие внешние сти-

мулы (64%), высокий уровень стресса (43%), когнитивная перегрузка (42%), низкая мотивация (47%) и отсутствие конкретных целей (29%). Эти показатели свидетельствуют о дефиците внутренней структурной опоры на уровне психологических регуляторов и подтверждают тезис о необходимости дополнительных внешних инструментов поддержки, одним из которых может выступать искусственный интеллект.

Как вы думаете, какие факторы вносят наибольший вклад в Ваши затруднения с самоорганизацией и тайм-менеджментом?

Рис. 1. Факторы затруднений самоорганизации и тайм-менеджмента (в %, респондент мог выбрать несколько вариантов ответа)

Интересно отметить, что среди студентов наблюдается достаточно высокая вовлеченность в использование ИИ: ежедневно его применяют 25% опрошенных, еще 37% – несколько раз в неделю. Более половины студентов (57%) включают ИИ в учебный процесс (поиск информации, помощь в учебе, структурирование задач). Однако обращает на себя внимание тот факт, что только 10% используют ИИ для структурирования и упрощения задач, что указывает на недостаточную интеграцию этих возможностей в сферу саморегуляции. Таким образом, потенциальный ресурс ИИ как медиатора самоорганизации остается недостаточно реализованным.

Результаты, полученные с помощью опросника Е.Ю. Мандриковой (2010), проливают свет на особенности самоорганизационной компетентности студентов. Доминирование средних значений по всем шкалам (в среднем около 70–80%) свидетельствует о формирующемся, но еще не завершенном характере регуляторных стратегий. Особенно уязвимыми зонами оказались такие параметры, как целеустремленность (высокий уровень – лишь у 9% студентов) и настойчивость (высокий – у 17%, а низкий – у 21%). Эти данные подкрепляют идею о необходимости развития у студентов способности к устойчивому следованию учебным целям и преодолению возникающих препятствий.

С психологической точки зрения вышеописанные затруднения свидетельствуют о наличии внутреннего конфликта между мотивационными установками на достижение и ограниченной способностью к произвольной регуляции. Здесь возможности искусственного интеллекта могут быть оценены как внешняя опора, способствующая построению индивидуальной траектории и расширению инструментов саморегуляции. Современные ИИ-системы, обладая потенциалом адаптивной поддержки, способны не только структурировать материал, но и предлагать оптимальные сценарии деятельности в зависимости от ритма, уровня подготовки и целей студента. Это особенно важно в условиях высокой когнитивной нагрузки и информационной насыщенности образовательного пространства.

С практической точки зрения интеграция ИИ в процессы самоорганизации студентов может быть рассмотрена как форма цифрового тьютора, выполняющего функции внешнего регулятора в процессе перехода к автономии. Искусственный интеллект может выступать в роли медиатора между задачей и субъектом, снижая уровень неопределенности и тревожности, способствуя формированию операциональной уверенности, особенно у студентов со средним и низким уровнем самоорганизации. Он может персонализировать учебные стратегии, подсказывать способы оптимизации времени, давать обратную связь, что в итоге ведет к росту как академической мотивации, так и уровня самоэффективности – ключевого конструкта, тесно связанного с успешной саморегуляцией.

Таким образом, приведенные эмпирические данные подтверждают актуальность рассмотрения искусственного интеллекта не только как инструмента автоматизации, но и как психологического посредника в становлении субъектности обучающегося. Включение ИИ в образовательную среду требует не просто технической реализации, но и учета психологических механизмов формирования самоорганизации. Только при наличии такого синтеза возможна реализация полноценного потенциала ИИ как инструмента развития личностной автономии и регуляторной устойчивости в молодежной образовательной среде.

Результаты факторного анализа

Результаты факторного анализа позволяют выделить три латентных компонента (фактора), объясняющих взаимосвязи между показателями самоорганизации студентов и частотой использования искусственного ин-

теллекта. Метод выделения факторов – метод главных компонент с Вари-макс вращением, что позволяет интерпретировать полученные компоненты как максимально независимые (ортогональные) друг от друга.

Первый фактор отличается высокой нагрузкой на переменные: общий уровень самоорганизации (0,950), целеустремленность (0,762), планомерность (0,751) и настойчивость (0,702). Это позволяет интерпретировать данный компонент как «ядро личностной регуляции деятельности», включающее устойчивую мотивацию, способность к целеполаганию, последовательность и настойчивое следование к целям. Это интегральная характеристика зрелой самоорганизации.

Второй фактор включает в себя переменные фиксации (0,712), частоты использования ИИ (0,673) и в меньшей степени – общей самоорганизации (0,416) и ориентации на настоящее (0,471). Эти данные позволяют охарактеризовать второй фактор как «цифрово-когнитивный регулятор», отражающий склонность к опоре на внешние инструменты, в том числе ИИ, для поддержания внимания, удержания фокуса и ориентации в настоящем моменте. Здесь отчетливо прослеживается взаимосвязь между когнитивными стратегиями управления вниманием и включенностью в цифровую среду как ресурса самоорганизации.

Третий фактор представлен единственной выраженной нагрузкой – ориентацией на настоящее (0,973), что позволяет интерпретировать его как «временной локус контроля», или направленность восприятия и регуляции на текущий момент. Несмотря на то, что этот компонент выделен отдельно, он может играть роль модератора для других характеристик самоорганизации, влияя на то, как субъект распределяет свои усилия и воспринимает текущие задачи.

Результаты проведенного факторного анализа позволили выявить три ключевых компонента самоорганизации студентов в условиях использования искусственного интеллекта:

– Ядро личностной регуляции деятельности – фундаментальный компонент, отражающий зрелую самоорганизацию через показатели целеустремленности, планомерности и настойчивости.

– Цифрово-когнитивный регулятор – компонент, характеризующий использование внешних цифровых инструментов (включая ИИ) для управления вниманием и поддержания фокуса.

– Временной локус контроля – компонент, отражающий ориентацию на текущий момент и влияющий на распределение усилий при решении задач.

Таким образом, исследование показало, что самоорганизация студентов в цифровой среде представляет собой многокомпонентную структуру, где традиционные личностные характеристики органично сочетаются с новыми формами регуляции, опосредованными использованием искусственного интеллекта. При этом все компоненты относительно независимы друг от друга, что подтверждает их самостоятельную значимость в общей структуре самоорганизации.

Важно отметить, что частота использования ИИ не включается в фактор личностной регуляции напрямую, а группируется с когнитивными стратегиями внимания. Это свидетельствует о том, что ИИ функционирует скорее как инструмент поддержки оперативной регуляции (фиксации, контроля за вниманием), нежели как часть мотивационно-волевой структуры личности. Таким образом, факторный анализ подтверждает сложную и многокомпонентную природу самоорганизации студентов, в которой ИИ выступает как внешний медиатор когнитивной регуляции, тесно связанный с вниманием и опорой на настоящее. Эти результаты могут стать основанием для последующих исследований по проектированию цифровых образовательных сред, ориентированных не только на результат, но и на развитие регуляторных способностей студентов.

Суммарно полученные данные подтверждают тезис о том, что ИИ является инструментом ситуационного внешнего контроля, способствует регуляции внимания и временной концентрации, оказывая поддержку когнитивных и регуляторных процессов, при этом не затрагивая мотивационно-волевую сферу. Это открывает перспективы для дальнейших исследований, направленных на разработку цифровых решений, способных не только компенсировать отдельные дефициты регуляции, но и развивать системные аспекты личностной самоорганизации в образовательной среде.

Обобщая результаты теоретического анализа и эмпирических данных, можно утверждать, что искусственный интеллект постепенно становится значимым инструментом в формировании и поддержании самоорганизации студентов. Несмотря на сохраняющиеся трудности в тайм-менеджменте и регуляции учебной деятельности, особенно под воздействием отвлекающих факторов, когнитивной перегрузки и низкой мотивации, включение ИИ в образовательный процесс может компенсировать ряд этих затруднений. Студенты уже интуитивно используют ИИ для учебных целей и поиска информации, демонстрируя готовность к технологическому сотрудничеству, пусть и не всегда осознанному с точки зрения формирования личностной автономии. При этом сохраняется преимущественно средний уровень развития самоорганизационных способностей, что открывает возможности для их целенаправленного совершенствования. Полученные данные дают основания для разработки и внедрения образовательных стратегий, направленных на интеграцию ИИ в обучение как инструмента саморегуляции, планирования, расстановки приоритетов и развития целеустремленности. Это особенно актуально в контексте формирования цифровой грамотности и повышения мотивации к самостоятельной деятельности. Перспективными направлениями дальнейших исследований могут стать выявление специфики влияния различных ИИ-инструментов на отдельные компоненты самоорганизации, изучение динамики их применения на разных этапах профессионального обучения, а также психологические эффекты взаимодействия студентов с ИИ-системами в контексте академической ответственности и субъективного контроля.

Обсуждение результатов

Объяснение полученных результатов исследования можно обосновать через призму культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и концепции технологического медиаторства, развиваемой в современных философских и социотехнических теориях (Verbeek, 2011).

Искусственный интеллект как «инструментальный артефакт развития». Согласно культурно-историческому подходу, развитие высших психических функций человека, в частности самоорганизации, планирования, целеполагания, происходит посредством интериоризации внешних средств и знаковых систем, которые сначала выполняют регулирующую функцию извне, а затем становятся средствами саморегуляции (Выготский, 2025). В этом смысле искусственный интеллект, внедренный в учебный процесс, может рассматриваться как современный «инструментальный артефакт», через который субъект осваивает модели структурирования времени, упорядочивания действий и приоритизации задач.

Положительная корреляция между частотой использования ИИ и шкалой фиксации (как способности удерживать фокус внимания и следовать поставленной задаче) может быть интерпретирована как проявление процесса «внешней регуляции», постепенно становящейся внутренней. ИИ, предоставляя структурированную информацию, пошаговые подсказки, напоминания и визуализацию задач, выступает в роли «внешнего организатора внимания», к которому субъект вначале привыкает, а затем начинает воспроизводить аналогичные стратегии самостоятельно. Это подобно тому, как ребенок сначала осваивает речь в диалоге со взрослым, а позже использует внутреннюю речь как средство мышления.

Переход к философской концепции – ИИ как технологический медиатор субъектности. С точки зрения философии техники, особенно в концепции «медианного действия» (Verbeek, 2011), ИИ – не просто инструмент, а активный медиатор между человеком и миром, преобразующий не только поведение, но и саму структуру восприятия, мотивации и субъективного опыта (Verbeek, 2011). В этой оптике полученные данные о росте показателей самоорганизации у активно использующих ИИ студентов могут быть объяснены тем, что ИИ вмешивается в привычные когнитивные практики и инициирует новые паттерны взаимодействия с задачами и информацией.

Таким образом, мы можем утверждать, что ИИ не только функционально помогает в организации деятельности, но и трансформирует саму субъектность обучающегося, придавая ей новые формы операциональной автономии. Иными словами, студент учится «быть организованным» не только благодаря себе, но и через сотрудничество с технообъектом.

Заключение

Цифровая среда как поле новой субъектности. На культурном уровне это отражает переход от парадигмы индустриального индивидуализма

к постиндустриальной сингулярности, в которой субъекты существуют в постоянном диалоге с алгоритмами. Самоорганизация в этом контексте – уже не исключительно внутренняя черта, а продукт сетевого взаимодействия с когнитивными технологиями, что особенно характерно для поколения цифровых аборигенов. Это объясняет, почему именно у студентов, активно использующих ИИ, выше уровни фиксации и общей самоорганизации: они освоили гибридные формы субъектности, в которых внутренняя дисциплина формируется в сотворчестве с машинной логикой.

Таким образом, результаты исследования можно объяснить в рамках интегративной модели, сочетающей культурно-историческую психологию и философию техники. ИИ в данной парадигме – не просто вспомогательный инструмент, а активный агент формирования новых когнитивных практик. Он способствует развитию самоорганизации студентов, выступая как временный внешний регулятор, постепенно интериоризируемый и трансформирующийся во внутреннюю структуру сознания.

Литература

- Выготский, Л. С. (2025). *История развития высших психических функций*. М.: Юрайт.
- Леонтьев, А. Н. (2005). *Деятельность. Сознание. Личность*. М.: Смысл.
- Мандрикова, Е. Ю. (2010). Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД). *Психологическая диагностика*, 2, 87–111
- Мирошкина, М. Р. (2014). Самоорганизация участников образовательного процесса в школе. *Школьные технологии*, 4, 115–121.
- Шадриков, В. Д. (2019). *Качество педагогического образования*. М.: Логос.
- Ясвин, В. А. (2001). *Образовательная среда: от моделирования к проектированию*. М.: Смысл.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

*Поступила в редакцию 04.09.2025 г.; повторно 26.10.2025 г.;
принята 30.10.2025 г.*

Шашкова Мария Игоревна – ассистент кафедры психологии профессионального развития Уральского государственного педагогического университета.

E-mail: mariashashkova26@mail.ru

Зеер Эвальд Фридрихович – профессор кафедры психологии профессионального развития Уральского государственного педагогического университета, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: kafedrappr@mail.ru

Волконский Максим Алексеевич – специалист по учебно-методической работе кафедры психологии профессионального развития Уральского государственного педагогического университета.

E-mail: Vol213245@gmail.com

For citation: Shashkova, M. I., Zeer, E. F., Volkonskij, M. A. (2026). The Potential of Artificial Intelligence in Developing Student Self-Organization. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 99, 180–192. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/99/10

The Potential of Artificial Intelligence in Developing Student Self-Organization

M.I. Shashkova¹, E.F. Zeer¹, M.A. Volkonskij¹

¹ *Ural State Pedagogical University, 26 bld., Kosmonavtov Ave., Ekaterinburg, 620091, Russian Federation*

Abstract

The article examines the potential of artificial intelligence (AI) in the development of student self-organization. Despite existing difficulties in time management and academic activities, the use of AI in the educational process may help to overcome some of these problems. Students already employ AI for learning purposes and collaboration, although they do not always recognize this in terms of developing their autonomy. The aim of the study was to identify the potential of artificial intelligence within the structure of student self-organization. The sample of the study, conducted in May 2025, included 220 individuals ages 17 to 24. The results of the factor analysis made it possible to identify three key components of student self-organization in the context of artificial intelligence use: the core of personal activity regulation is a fundamental component that reflects mature self-organization through indicators of goal orientation, systematic planning, and persistence; the digital-cognitive regulator is a component that characterizes the use of external digital tools (including AI) to manage attention and maintain focus; the temporal locus of control is a component that reflects orientation to the present moment and influences the distribution of effort in task performance. Thus, the study has shown that student self-organization in the digital environment represents a multi-component structure, where traditional personal characteristics are organically combined with new forms of regulation mediated by artificial intelligence. At the same time, all components are relatively independent of each other, which confirms their autonomous significance in the overall structure of self-organization. The result is that artificial intelligence can be employed as an external tool of situational control that contributes to the regulation of attention and temporal concentration. However, it has not yet been integrated into deeper personal constructs of self-organization, such as motivation, goal-setting, and volitional stability. The results of the study can be explained within the framework of an integrative model combining cultural-historical psychology and the philosophy of technology. In this paradigm, artificial intelligence is not merely an auxiliary tool but an active agent in shaping new cognitive practices.

Keywords: self-organization; artificial intelligence; time management; academic activity; students; digital education; self-efficacy; academic performance

References

- Babayev, J. (2025). Algorithmic Autonomy or Dependence? A Mixed-Methods Study on AI Personalization and Self-Regulated Learning in Higher Education. *Journal of Azerbaijan Language and Education Studies*, 2(4), 32–39. doi: 10.69760/JALES.2025004002
- Bandura, A. (1982). Self-efficacy mechanism in human agency. *American Psychologist*, 37, 122–147.
- Fan, Y., Tang, L., Le, H., Shen, K., Tan, S., Zhao, Y., ... Gašević, D. (2024). Beware of Meta-cognitive Laziness: Effects of Generative Artificial Intelligence on Learning Motivation, Processes, and Performance. *British Journal of Educational Technology*, 56(2), 489–530. doi: 10.48550/arXiv.2412.09315
- Hemmer, P., Westphal, M., Schemmer, M., Vetter, S., Vössing, M. & Satzger, G. (2023). IUI '23. *Proceedings of the 28th International Conference on Intelligent User Interfaces*, New York, NY. New York, NY: Association for Computing Machinery. Human-AI Col-

- laboration: The Effect of AI Delegation on Human Task Performance and Task Satisfaction. 453–456. doi: 10.1145/3581641.3584052
- Hopfenbeck, T. N., Zhang, Z., Sun, S. Z., Robertson, P. & McGrane, J. A. (2023). Challenges and opportunities for classroom-based formative assessment and AI: A perspective article. *Frontiers in Education*, 8. doi: 10.3389/educ.2023.1270700
- Ingvavara, T., Panjaburee, P., Srisawasdi, N., Sajjanroj S. (2022). The use of a personalized learning approach to implementing self-regulated online learning. *Computers and Education: Artificial Intelligence*, 3. doi: 10.1016/j.caeai.2022.100086
- Leontiev, A. N. (2005). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl.
- Mandrikova, E. Yu. (2010). Razrabotka oprosnika samoorganizatsii deyatel'nosti (OSD) [Development of the Activity Self-Organization Questionnaire (ASQ)]. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 2, 87–111.
- Miroshkina, M. R. (2014). Samoorganizatsiya uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa v shkole [Self-organization of participants in the educational process at school]. *Shkol'nye tekhnologii*, 4, 115–121.
- Popenici, S. A. D., Kerr, S. (2017). Exploring the impact of artificial intelligence on teaching and learning in higher education. *Research and practice in Technology Enhanced Learning*, 12(22). doi: 10.1186/s41039-017-0062-8
- Shadrikov, V. D. (2019). *Kachestvo pedagogicheskogo obrazovaniya* [The Quality of Teacher Education]. Moscow: Logos.
- Verbeek, P. P. (2011). *Moralizing Technology: Understanding and Designing the Morality of Things*. University of Chicago Press. doi: 10.7208/chicago/9780226852904.001.0001
- Vygotskiy, L. S. (2025). *Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsiy* [The history of the development of higher mental functions]. Moscow: Yurayt.
- Yasvin, V. A. (2001). *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Educational environment: from modeling to design]. Moscow: Smysl.
- Zimmerman, B. J. (2002). Becoming a Self-Regulated Learner: An Overview. *Theory Into Practice*, 41(2), 64–70. doi: 10.1207/s15430421tip4102_2

Received 04.09.2025; Revised 26.10.2025;
Accepted 30.10.2025

Maria I. Shashkova – Assistant Professor Department of Psychology of Professional Development, Ural State Pedagogical University.

E-mail: mariashashkova26@mail.ru

Evald F. Zeer – Professor Department of Psychology of Professional Development, Ural State Pedagogical University; Corresponding Member of the Russian Academy of Education, D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: kafedrappr@mail.ru

Maksim A. Volkonskiy – Instructional Methodologist Department of Psychology of Professional Development, Ural State Pedagogical University.

E-mail: Vol213245@gmail.com

МОНОЛОГИ. ДИАЛОГИ. ДИСКУССИИ

К ПЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ПРОФЕССОРА Г.В. ЗАЛЕВСКОГО

АКТУАЛЬНА ЛИ СЕЙЧАС ПРОБЛЕМА ПСИХИЧЕСКОЙ РИГИДНОСТИ?

Генрих Владиславович Залевский инициировал много событий в жизни факультета психологии Томского государственного университета и психологического сообщества в целом. В конце XX и начале XXI столетия психология в России была областью надежд и откровений, когда к публично сказанному слову прислушивались, не дожидаясь комментариев от «спикеров социальных сетей». Генрих Владиславович всегда был активным участником конференций, дискуссий, диссертационных советов, образовательного процесса.

Вероятно, большая часть тех, кто был с ним знаком по профессиональной деятельности, вспоминает его настойчивое продвижение тренда изучения психической ригидности. Тогда проблема психической ригидности представлялась узковатой. Горизонт психологической проблематики расширялся. Казалось, что изучать поведение – это гоняться за психологической тенью, ведь поведение – это уже результат, функция, эффект. Поведение объясняется мотивацией, значит интереснее изучать сознание, состояния, взаимодействия, в общем все то, что формирует мотивацию. Довольно быстро дискуссии о мотивации сменились дискуссиями о самоидентификации. Как это всегда бывает в психологии, возникла динамическая модель, и оказалось, что мотивация нестабильна, что мотивация – тоже функция. И было установлено, что мотивация – функция от самоидентичности. Самоидентичность определяла мотивацию, мотивация определяла поведение. Ригидность выглядела следствием функциональной системы формирования личности.

Самоидентичность тоже недолго продержалась в «рейтинге надежд». Возникла гипотеза, что самоидентичность – следствие функциональной системы вовлеченности, последующие годы это подтвердили, и сегодня мы видим, как социальные технологии формируют идентичности различных форм «самореализации» – экстремистов, националистов, оригиналов, маргиналов, разного рода «фобов», «филов» и пр. По физическим или по метафизическим причинам, но на вопрос: «Чем объясняется вовлеченность?» – ответ оказался печальным: вовлеченность объясняется поведени-

ем. И круг замкнулся, психология стала скучной, бесконечным «то да потому». Так что от психической ригидности далеко уйти не удалось.

Второй запомнившейся тенденцией, настойчиво утверждавшейся Генрихом Владиславовичем, была проблематика психического здоровья. Психологам как-то не живется в патологии, их все время тянет поработать в области здоровья. Даже врачи по первому образованию, переходя в психологи, перестают «лечить» и стараются «учить». Но здоровые люди воспринимают психологию, как врачи зарядку: больному не поможет, а здоровому не нужно. В результате до сих пор к проблематике психического здоровья всерьез даже не подошли. И снова, как и в прошлом столетии, надежды на развитие связываются с классиками русской психологии: А.А. Ухтомским, Н.В. Введенским, П.К. Анохиным, Л.С. Выготским, Н.В. Бернштейном, создавшими теории пластичности, развития, открытости, самоорганизации.

Можно сказать, что дискуссии, инициированные Генрихом Владиславовичем, продолжают. «Созвездия» психической ригидности и психического здоровья совершают свое вращение в небе, а у нас психологическая зима с периодическими погодными аномалиями. То, что индексы цитирования сегодня ниже, чем тогда, не отражает разрешимости проблем психических ригидности и здоровья. Занимаясь каждый своим делом, мы продолжаем заданные Генрихом Владиславовичем тенденции, все равно попадая в задачи на психическую устойчивость. Так что, отвечая на вопрос об актуальности проблематики, которую предлагал изучать Генрих Владиславович, приходится ответить задумчивым молчанием. Актуально, но что с этим делать?

Конечно, оценки психического состояния у отдельных групп населения («в норме и патологии») посредством тестов сегодня ни к чему не приведут. Но избыточная жесткость психических структур делает ситуацию измененной болезненней, чем хотелось бы.

В общем, тема Генриха Владиславовича жива.

Редакция Сибирского Психологического Журнала, инициатором и главным редактором которого, кстати, был Генрих Владиславович